www.bizdin.kg

Ч. Дж. Турдалиева

ЗАПАДНЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ И ИССЛЕДОВАТЕЛИ О КЫРГЫЗАХ И КЫРГЫЗСТАНЕ

(вторая половина XIX– начало XX вв.)

Бишкек – 2009

www.bizdin.kg

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2Ки)
Т 87

Рекомендована Ученым советом Американского университета
в Центральной Азии
Ответственный редактор: А.А. Асанканов, член-корр. НАН КР,
доктор исторических наук, профессор

Рецензенты: Дж. Дж. Джунушалиев, член-корреспондент НАН КР,
доктор исторических наук, профессор
Ч. Ж. Чотаева, доктор исторических наук, профессор

Т 87 Турдалиева Ч.Дж.
Западные путешественники и исследователи о кыргызах и Кыргызстане (вторая половина XIX – начала XX вв.). – Бишкек, 2008. – 280 с. прил.
ISBN 978 – 9967 – 25 -139 -7

В монографии исследуется история и культура кыргызов и Кыргызстана в трудах западных путешественников и исследователей второй половины XIX – начала XX вв. Исследование имеет научную и практическую значимость для преподавателей истории, этнологии и источниковедения.

www.bizdin.kg

Издание монографии осуществляется при софинансировании Американского университета в Центральной Азии и программы Центрально-Азиатские исследовательские и преподавательские инициативы Фонда Сороса (CARTI).

Т 0503020911- 08

УДК 94 (47)

ББК 63.3 (2Ки)

ISBN 978-9967-25-139-7

Турдалиева
Ч.Дж. 2008

Посвящается сыну Рембаю

www.bizdin.kg

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю 5–6

Предисловие …….. 7–11

Глава I. Историография изучения трудов западных путешественников о Центральной Азии ……12–54

1.1.Центрально-азиатская и российская историография……12–36

1.2. Западная историография……36–54

Глава II. Этническая история кыргызов в центрально-азиатском путешествующем нарративе ……...55–96

2.1. Происхождение кыргызов…….....55–71

2.2. Родоплеменная структура……71–83

2.3. Социальная стратификация …… ..84–96

Глава III. Этнополитическая история кыргызов ……...97–147

3.1. «Большая игра» в Центральной Азии и кыргызы……..…97–124

3.2. Имперское насилие в трудах западных путешественников……124–136

3.3.Образы и стереотипы в контексте идеологии имперского насилия.....136–147

Глава IV. Этноэкономика кыргызов ……. 148–184

4.1. Скотоводство и земледелие кыргызов в контексте географического детерминизма Элсуорса Хантингтона …..…....148–174

4.2. Ремесло и торговля ……..174–184

Глава V. Культура кыргызов в трудах Эллы Сайкс и Леди Макартни …….... 185–226

5.1. Жилище, пища и одежда…….185–215

www.bizdin.kg

5.2. Религия, традиции и обряды ……...……...215–226

Заключение ……227–236

Примечание..…….....237–267

Приложение 267–270

www.bizdin.kg

К читателю

В советский период общественная наука западных стран, в том числе и историческая, считалась буржуазной и зачастую подвергалась необоснованной критике со стороны «марксистско-ленинской методологии». Налагалось табу на использование и изучение трудов западных «апологетов антимарксистской общественной науки». Но если в какой-то мере и изучалась дореволюционная и советская евро-американская кыргызстаника, то только для критики, чтобы доказать ее фальсифицирующую сущность и содержание. Тем самым мы, представители исторической науки, в том числе и этнологической, наряду с другими гуманитарными науками, долгие годы не могли использовать ценные, а порой и единственные источники и исследования западных путешественников и исследователей XIX – начала XX вв.

В данной работе впервые изучаются труды западных путешественников и исследователей, посвященные истории, экономике, политике и культуре кыргызов и Кыргызстана XIX – начала XX вв. Актуальность исследования определяется следующими обстоятельствами. В изучаемый период история и культура кыргызов и Кыргызстана исследовались по трудам российских исследователей, таких как П.П.Семенов-Тян-Шанский, Ч.Ч.Валиханов, Н.А.Аристов, Н.А.Северцов, В.В.Бартольд и др. Западная историческая литература XIX – начала XX вв., включавшая ценные описания и наблюдения о кыргызах и Кыргызстане, практически оставалась вне научной интерпретации и обобщения. А если и использовались их труды, то это осуществлялось при помощи переводных российских материалов. При этом возникало множество субъективных оценок и, в целом, складывался однобокий взгляд на историю кыргызов и Кыргызстана.

www.bizdin.kg

Актуальность изучения данной темы усиливается и тем, что впервые данный исторический материал инкорпорируется в отечественную историческую науку. Автор проделал огромный труд по переводу, систематизации и классификации, анализу и синтезу трудов и сведений западных путешественников о кыргызах и Кыргызстане.

Впервые в научный оборот отечественного кыргызоведения и централоазиатоведения введены новые западные источники, к примеру, труды Э.Сайкс, Л.Макартни, Э.Хантингтона, Ю.Шуйлера, Г.Лансдела, Э.Данмора и др. Ценность работы заключается также в том, что автор применил междисциплинарные подходы и методы в достижении достоверности источника, целей и задач исследования.

Данная проблема рассмотрена в широком хронологическом и географическом контексте. Проанализирован материал о кыргызах, расселявшихся как на территории современного Кыргызстана, так и в пределах республик Центральной Азии и Синьцзяна. Хронологически работа охватывает середину XIX – начало XX вв.

Практическая ценность выводов и рекомендаций исследования не ограничивается возможностью их применения лишь только в сфере преподавательской деятельности. Материалы диссертации могут использоваться в экскурсионной и выставочной работе исторических и историко-краеведческих музеев Кыргызстана и Центральной Азии.

www.bizdin.kg

А. А. Асанканов

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Многим знакомо чувство удовлетворения,
когда, заинтересовавшись какой-то темой,
удается обнаружить превосходные
материалы и досконально ее изучить».
(Билл Гейтс «Дорога в Будущее»).

Период второй половины XIX – начала XX вв. известен не только техническими и научными изобретениями, но и открытиями новых земель и народов, которые преимущественно осуществлялись в рамках международного колониального проекта. В этом отношении Центральная Азия не являлась исключением. Она рассматривалась крупными державами, в особенности Великобританией и Россией, как важный геополитический и стратегический ресурс для накопления и распространения капитала вширь и вглубь. В своих имперских проектах военно-дипломатические круги этих государств охотно прибегали к помощи путешественников, ученых, военных и миссионеров. Как нам представляется, путешественники и исследователи второй половины XIX – начала XX вв. были такими же разработчиками и основными фигурантами глобальной сети общения и связи, как Билл Гейтс сегодня. Они соединяли далекие миры и континенты, разные народы и культуры, новые и старые идеи и концепции.

Известно, что сегодня выражение «большая игра» (“Great Game”) ни для кого не ново. Оно имеет свое родословие длиною почти в два века; свое поле игры под названием Центральная Азия, которое, включая Кыргызстан, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, составляет 5,8 млн. км^2; своих игроков, от экономической и политической позиции и интересов которых зависит будущее региона [1].

Современная геополитика и геостратегия стран Новой Большой игры, безусловно, отличается от той, которая стартовала в начале XIX в., и ее осмыслением занимаются десятки современных специалистов[2], и здесь подчеркнем лишь основные ее моменты. Во-первых, расширился состав команды и произошла рокировка сил. Основными силами выступают США и Россия, геополитические интересы которых распространяются не только на наш регион, но и на Балканы и Кавказ[3]. Япония, Европейский Союз, Турция – игроки, пришедшие в регион после развала СССР и претендующие на международное и региональное господство.

В игре XIX в. интерес Китая к региону был ведомым, в частности Великобританией. Сегодня же потребность в новых источниках энергии, необходимость экономического роста, а, в конечном счете, желание добиться позиций регионального, а затем и международного лидера, удерживают Китай в Центральной Азии. Еще несколько лет тому назад известный американский политолог З.Бжезинский отмечал Центральную Азию, как возможную зону регионального доминирования Китая[4]; сегодня это проявляется в деятельности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и лидирующей роли в ней Поднебесной.

Но вернемся к XIX в., который с точки зрения исследователей считается одним из ключевых исторических периодов процесса глобализации, когда страны вступили в непримиримую борьбу за размещение капитала и поиск рынков сбыта, бесперебойный источник сырья и дешевой рабочей силы, возможность реализации своих культурных ценностей в чужом пространстве и времени. Наиболее острая борьба развернулась между двумя осями

международной политики – Великобританией и Россией, которая в значительной степени проявлялась в снаряжении военно-научных экспедиций во внутренние районы Центрального Тянь-Шаня, Памиро-Алая и Гиндукуша. Их основной целью являлось изучение экономических, геополитических и культурных перспектив для имперской колонизации.

Кто же были те люди, которые, вызывая подозрительность и недоверие колониальных властей Туркестанского генерал-губернаторства и кыргызской элиты, бесстрашно пускались в столь далекие вояжи, лишая себя комфорта и покоя? Среди них были известные ученые, такие как американский географ Элсуорс Хантингтон и британский археолог Аурел Стейн, военные агенты – англичане Фрэнсис Янгхазбэнд и Томас Гордон, миссионер Генри Лансдел и лорд Чарльз Данмор, женщины-путешественницы Элла Сайкс и Леди Макартни, а также были безымянные пундиты, что в переводе с хинди означает «учитель». Пундиты, в основном индусы-мусульмане, проводили в регионе разведывательную деятельность в интересах английской метрополии. Однако их всех объединяет то, что они оставили в том или ином объеме письменную и визуальную информацию о народах Центральной Азии, в том числе и о кыргызах. И данное исследование является первой попыткой изучения истории и культуры кыргызов в трудах западных путешественников и исследователей второй половины XIX – начала XX вв.

Исследование этой темы вызвано несколькими обстоятельствами. С одной стороны, мы продолжаем смотреть на этническую историю кыргызского народа через призму дореволюционных российских исследований, которые при всей своей значительности не были лишены научных ошибок и имперских предубеждений. Монопольное отражение дореволюционной отечественной истории привело к тому, что старания западных путешественников практически оказались вне пределов серьезного научного внимания. С другой стороны, в указанный период в Центральной Азии, Восточном Туркестане, Северном Афганистане и Северной Индии распространенным языком письма являлся чагатайский язык, основанный на арабской графике. Однако использование

этого языка все же было незначительным даже среди кыргызской аристократии. В основном использовалась устная форма фиксации и передачи знаний, которая все же была замкнута рамками родоплеменных границ, хотя и имело место незначительное знакомство соседних племен, в частности казахских, с историей и культурой кыргызов. В этой связи, наследие западных путешественников является неотъемлемой частью всемирной печатной истории («print-history») о кыргызах и Кыргызстане. Их труды, размыкая географические, этнокультурные и информационные границы, становились достоянием многих и многих других историко-культурных пространств, заставляя работать цивилизационные векторы дихотомии «мы и они».

Их сведения отражают хозяйство, социально-политическую историю и культурную идентификацию кыргызов, кочевавших как на территории современного Кыргызстана, так и Восточного Туркестана и Северного Афганистана, и позволяют изучить, выявить и дополнить их этнические закономерности и локальные родоплеменные характеристики. И, наконец, последнее, западное дореволюционное изучение Кыргызстана и региона, смещающее границы между политикой и образованием, медициной и экономикой[5], а также добавим, историей и географией, содержит в себе огромный потенциал для становления и развития централоазиатоведения в Европе и Америке.

Используя современные междисциплинарные подходы и методы, мы попытались перевести, систематизировать и проанализировать кыргызоведческие сведения западных путешественников и исследователей второй половины XIX – начала XX вв.

Основными первоисточниками в изучении данной проблемы явились англоязычные труды и сведения шведского географа Свена Гедина, французского исследователя Габриела Бонвало, американского географа Элсуорса Хантингтона, американского дипломата Юджина Шуйлера, англичан – Фрэнсиса Янгхазбэнда, Ауреля Стейна, Томаса Гордона, миссионера Генри

Лансдела, лорда Чарльза Данмора и женщин-англичанок – Эллы Сайкс и Леди Макартни о кыргызах и Кыргызстане, их фотографии и зарисовки, а также документы из архивов России, Казахстана, Узбекистана, этнографическая коллекция Кыргызского национального исторического музея. Хронологически исследуется вторая половина XIX – начало XX вв., то есть, вплоть до путешествия Э.Сайкс к памирским кыргызам в 1915 г. Однако при необходимости предпринимаются краткие экскурсы в более ранние и поздние периоды в связи с предшествующей и последующей историей событий, которых касались путешественники в своих трудах.

Первоначальный интерес к данной теме не был бы реализован без поддержки исследовательского проекта автора «Европейские путешественники о кыргызах и Кыргызстане в XIX в.» международной образовательной программой «Центрально-Азиатская исследовательская инициатива» (CARI, OSI, Будапешт). Среди зарубежных университетов и библиотек наибольшее значение имела библиотека университета Вашингтона в США, где существенная помощь автору была оказана профессорами Д.Ву (D.Waugh) и Ж.Бакарак (J.Bacharach). Окончательное оформление работы в виде монографии стало возможным благодаря стажировке в США по программе Фулбрайта.

В течение многих лет научным консультантом исследования являлся член-корреспондент Национальной академии наук Кыргызской Республики, профессор А.А.Асанканов. Его всесторонняя поддержка и полезные рекомендации сделали возможным написание этой монографии. Также выражаю огромную благодарность своим коллегам по кафедре антропологии Американского университета в Центральной Азии, Кыргызского национального университета им. Ж.Баласагына, Кыргызского государственного университета им. И.Арабаева, Кыргызского национального исторического музея, оказавшим неоценимую помощь своими советами и предложениями. Особую признательность выражаю своей семье, родным и близким за неустанную поддержку и понимание.

www.bizdin.kg

Глава I

ИСТОРИОГРАФИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТРУДОВ ЗАПАДНЫХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ О ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

1.1. Центрально-азиатская и российская историография

С середины XIX в. интерес России к Центральной Азии обрел очертания постоянства и серьезных намерений. Российские военно-научные экспедиции в регион снаряжались один за другим [6]. Результаты путешествий становились частью российского колониального проекта по успешному экономическому, политическому и культурному освоению региона. Вместе с этим расширялся диапазон и востоковедческих знаний, характеризуемый процессом накопления, сбора и классификации информации о Центральной Азии. Впоследствии эта существенная база стала ресурсом в формировании и развитии ряда дисциплин, таких как история, социальная география, антропология, языковедение, фольклористика и др., а также источником в рассмотрении экономического, социально-политического и культурного развития кыргызов и Кыргызстана во второй половине XIX – начале XX вв.[7].

Однако российские и отечественные исследователи в меньшей степени обращались и обращаются к трудам западных путешественников. Обнаруживается факт отсутствия в отечественной историографии и историографии стран СНГ специального исследования, посвященного западным путешественникам, побывавшим на территории современного Кыргызстана. Вероятно, такое «равнодушное» отношение к данному историческому источнику обусловлено рядом объективных и субъективных обстоятельств, сложившихся в дореволюционный, советский и постсоветский периоды в историографии Кыргызстана и Центральной Азии. Рассмотрим каждый период по отдельности. Аналитический обзор дореволюционной российской историографии мы начинаем с XIX в., так как более раннего обращения русских авторов к сведениям о кыргызах и Кыргызстане в трудах западных путешественников не наблюдается.

Дореволюционный период. В России в XIX в. интерес к трудам западных путешественников и исследователей о Центральной Азии выражался в двух формах. Во-первых, благодаря русскому библиографу Владимиру Измайловичу Межову и его неустанной деятельности. В 60-х годах XIX столетия им была начата собирательская работа и составлен конволют [8] под названием «Туркестанский сборник». Согласно кыргызскому историку Ж.Б.Алымбаеву, «эта огромная энциклопедия»[9] состояла из 591 тома. В ней были собраны статьи, вырезки из газет и журналов о Туркестанском крае, выходившие как в России, так и за рубежом [10].

Другая работа была направлена на перевод трудов и статей западных путешественников на русский язык. Так, в 1867 г. в Москве был переведен труд венгерского путешественника Армениуса Вамбери под названием «Путешествие по Средней Азии», работа Р.Шоу «Очерки Верхней Татарии, Яркенда и Кашгарии» – в 1872, а исследования Свена Гедина – «Путешествие Свена Гедина в 1893–1897 гг. в Памир, Тибет и Восточный Туркестан» и «Тарим–Лобнор–Тибет. Путешествие по Азии в 1899–1902 годах» стали доступны российскому читателю в 1899 и 1904 гг. соответственно. Несмотря на эти попытки, большинство российских исследователей относились к работам западных коллег скептически, пытаясь дать им свой критический анализ и оценку[11]. Так, российский исследователь Н.А.Северцов, совершивший за двадцать три года семь экспедиций в регион, упоминал в своих отчетах о поездке на Памир и Тянь-Шань имена А.Гумбольдта, К.Риттера, Т.Гордона, А.Вуда, Г.Ховарда и др., правда без глубокого интереса к их научным результатам[12], а выводы англичан Гордона и Троттера о замкнутости оз. Кара-кул были подвергнуты незаслуженной критике[13]. Н.А.Северцов считал, что озеро имеет сток, принимающий притоки с северо-запада, востока и юга. Но фактически озеро не имеет стока на юго-запад, поскольку с юга окаймлено хребтом Музкол[14], то есть, русские путешественники, разоблачая западных экспедиторов, порой сами допускали серьезные ошибки. Не менее известный русский исследователь Восточного

Тянь-Шаня и Памира Г.Е.Грумм-Гржмайло, используя работы немецких географов А.Гумбольдта, Ю.Клапрота и К.Риттера, отмечал в своей книге «Описание путешествия в Западный край» неточности последних в интерпретации топографических названий в Турфанском оазисе Восточного Туркестана[15]. Н.М.Пржевальский неохотно использовал исследования западных коллег, хотя и был удостоен наград некоторых научных обществ зарубежных стран [16].

Военный чиновник и исследователь кыргызов Н.А.Аристов в своей работе «Усуни и кыргызы, или кара-кыргызы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии» уделил внимание путешествиям в регион, назвав эту главу «Обзор изучений западного Тянь-Шаня во второй половине XIX в. Путешественники и исследователи, их пути и труды». В ней дана оценка путешествий и исследований, совершенных русскими путешественниками и учеными. Лишь в конце своей статьи он упомянул имена Скайлера (прав. Ю.Шуйлера – Ч.Т.), Ленсдельа (прав. Г.Лансдела –Ч.Т.), отметив, что в их трудах встречаются факты и сведения, нелишенные научного интереса [17].

Н.А.Аристов не всегда принимал исследования западных коллег за авторитетное мнение. К примеру, он писал, что работа британского исследователя венгерского происхождения Армениуса Вамбери «История Бохары» «не сообщает почти ничего или дает очень мало по истории и древней географии западного Тянь-Шаня»[18]. Он также критиковал записи и зарисовки побывавшего в 1858 г. на Урале, в Оренбургских степях и на Алтае, англичанина Томаса Аткинсона. Согласно мнению Н.А.Аристова, они являлись фантастическим сочинительством [19].

Томас Аткинсон действительно красочно и живо описал жизнь и быт сибирских народов, казахов и алтайцев[20]. На наш взгляд, такой подход объяснялся, во-первых, его профессиональным образованием художника, во-вторых, влиянием на него романтизма – направления в европейской культуре в конце XVIII – начале XIX вв. Романтизм проявлялся через

изображение сильных страстей, ярких образов, одухотворенной природы, устремленности к безграничной свободе. В то же самое время отдельные центрально-азиатские западные путешественники второй четверти XIX в. уже писали под эгидой нового идейно-художественного течения – критического реализма, суть которого состояла в реалистическом отображении окружающей действительности и критике морали и социальных явлений, имевших место в Великобритании в викторианскую эпоху (1837–1901). В их путешествиях наблюдается прагматизм и системность. Опираясь на географические открытия своих предшественников, экспедиторы второй половины XIX – начала XX вв. ставили перед собой конкретные научно-профессиональные цели, которые в значительной степени корректировались военными и дипломатическими кругами их правительств. Приоритетность той или иной цели и задач экспедиции зависела от профессиональной и научной подготовки путешественника. Английские путешественники Ф.Янгхазбэнд, Т.Гордон исследовали преимущественно географические и экономические характеристики региона, что, безусловно, отражало геополитические планы Великобритании в Центральной Азии[21]. Во французских экспедициях обнаруживается сосредоточенный интерес к этнографическим и антропологическим особенностям населения Туркестанского края, и их изучение было сфокусировано на людях, как представителях иной расы, этноса и культуры[22]. Путешествие других европейцев, к примеру, шведского путешественника С.Гедина в значительной мере акцентируется на описании биологического и географического разнообразия края[23]. Фокус внимания американского исследователя Э.Хантингтона – природа, климат, ландшафт и их влияние на хозяйство, историю и культуру кочевого населения, а американского дипломата Ю.Шуйлера – политика, колониальное управление и цивилизаторская роль России в азиатских фронтирах [24].

Будучи иностранцами, большую часть своих записей они производили на основе включенного наблюдения. В какой то степени это освобождало их

от влияния других авторов, и их информация становилась эксклюзивной и неординарной. В то же самое время, информация путешественника выглядела субъективной и эмпирической, лишенной обобщений и выводов. Не исключено, что наблюдения и записи путешественников подвергались личной, а возможно и групповой литературной редактуре и фильтрации. Так, современный американский историк Д.Ву, исследовавший в начале XX в. жизнедеятельность английского консула К.Скрайна в Кашгаре, отмечает, что личные письма дипломата к матери более детальны и откровенны, чем его книга о «Китайской Центральной Азии», опубликованная в 1926 г. в Лондоне[25].

Материалы и дневниковые записи путешественников XIX – начала XX вв. о регионе публиковались сразу же после их экспедиций, причем иногда их труды еще при жизни авторов видели не одно издание[26]. Более того, в этот период на Западе наблюдается рост печатных изданий о путешествиях и приключениях в далеких странах и землях[27], что, в целом, отражает усиление интереса западного общества не только к древним и современным европейским обществам и культурам, но и к обществам других цивилизаций, как Восток и Африка, и некий отход от европоцентристских взглядов в науке, в центре которого прежде стояла античная цивилизация. Одним из теоретических источников усиления интереса к восточным цивилизациям явилась западноевропейская литература, в которой стала появляться восточная и азиатская тематика. Другим фактором явилось изучение восточных языков и специфических текстов[28]; третьим, пожалуй, более эффективным моментом стало соперничество капиталистических стран, в особенности Великобритании и России за регион. Алармистская политика Великобритании о русской угрозе Индии и необходимости укрепления своих государственных рубежей за пределами континентальной Европы, способствовала усилению в сознании британского обывателя мнения о необходимости и правильности внешнеполитического курса Великобритании в Центральной Азии.

Путешественники и исследователи часто первыми ступали в те или иные районы Центральной Азии и старались обозначить имперскую власть своего правительства в научных открытиях и инвестировании новых географических названий, несмотря на то, что уже существовали местные топонимы; в дарении музеям различных естественнонаучных образцов и археологических предметов; в своих книгах и статьях о регионе.

Будучи у кыргызов в районе припамирских княжеств – Дарваза, Рушана и Шугнана Свен Гедин записал весьма интересную информацию. «Этнографические границы сами собой обуславливают и лингвистические. Киргизы имеют свои собственные тюркские географические названия, таджики – свои собственные персидские. Поэтому верховья всех рек, текущих с запада, носят киргизские названия, а низовья – персидские. Например, Ак-Су-Мургаб, Гурумды-Гунт. Из двух текущих рядом рек одна называется Кокуй-бел, так как с долины посещается киргизами, другая Кудара, так как на ее устье лежит поселок таджиков»[29]. То есть, с давних времен у народов Центральной Азии существовала своя система идентификации территории и кодификации собственности. Однако западные путешественники с целью расширения границ личного присутствия и академической гегемонии игнорировали местные топонимы и придумывали свои собственные. Так, в 1838 г. Джон Вуд, капитан Британского Королевского военно-морского флота, прошел к истокам р. Амударьи, к озеру Зоркул, совр. Пяндж, описал и назвал его в честь английской королевы – Викторией[30], несмотря на то, что у местного населения уже были собственные названия – Зоркул, Сари-кул, Сарыкол.

Но вернемся к подходу и отношению русских исследователей к трудам западных путешественников. Другим серьезным фактором, усиливавшим критическое отношение русских ученых и путешественников к этому источнику, являлось слабое знание или вовсе незнание западными путешественниками языка местного населения, а нанятые ими персы, индусы или татары не всегда хорошо владели или понимали кыргызский язык.

Двойной, а иногда и тройной перевод влиял на качество информации и часто приводил к ее искажению. Заметим, что от плохого, а иногда и умышленно плохого перевода русских офицеров, сартов и казаков страдали, как местное население, так и сама российская колониальная власть[31]. Таким образом, с нашей точки зрения геополитический и языковой факторы объясняют индифферентность российских исследователей к этому источнику.

Противоположная ситуация проглядывается в отношении западных экспедиторов к российским исследованиям. Исследовательские результаты российских путешественников о Центральной Азии, напротив, вызывали живой интерес и неподдельное уважение научной общественности Запада. Так, будучи действительным членом нескольких зарубежных научных обществ в Вене, Берлине, Лондоне известный исследователь Памиро-Алая А.П.Федченко[32] был знаком с австрийскими, итальянскими, швейцарскими и немецкими учеными. Он имел тесную переписку с немецким профессором Рудольфом Лейкартом (1822–1898) – знаменитым зоологом, знавшим немало о фауне Азии. Во время своей командировки в Европу молодой российский ученый приобрел «книги и снаряды»[33], вероятно, препараты химического, либо биологического характера для проведения исследований в родных академических пенатах.

Результаты российских путешественников о регионе поощрялись западными научными обществами наградами и званиями. Известно, что Н.М.Пржевальский за свое путешествие в Монголию, к озеру Лобнор, был удостоен Большой золотой медали им. Александра Гумбольдта от Берлинского географического общества, а впоследствии он стал членом Британского и Венского научных обществ. Материалы его путешествия были также переведены на английский и немецкий языки [34].

Западные исследователи нередко обращались к российским ученым за консультационной помощью. К примеру, по вопросу определения археологических предметов, найденных им в районе озера Иссык-Куль, американский дипломат Ю.Шуйлер консультировался[35] с русскими

востоковедами П.И.Лерхом и В.В.Григорьевым, научный авторитет которых был весьма высок еще при их жизни [36].

В определенной степени и военно-дипломатические круги двух империй инициировали научно-исследовательское сотрудничество и обмен. И об этом свидетельствует переписка за 1867–1876 гг. начальника Большой тригонометрической Съемки Индии полковника Джеймса Т.Уолкера с представителями картографического отдела Военно-Топографического депо Генерального штаба русской армии. Более того, начальник этого отдела полковник О.фон Штубендорф благодарил Д.Уолкера за полученную от него английскую карту Туркестана и подчеркивал, «что только таким мудрым путем географическая съемка Центральной Азии может быть значительно продвинута, а именно России и Англии следует действовать рука об руку на этой нейтральной территории географической науки» [37].

Таким образом, подытоживая дореволюционную историографию изучения трудов западных путешественников и исследователей можно сделать следующие выводы. *Во-первых*, конкуренция в Центральной Азии между Россией и Великобританией проявлялась не только в военно-дипломатической и торгово-экономической, но и научно-исследовательской сфере. Своими исследованиями научные экспедиции обеспечивали продвижение интересов российских и британских военных и политиков в регионе. *Во-вторых*, во имя развития науки, в особенности географии, передовые западные и российские ученые, а нередко и военные сотрудничали и кооперировались. И, наконец, *в-третьих*, все же степень научной кооперации не была столь высока из-за недоверия и недооценки российскими учеными западных исследований о регионе.

Советский период. Советская историография по данной проблеме так же, как и дореволюционная характеризуется некоторыми особенностями. Во-первых, наблюдается отсутствие исследований, посвященных непосредственно западным исследованиям и исследователям Центральной Азии в XIX – начале XX вв., несмотря на то, что их труды и сведения

фрагментарно использовались при изучении отдельных вопросов политической, экономической и культурной истории республик Центральной Азии в прошлом [38]. Во-вторых, труды «агентов» британской разведки (ярлык дан английским путешественникам советскими историками) расценивались как недостоверные и ненаучные. Более того, как фальсифицирующие прошлую историю центрально-азиатских народов и их культуру[39]. В-третьих, большинство советских работ были сфокусированы на исследовании геополитической ситуации и торгово-экономических обстоятельств соперничества России и Великобритании в центрально-азиатском регионе в изучаемый период. И такая генерализация идей и методологических подходов, безусловно, была обусловлена партийной идеологией. Все же, несмотря на эти недостатки, ценность некоторых работ, до сих пор непреходяща в том плане, что в них содержится значительная источниковедческая и архивно-документальная база, собранная в библиотеках и архивах России, отчасти Великобритании и других зарубежных государств. И в современных условиях слабой возможности или вовсе отсутствия работ в архивах ближнего зарубежья, эти труды частично компенсируют источниковедческую базу по политической истории Центральной Азии в XIX – начале XX вв.

Условно объединим в один ряд работы, основным фокусом которых являлся геополитический аспект соперничества двух держав в регионе, и в этом контексте рассматривались труды западных путешественников. Характерной чертой исследования узбекистанского историка Г.А.Хидоятова ……. является то, что в нем проделана серьезная историографическая работа, охватывающая литературу в период между двумя мировыми войнами. В работе использован широкий круг первоисточников – личная переписка дипломатических лиц России и Великобритании в 60–70-х годах XIX столетия, российская и английская периодическая печать, мемуарная литература, отражающая непосредственных участников политики «большой игры», что представляет собой самостоятельное значение для исследователей

проблемы. По мнению автора, англичане акцентировали свои исследования на северо-востоке Афганистана и западнее Кашгара, то есть, в тех районах, которые примыкали к русским владениям, а российские дипломаты пытались охватить весь регион. С данным тезисом нельзя безоговорочно согласиться, поскольку английские путешественники проникали с исследовательскими целями на территорию уже Российской империи. Без сомнения, справедлива мысль автора о том, что исход борьбы между Великобританией и Россией зависел от позиции промежуточных государств – Афганистана, западного Китая, Ирана, горных припамирских княжеств Бадахшана, Шугнана, Рушана и среднеазиатских государств – Бухары, Коканда, и Хивы[40]. Однако исследователем не принимаются во внимание позиция и участие кочевых племен, в частности кыргызов, в соперничестве России и Великобритании за регион. Интересы кыргызской родоплеменной элиты не всегда совпадали с интересами правителей Кокандского ханства, в составе которого они находились в период накала «большой игры» во второй половине XIX в., а кыргызы Восточного Туркестана нередко являлись активными участниками, как торгово-экономической жизни региона, так и освободительных народных движений против китайцев. Ход и результаты антикитайских выступлений в этом регионе нередко зависел от их участия [41]. Также отметим, что взаимоотношения кыргызов Западного Памира с правителями горных припамирских княжеств Шугнана, Бадахшана и Рушана далеко не носили характер зависимости [42]. В русле подходов советской исторической науки автор наделяет всех английских путешественников одним эпитетом «агенты», которых готовила Большая Тригонометрическая служба в Британской Индии, в специальном месте Дехра Дун[43]. Этот подход заведомо изымал труды западных путешественников из области научных интересов советских этнографов и археологов.

Работа другого узбекского историка Ф.Юлдашбаевой[44] раскрывает англо-российские противоречия в Афганистане и Средней Азии во второй половине XIX в. Серьезное внимание уделено политическому присутствию

Афганистана в регионе. Автор проанализировал причины и мотивы начала и хода соперничества России и Великобритании в Центральной Азии и вовлечения буферных государств, таких как Афганистан в международный имперский проект XIX в. По мнению автора, именно западные путешественники в результате своего тайного проникновения в регион активно пропагандировали идею о русской угрозе, которая фактически соответствовала интересам и господству Британской империи в Индии и Афганистане. В работе также обнаруживается изобилие лексических оборотов, распространенных в советскую эпоху – агрессивная английская политика, происки английских империалистов, агенты Британской империи, то есть, деятельность путешественников рассматривается в рамках известной схемы – агент, шпион, фальсификатор.

Определенный вклад в изучение международной и региональной центрально-азиатской геополитики в XIX в. сделал Н.А.Халфин. Его труды отражают использование разнообразного круга источников, включающего материалы архивов России, Узбекистана, Казахстана, периодическую печать, мемуарную литературу того времени, раскрывают экономические и политические аспекты англо-русского соперничества в Центральной Азии [45]. Одним из первых в советской историографии Н.А.Халфин высказал мнение о раздутости и беспочвенности российской угрозы Британской Индии. По его мнению, это была пропагандистская компания Великобритании, которая маскировала свою активную политическую, а подчас военную экспансию в Центральной Азии под алармистскими лозунгами и криками о русской угрозе[46]. Однако при широком обращении к архиву дореволюционного периода автор крайне слабо использовал современную ему зарубежную литературу о Центральной Азии XIX в. Роль и миссия западных путешественников в колониальном проекте двух противоборствующих империй также рассматривается им как агентурная, направленная на удовлетворение сугубо экономических и политических интересов военно-дипломатических кругов Великобритании.

Труды Н.С.Киняпиной раскрывают причины и цели среднеазиатской и кавказской политики во внешнеполитической деятельности Российского правительства в XVIII–XIX вв.[47]. По мнению автора, взаимоотношения России с Кавказом и Центральной Азией складывались под влиянием двух обстоятельств – политики российского правительства и ориентации самих народов. Пророссийская ориентация местного населения была вызвана постколонизационными изменениями, которые, по мнению исследователя, «вызвали оживление экономической жизни всего Кавказа. Эти процессы слабее проявились в Средней Азии, но и там перемены в экономике России вели к подъему хозяйственной и общественной жизни края»[48]. В отношении второго фактора – политика России в Средней Азии имела поэтапное воплощение, хронологически охватывая период с начала XVIII по 80-е годы XIX вв. Как нам представляется, пророссийская политика местной кавказской и среднеазиатской элиты, в том числе и кыргызской, складывалась не только в результате внешнего российского фактора, но и внутреннего. Социально-политическая обстановка среди кавказского и среднеазиатского населения характеризовалась как нестабильная и дезинтеграционная, и этот момент также усиливал обращение народных и племенных вождей к российским властям за помощью и протекторатом против своих же соплеменников.

Автор уделил внимание русским путешественникам и исследователям, которые были направлены в Среднюю Азию с целью ослабления там английского влияния и экономического воздействия России на среднеазиатские ханства с 1856 по 1861 гг. Однако западные путешественники практически не рассматриваются, за исключением лишь нескольких – Р.Вуда, Ф.Скрайна, Дж.Белла – и только их геополитические и экономические сведения о ситуации в регионе.

Рассматривая политику России в Средней Азии, Н.С.Киняпина значительное внимание уделила роли казахских жузов в процессе их присоединения к России. Однако почти нет материала о кыргызах,

обстоятельства присоединения которых к России были не менее важными и существенными как в рамках региональной, так и международной геополитики того периода.

В изучении истории и культуры памирских кыргызов по сведениям западных путешественников существенное значение имеет работа Э.Д.Маанаева и В.М.Плоских «На «Крыше мира»[49]. Фактологический материал по истории переселения кыргызов на Памир, их хозяйстве, родоплеменной структуре, культурных особенностях, основанный на сведениях дореволюционных российских путешественников, архивных документах, современных работах советских и зарубежных историков и этнографов, полевых экспедициях одного из авторов, явился важным подспорьем в интерпретации сведений западных экспедиторов о Восточном и Западном Памире в XIX – начале XX вв. Важное значение имеют IV и V главы о геополитической ситуации на Памире в 70–80-х годах XIX столетия[50]. Среди путешественников, посетивших Памир, упоминается имя английского путешественника и офицера Френсиса Янгхазбэнда (в работе неправильно Юнгхесбенд)[51]. Безусловно, идеологические веяния того времени не позволили авторам данной работы в полной мере использовать дореволюционную евро-американскую кыргызстанику, доступ к которой был возможен лишь только через «Туркестанский сборник» В.И.Межова.

Другой круг работ был сфокусирован на становлении и развитии востоковедения в России и других республиках Советского Союза. В контексте основной темы авторы обращались к фактам изучения региона отдельными западными путешественниками. К этому кругу относятся работы узбекистанского востоковеда Б.В.Лунина, посвященные становлению и развитию русского и советского востоковедения[52]. В определенной степени методология автора в изучении наследия русских исследователей – В.В.Бартольда, П.И.Лерха, В.В.Григорьева, И.И.Веселовского – послужила серьезным источником для нашего исследования. Один из первых среди советских центрально-азиатских историков, он затронул вопрос о

необходимости изучения зарубежных путешественников в исследовании природы и культуры Средней Азии. Б.В.Лунин считал, что умалять значение путешественников в сборе сведений «сырого и начального востоковедного материала» ни в коем случае нельзя, также как и изучение конкретной социально-экономической среды и политического климата, в условиях которого осуществлялось накопление и систематизация знаний о регионе на Западе и в России [53].

Согласно его мнению, в накоплении и изучении знаний о Центральной Азии выделяются следующие хронологические этапы. Так, XVI – XVIII вв. были этапом накопления первоначального материала о регионе в области географии, природы, экономики и политики. В XIX столетии в востоковедении шел процесс специализации знаний и постепенное исчезновение универсализма, то есть, комплексности и всеобщности в сборе и обработке виденной и услышанной информации. Третий этап начинается с началом XX в., который характеризуется широким участием ученых с высокой эрудицией и специальной подготовкой в изучении региона.

В соответствии с традициями советского востоковедения автор исследует дореволюционную востоковедческую русскую и западноевропейскую школы, как отрасли сначала дворянской, а затем буржуазно-дворянской науки. Вызывает некоторое сомнение и такая мысль исследователя, что «русским востоковедам были присущи ... более или менее сочувственное отношение к народам Востока, настороженное, а порой отрицательное отношение к крайностям колониального режима, и в этом плане русские востоковеды во многом действительно стояли выше своих западноевропейских коллег. В силу исторически сложившейся обстановки западноевропейскому востоковедению в большей мере, чем российскому, было присуще колонизаторско-расистское мировоззрение (подч. Ч.Т.)»[54]. Однако, если быть справедливым, то идеи европейского суперпревосходства и особой исторической миссии европейцев были одинаково присущи и русским и западным путешественникам, которым с детства прививалось

чувство этнической и расовой избранности, их мессианской цивилизаторской деятельности среди покоренных и туземных народов[55]. Более того, западные исследователи расценивали российское завоевание Центральной Азии как эффективный проект, способный привнести мир и процветание в регион [56].

Работа таджикского историка Н.М.Акрамова анализирует деятельность Б.Л.Громбчевского – русского исследователя польского происхождения и представляет определенную источниковедческую помощь в изучении нашей проблемы[57]. Не окончив Петербургский горный институт, Б.Л.Громбчевский поступил на службу в русскую армию. Он принимал активное участие в российских военных кампаниях против Кокандского, Хивинского и Бухарского ханств. Будучи помощником начальника Маргеланского уезда Ферганской области, он выучил таджикский, тюркский и узбекский языки. Знание этих языков пригодились ему не только как офицеру, но и как собирателю историко-этнографических сведений о народах Ферганы, Памира и Гиндукуша. В 1889 г., встретившись на Восточном Памире с английским капитаном Ф.Янгхазбэндом, он передал ему совершенно новую карту верховьев р. Амударьи с собственными пометками и комментариями. Впоследствие при определении границ Китая и Афганистана на Памире эта карта была использована Великобританией в своих интересах. За это русское командование отправило Б.Громбчевского в отставку. Правда, эта страница из биографии путешественника обнаружилась лишь только в постсоветское время[58], и потому советский автор Н.М.Акрамов не мог знать об этом факте из жизни известного путешественника.

К этому кругу работ относится и исследование историка Л.Г.Левтеевой[59]. В ней анализируется мемуаристика периода присоединения Центральной Азии к России. Как верно отметил автор, в основе каждого мемуарного источника лежит наблюдение, которое помимо оценки и обобщения фактов, включает в себя также компоненты, связанные с личностью мемуариста (его жизненный опыт, эмоциональное отношение к наблюдаемому событию или факту, объекту и т. д.).

Статья историка О.Л.Вайнштейна[60] рассматривает сведения западных путешественников о кыргызах и Кыргызстане в 60–70-х годах XIX в. Среди отмеченной и другой литературы советского периода она является единственной работой, написанной непосредственно о путешественниках, побывавших на территории современного Кыргызстана. Автор справедливо считал, что внимательное изучение записок и трудов иностранных путешественников даст ценные штрихи в изучении событий и фактов дореволюционной Киргизии. К примеру, сведения американского дипломата-путешественника Юджина Шуйлера о восстании 1873–1876 гг. на юге Кыргызстана важны для объективного отражения первоначального хода этого события, а также для раскрытия политики Кокандского ханства среди кыргызского населения, которая в постсоветском историческом кыргызоведении имеет тенденцию к пересмотру и нетрадиционной интерпретации[61]. По справедливому мнению О.Вайнштейна, для выявления достоверности и безошибочности сведений иностранных путешественников о кыргызах, необходимо провести сравнительно-сопоставительный анализ этого первоисточника с материалами российских исследователей. Однако при всей своей научной ценности, все же в ней рассматриваются лишь некоторые путешествия и путешественники, посетившие современный Кыргызстан в 60–70-е годы XIX в. Вне поля зрения остались западные путешествия конца XIX – начала XX вв. Также существенными недостатками работы являются ее описательный характер и то, что автор не обращался к современной ему западной исторической литературе о Центральной Азии.

При отсутствии специальных монографических исследований в изучении путешествий в Центральную Азию в XIX – начале XX вв. самостоятельное значение имеют библиографические указатели. Первый указатель составлен по материалам «Туркестанского сборника» узбекистанскими историками – Е.К.Бетгер и Н.Н.Бенедиктовой, а второй – по дореволюционному Кыргызстану был создан кыргызстанским исследователем З.Л.Амитиным-Шапиро[62]. Авторы попытались собрать и

систематизировать сведения и материалы о западных экспедициях и путешественниках, побывавших на территории современного Кыргызстана и Центральной Азии.

И, наконец, последний круг работ научно-популярного характера отражает анализ деятельности путешественников в других районах Азии и регионах земного шара. Авторы рассматривают сведения путешественников пусть как второстепенный, но все же исторический источник в реконструкции, в основном географии, а затем истории и культуры тех или иных народов. Так, вклад азиатских путешественников в изучение Востока был рассмотрен географом Я.М.Светом. Автор на примере китайских путешественников Чжан Цяня, Чжэн Хэ, индийских мореплавателей и малайских мореходов раскрывает их вклад в становление и развитие историко-географических знаний об Азии. Как верно заметил исследователь, «Обильные источники, в которых запечатлена деятельность многих поколений искателей и исследователей стран Востока, зачастую оказываются неподнятой архивной целиной» [63].

Другая работа «Путешественники об Азербайджане»[64], вышедшая в 1961 г., сконцентрирована на путешественниках, посетивших Азербайджан в широкий хронологический период с XV по XIX вв. По мнению авторов, наблюдения и записи путешественников об Азербайджане необычайны и оригинальны. Благодаря путешественникам создавался «аромат той или иной эпохи» [65].

Составители сборника классифицировали путешественников на путешествующих дипломатов, разведчиков, ученых, участников военных экспедиций, однако, как справедливо отмечено авторами, в одном лице в разных пропорциях присутствовал и купец, и разведчик, и дипломат, и ученый, добавим и автор, то есть, путешественник-универсал, появление которого было обусловлено тем временем, когда шел процесс накопления знаний и формировался опыт в сборе, селекции и обработке информации.

Таким образом, резюмируя советский период, можно сделать следующие выводы: *во-первых*, советская историография продолжала традиции дореволюционных историографов при анализе сведений и записок западных путешественников и исследователей о Кыргызстане и Центральной Азии. *Во-вторых*, их труды и сведения не рассматривались как важный исторический источник в изучении историко-культурного прошлого Кыргызстана и региона, и они не являлись объектом специального и детального исследования. *В-третьих*, работы, освещающие экономические, торговые и геополитические противоречия в отношениях России и Великобритании в Центральной Азии во второй половине XIX – начале XX вв., обнаруживают незначительное использование материалов западных путешественников, которые чаще всего расцениваются как агенты буржуазной международной разведки и дипломатии. И, *в-четвертых*, исследования в основном были сконцентрированы на английских путешественниках, а путешествия из других стран Европы и Америки не принимались во внимание, хотя, как свидетельствуют архивные документы, экспедиции из других стран, к примеру, из Германии, занимали лидирующую позицию по посещению Центральной Азии в изучаемый период [66].

Постсоветский период характеризуется развитием связей суверенного Кыргызстана и Центральной Азии со странами Европы и Америки в различных областях науки и техники. Но, как нам представляется, в меньшей степени очевидны результаты сотрудничества в отечественной исторической науке. Юбилейные конференции и семинары, посвященные празднованию 1000-летия эпоса «Манас» в 1995 г., 2200-летия Кыргызской государственности в 2003 г., к сожалению, не создали платформы для долгосрочных и совместных международных научных проектов в области исторической науки и ее вспомогательных дисциплин. В изучении письменных источников в постсоветское время существует и определенная неравномерность. В отличие от западных материалов, восточные и другие источники неоднократно публиковались и публикуются, широко вводятся в

научный оборот[67], чего не отметишь в отношении западноевропейских источников. Обнаруживается недостаточное освещение исследований об истоках, целях и значении западных путешествий в Центральную Азию в XIX – начале XX вв., в частности на территорию современного Кыргызстана, а вышедшая историческая и историографическая литература носит либо локальный национальный, либо обобщающий библиографический характер. Необходимо отметить, что в обоих случаях, казахстанские историки за период первой половины постсоветского периода сделали ощутимую и значительную работу[68]. Работа казахских исследователей М.Т.Лаумулина и Т.К.Бейсембиева «Зарубежные исследователи Средней Азии и Казахстана (XIX – начала XX вв.)» составлена в виде библиографического указателя с краткими аннотациями о биографии и трудах западно-европейских путешественников и исследователей[69]. Среди постсоветских исследований особое место занимает работа С.Г.Кляшторного, А.А.Колесникова и М.К.Басханова «Восточный Туркестан глазами европейских путешественников»[70]. Она имеет научно-практическую ценность с точки зрения структуры, стиля изложения, хронологии, охватывающей сообщения византийских историков до н. э. и европейских путешественников конца XIX в. о народах, обитавших в Восточном Туркестане.

Значительным методологическим и теоретическим вкладом в изучение нашей темы явилась работа казахстанского историка К.Л.Есмагамбетова «Что о нас писали на Западе». Автор, собрав большой материал по истории изучения дореволюционного Казахстана, классифицировал их по периодам: с древнего времени до конца XVIII в. н. э., с начала XVIII до 50–60-х годов XIX вв. и с 60-х годов XIX в. до 1917 г. Как верно заметил ученый, труды и сведения западных путешественников являлись не только сбором и описанием увиденного и услышанного, но и отражали процесс становления и развития многих дисциплин, а вместе с ними теоретических и концептуальных положений и выводов. К примеру, эволюционизм и географический детерминизм были экстраполированы на историю развития

кочевых обществ, а концепция о застойности и непримиримости кочевников с оседлыми земледельцами, высказанная еще французскими философами XVIII в. – Ш.Л.Монтескье, Ж.А.Кондорсе, И.Г.Гердером, далее была развита отдельными западными путешественниками, такими как Г.Гельмгольт и А.Геттнер [71].

Определенный вклад в изучение немцев и немецких путешествий в Центральную Азию внесен кыргызстанским историком Г.К.Кронгардтом и уже немецким, но бывшим казахстанским исследователем В.Кригером [72].

В работе Г.К.Кронгардта уделено внимание немцам, находившимся на службе Российской академии наук и сделавшим огромный вклад в изучение региона и Кыргызстана в XVII – начале XX вв. Однако, несмотря на обширность знаний о выдающихся немецких представителях царской науки, армии и дипломатии, современный историк очень кратко охарактеризовал вклад зарубежных немцев, допустив при этом неточность. Генри Лансдел назван немецким миссионером, тогда как он был англичанином [73].

В исследовании В.Кригера отражена деятельность представителей немецкого населения в различных областях, включая промышленность и культуру за XIX–XX вв., волей судьбы попавших в Центральную Азию, в частности, Казахстан и оставивших заметный след в истории региона [74].

Значительный интерес в изучении нашей темы представляет работа российского исследователя А.В.Постникова «Схватка на крыше мира». В контексте рассмотрения основной темы, истории борьбы Российской и Британской империй за гегемонию на Памире в 70–90-х годах XIX столетия, раскрываются вопросы формирования географических границ и картографирования на Памире, роль путешественников в этой непростой обстановке. Автор рассматривает некоторых путешественников, не только как игроков и выразителей геополитических и экономических интересов противоборствующих сторон, но и как лиц, сделавших немалый вклад в становление и развитие центрально-азиатской науки за рубежом. Одним из достоинств работы является то, что дана информация о неизвестных игроках

«Great Game» – пундитах, агентах из местного населения Индии, среднеазиатских ханств Восточного Туркестана и Тибета. Идея о создании таких разведчиков принадлежала Томасу Монтгомери, британскому офицеру, служившему в Индии в Британской Тригонометрической Службе[75].

А.В.Постниковым создана обширная библиографическая справка об изданных и переизданных трудах западных путешественников[76] и впервые приводится обширный круг документальных материалов из архивов Национальной библиотеки Франции, Великобритании и России, что облегчает наш научный поиск. В целом, данная работа является превосходным источником в исследовании политической истории Центральной Азии XIX – начала XX вв.

Работа кыргызского историка Б.М.Жумабаева посвящена истории и культуре кыргызов южного Кыргызстана по материалам русских экспедиций. Для изучения нашей проблемы особую ценность представляет анализ целей и задач российских путешествий в период колонизации. Автор верно охарактеризовал факторы, повлиявшие на изменения внешней политики России во второй половине XIX столетия. Именно интересы торгово-предпринимательских кругов российской буржуазии ускоряли продвижение русских войск в глубь региона и колонизацию края[77]. На основе анализа документальных и литературных источников автор верно выделил два этапа в изучении русских путешественников южного Кыргызстана: *первый* – с начала XIX в. по 1876 г. включительно, и *второй* – последняя четверть XIX и начало XX в. до 1914–1915 гг.[78], то есть периоды, которые существенным образом отразились на последующей истории кыргызов и Кыргызстана. Однако вне поля зрения исследователя остались идеологические и культурные причины российской колонизации региона. Ведь соперничающие империи видели в своей колонизационной политике не только экономические и политические выгоды, но и культурные, и гуманитарные дивиденды – привнесение и распространение систем светского и религиозного образования, политико-правовых институтов и научно-

www.bizdin.kg

культурных организаций для установления власти и управления азиатской колонией.

Таджикский исследователь Х.Пирумшоев проделал серьезную работу по изучению историографии российско-среднеазиатских отношений за период с XVI до середины XIX вв. На основе богатого фактологического и источниковедческого материала и с позиции кросс-культурной коммуникации, автор попытался отразить роль русских путешественников в изучении региона, в частности Таджикистана. Справедлива мысль автора о том, что путешествия и миссии сближали государства и народы, развивали культурный диалог и взаимодействие. Однако, расценивая вклад иностранцев в изучение истории и культуры Востока и Центральной Азии как незначительный по сравнению с русской исторической литературой, исследователь развивает традиционный конструкт дореволюционных и советских востоковедов об отсталости зарубежных источников по теоретическим и методологическим принципам [79].

Работа автора настоящего исследования[80] посвящена анализу истории и культуры кыргызов в сочинениях казахского исследователя Ч.Ч.Валиханова. В исследовании автор прибегает к трудам западных путешественников, таких как Т.Аткинсон, Д.Букволтер, С.Гедин для проведения сравнительного анализа и выявления достоверности сведений Ч.Ч.Валиханова о кыргызах. В целом, теоретические и методологические подходы данной работы стали одним из базовых ориентиров настоящего исследования.

Интересные концепции в отношении центрально-азиатских путешественников и их роли в накоплении знаний о регионе обнаруживаются в научных статьях, вышедших за последнее десятилетие в России и постсоветских центрально-азиатских республиках.

Работа омского историка А.В.Ремнева, обозначая необходимость исследования роли участников имперского строительства в азиатской окраине, в том числе и выходцев из местного населения, ставит вопрос об изучении аспектов развития российской и европейской ориенталистики[81].

Однако трудно согласиться с мнением автора о том, что мало работ, освещающих деятельность дореволюционных российских исследователей в изучении Востока. Из нашего исследования, очевидно, что жизнедеятельность многих российских дореволюционных путешественников и ученых являлась фокусом большого количества отечественных и центрально-азиатских исследований, и эта традиция не прерывалась ни в одном из обозначенных историографических периодов. Вспомним, что лишь только о казахском исследователе Чокане Валиханове и его экспедициях в центрально-азиатский регион написаны сотни книг и статей [82].

Статья узбекистанского исследователя В.А.Германова отражает в рамках концепции об информационном пространстве среднеазиатских государств геополитические и торгово-экономические изменения в Центральной Азии в XIX – начале XX вв. Данная концепция отражает взаимоотношения ханств между собой, с одной стороны, и с Россией и Великобританией, с другой. В результате геополитических и торгово-экономических противоречий между ними, границы информационного пространства то сужались, то расширялись. Попытки заглянуть за «Бухарский занавес», а, следовательно, расширить информационное пространство среднеазиатского государства приводили к трагическим последствиям. Например, к гибели британских путешественников-агентов Стоддарта и Конноли в Бухаре, безуспешному завершению российской экспедиции А.Бековича-Черкасского в Хиву и полному опасностей путешествию А.Вамбери в Бухарский эмират [83].

Статья кыргызского историка Ж.Алымбаева «Завоевание Средней Азии Россией в русскоязычных источниках» позволяет определить круг работ, вышедших в дореволюционный период по проблеме внешней политики России и колонизации региона. Автор выделил четыре группы историографических источников, последняя из которых охватывает работы некоторых иностранцев – А.Вамбери, Г-де Локоста, М.Вартенбурга, Г.Лежана и др. В статье автора обнаруживается спорный момент,

выражающийся в том, что якобы западные экспедиторы занимали нейтральную позицию по отношению к российскому колониализму [84]. Мы считаем, что не все западные путешественники придерживались нейтралитета. К примеру, Юджин Шуйлер критиковал местную колониальную администрацию за судебные беспорядки. Он считал институт бийства негативным фактором, который ослаблял колониальный российский менеджмент на ее окраинах [85]. В целом, западные путешественники были склонны рассматривать русскую колонизацию как источник цивилизации для местных народов, а, следовательно, они не все придерживались нейтральной позиции.

Казахстанский исследователь И.Акишев, анализируя работы английского журналиста Стивена Грэхама (1914) и американского дипломата Юджина Шуйлера (1876), верно оценил их как «…первоклассные и полноценные исторические источники, в которых события не утратили динамики и не заменяются надоевшими скучными построениями»[86]. Автор, используя сравнительно-сопоставительный и диахронический методы, раскрыл особенность стиля изложения и методы фиксации информации двумя путешественниками. Справедлива мысль И.Акишева о том, что, несмотря на профессиональные дипломатические обязанности Ю.Шуйлера, его стиль изложения – живой и литературный, а манера С.Грэхама отражает его мастерское владение «документальным репортажем»[87]. В целом, несмотря на некоторые шероховатости в тексте и порой утере последовательности в изложении, статья является одной из первых работ, анализирующих деятельность этих двух исследователей в приложении к истории казахов и Казахстана.

Таким образом, историографический анализ проблемы в дореволюционной, советской и постсоветской исторической литературе выявляет следующие выводы. *Во-первых*, обнаруживается слабое обращение и изученность трудов западных путешественников, а также их использование в исследованиях непосредственно по историко-культурному

прошлому народов Центральной Азии, в том числе и кыргызов до и в период российской колонизации; *во-вторых*, взгляд на этот источник, как на второстепенный и недостоверный, еще не изжил себя, и очевидным образом, продолжает задерживать инкорпорацию этого материала в научно-исследовательское поле современного отечественного кыргызоведения и централоазиаведения; *в-третьих*, требуется разработка методологии изучения данного источника с позиции междисциплинарности; *в-четвертых*, с целью глубокого изучения трудов западноевропейских путешественников и документов, отлежавшихся в архивах стран Европы и Америки, а также обеспечения национальных библиотек Кыргызстана и Центральной Азии переизданными книгами, либо копиями оригинальных источников, необходимо инициировать научно-исследовательские международные проекты.

1.2. Западная историография

Сведения античных и средневековых европейских авторов являлись основными теоретическими источниками для путешественников из Европы и Америки. Благодаря трудам Геродота, Фукидида, Плиния, Карпини, Рубрука и других авторов, Центральная Азия была вовлечена в орбиту глобальных международных проектов государств и империй прошлого. Остановимся несколько подробнее на этих первоисточниках, явившихся широкой теоретической базой в ознакомлении путешественников XIX в. с Центральной Азией.

Сведения о регионе достигали Европу и через сакских легионеров – участников греко-персидских войн (490 г. до н. э., 481–479 гг. до н. э., 329 г. до н. э.). Древних географов и историков не могли оставить равнодушными рассказы солдат и торговцев о богатстве и высокой ступени экономического и культурного развития государств и племенных союзов в бассейне рек Амударьи, Сырдарьи, Ферганской долине, а также центрально-азиатской степной зоне. Также земледельческое население городов и государств

Бактрии, Давани, Согдианы издавна имело тесные контакты с кочевым населением горных территорий – саками и усунями.

В V в. до н. э. Геродот писал о Центральной Азии как о равнине на необозримом пространстве, замкнутой со всех сторон хребтом. Согласно другому греческому ученому Эратосфену (III–II вв. до н. э.), этот хребет имел меридиональное происхождение и служил истоком Окса и Яксарта, то есть Амударьи и Сырдарьи. По мнению Страбона, жившим в I в. н. э., самые высокие горы в Центральной Азии назывались Имайские, а их северные отроги именовались Парапамиз. В долинах и отрогах этих горных систем кочевали разные племена: аримаспы, скифы, исседоны, которые, по мнению современного кыргызского историка К.Э.Осмонова, принадлежали не к европеоидной расе с языком восточно-иранского происхождения, а к прототюркоязычным племенам с заметными монголоидными признаками во внешности [88].

Изучение географии местности саков или среднеазиатских скифов – древнейших предков кыргызов – принадлежит римскому географу Птолемею (ок. 90–168 гг. н. э.). В его описании имеется информация о горах Имай (Имаус), по обе стороны которых проживали скифы. Он также отмечал Комедские горы, где кочевали саки, не имевшие городов и жившие в лесах и пещерах. К востоку от Имауса в направлении на северо-восток простирались Авзакийские горы. Несмотря на серьезные погрешности, схема Птолемея имела свою актуальность в Европе и на протяжении почти двух тысяч лет она являлась единственным источником, откуда древние греки и римляне черпали информацию о топонимике, орографии и гидрографии региона. В настоящее время античные названия горных систем Центральной Азии – Имайские и Парапамиз идентифицируются с горами Тянь-Шань и Памир [89].

Другим важным ресурсом распространения знаний о Центральной Азии являлась торговля. Огромное значение в накоплении знаний о предках кыргызов имело развитие Великого Шелкового Пути, протяженность которого составляла более 7 тыс. км, берущего начало на севере Китая и до

берегов Средиземноморья. Особая роль принадлежала восточным путешественникам, сопровождавшим торговые караваны и делавшим свои записи, которые, в свою очередь, становились достоянием и европейцев.

В целом, можно заключить, что в античное время у европейских народов имелись весьма скудные представления о географии, государствах и племенах Центральной Азии. Но, несмотря на краткость информации, все же возможно обозначить некоторые особенности в осведомленности европейцев о регионе, в отличие от восточных авторов. Античные авторы имели определенные знания о юго-западной части Центральной Азии, бассейнах р. Амударьи, Зеравшана, отчасти Сырдарьи. Китайские и арабские географы были более осведомлены о Тянь-Шане, его географии и орографии. Имелись расхождения в названиях орографических и гидрографических систем и объектов региона. К примеру, Тянь-Шань встречался под разными названиями у европейских и восточных авторов в зависимости от того, как он произносился у тех или иных местных племен или народов, или как их услышал или записал путешественник. Так, Тянь-Шань назывался и «Цунлин» – луковые горы, и «Сюешань» – снежные, и «Музтаг» – ледяные, и «Алатау» – великие, и «Тенгри-таг» – небесные горы [90]. Но, несмотря на эти расхождения, древние географы и исследователи были едины в одном, что территория современной Центральной Азии включает в себя как высокогорье, так и засушливые пустыни и степи.

В средние века в Европе знания о регионе не столь широки, и Центральная Азия продолжает оставаться неизведанной страной. Это было связано с внутренней социально-политической ситуацией и экономическим положением феодальных государств-княжеств. В значительной степени феодальная раздробленность и засилье католической церкви явились тормозом в развитии научных знаний о Востоке, и в частности, о Центральной Азии. Знание европейцев об азиатских кочевниках и земледельцах стали пополняться в связи с экспансией татаро-монгольских войск на запад и их появлением в Европе. Захват обширных районов Азии и

поход в Юго-Восточную Европу монголов (1222–1224) произвели столь сильное впечатление на европейцев, что о монголах стали говорить как о величайшем бедствии человечества. Предпринимаются попытки изучения «татарского феномена». Известный мыслитель Роджер Бэкон (1214–1292) по материалам путешествий францисканских монахов Иоанна де Плано Карпини и Гийома де Рубрука пытался синтезировать сведения о татарах и дать историю их происхождения во взаимосвязи с другими азиатскими народами. Европейские монархи стремились установить с татаро-монголами дипломатические отношения, и тем самым, обезопасить границы своих княжеств и государств. Вместе с дипломатическими миссиями шли купеческие караваны и христианские миссионеры. Так, послы Римского папы, вышеупомянутые Плано Карпини (1245–1247) и Гильом Рубрук (1253–1255), а также венецианский купец Марко Поло (1272–1295) явились первыми раннесредневековыми путешественниками, отправившимися устанавливать дипломатические связи и торговые отношения с монголами и разведать возможности распространения христианства в ставке монгольских ханов.

В их описаниях нет всестороннего и полного материала о предках современных кыргызов, поскольку для них территория современного Кыргызстана была транзитной, через которую они шли в Монголию, либо в Китай. Более того, краткие и отрывочные сведения о населении часто грешат ошибочностью и неточностями. У Плано Карпини есть информация о том, что в Средней Азии лежат величайшие горы, к которым примыкает Иерусалим, Балдах (Балх). Рубрук ошибочно считал, что Тянь-Шань связан с Кавказом. А вот что он писал о развитии земледельческой культуры в Таласе: «С гор (Таласского хребта) спускалась большая река (Талас), которая орошала всю страну, так как они проводили от нее воду, куда им было угодно, эта река не впадала в какое-нибудь море, а поглощалась землею, образуя также много болот. Я видел там лозу и дважды пил вино»[91]. Более широкие сведения о территории Кыргызстана встречаются у купца Марко

Поло. Меткие наблюдения и описания о пройденных землях и увиденных народах подтверждают мнение о нем, как о незаурядной личности. В 1298 г. была опубликована книга Марко Поло, явившаяся одной из первых публикаций о Центральной Азии в средневековой Европе [92].

В XIII–XIV вв. торговцы из Генуи открыли в Крыму торговые точки. Через сухопутные пути вдоль северного побережья Каспийского, а затем Аральского морей их товары достигали центрально-азиатский регион и Китай. Вместе с торговцами, получив благословение высшего лица – папы, христианские миссионеры отправлялись в «языческие страны» [93].

В Западной Европе осуществлялись и картографические работы, которые не были лишены погрешностей и неточностей. Так, в 1375 г. была составлена Каталанская карта, на которой обозначено оз. Иссык-Куль, а также сделана пометка, что здесь есть монастырь, в котором покоятся мощи апостола святого Матфея. Эта карта – одна из первых, отражающая проникновение сведений о гидрографии северного Кыргызстана в Европу, а также фиксирующая распространение христианства в раннем средневековье в этом районе республики. Позже в 1410 г. в такой же яйцевидной форме озеро появилось на карте мира итальянца Стефана Борджиа, а через сорок лет (в 1459 г.) – на карте другого итальянского картографа Фра-Мауро появилось изображение Иссык-Куля в виде четырехугольника с расчлененной береговой линией. На его изображении сделана надпись о том, что оно тщательно охраняется и в озере запрещено ловить рыбу, так как в нем находят жемчуг[94]. В Европе на протяжении XIV–XV вв. создавались карты, которые в целом повторяли ошибки античных географов и картографов.

Интерес европейцев к Азии усиливался не только вторжением монголов в Европу, но и продвижением ислама в Центральную Азию. Распространение ислама в регионе в VII–X вв. усилило изучение региона со стороны арабских и персо-язычных путешественников. Материалы восточных авторов и путешественников, к примеру, Гардизи (X в.),

www.bizdin.kg

Хордадбека (XI в.), Абу Исхак Ибрахим ибн Мухаммад ал-Истархи (X в.), Абу Дулафа (X в.) о кочевом и оседло-земледельческом укладе жизни населения Центральной Азии [95] становились известными и в Европе.

В европейских странах XVII в. восточная тематика стала широко пропагандироваться в трудах литераторов и философов в новом ракурсе, то есть, Восток в сравнении с греко-античным миром также представлялся не менее развитой пространственной и культурной нишей. В 1697 г. во Франции (Париже) вышла книга «Восточная библиотека», автором которой являлся Бартелеми д'Эрбело де Моленвиль. Он родился в Париже 4 декабря 1625 г. в дворянской семье. Изучал общественные науки, имел хорошие связи и поддержку французских политиков и философов – Шанунана де Нуайона, Л.Фуко и др. Хорошее знание восточных языков (арабского, сирийского, древнееврейского) позволило ему завоевать уважение короля и католического духовенства. Современники характеризовали его как человека высокообразованного и с лучшими человеческими качествами, такими как доброта, уважение и почтение к собеседнику[96]. В подготовке «Библиотеки» ему помогал его друг Галланд – известный в Европе исследователь и путешественник. Труд, а скорее словарь восточных терминов с комментариями и обобщениями, был составлен на основе извлечений из сочинений арабских и персо-язычных авторов. О популярности словаря свидетельствует неоднократное его переиздание: между 1776 и 1789 гг. наблюдалось три издания.

В 2003 г., благодаря Французскому институту Центральной Азии в Ташкенте (IFEAC), стала возможной публикация отдельных отрывков из словаря. Как справедливо отмечает современный французский исследователь Анри Лоранс, текст энциклопедического словаря отражает две сферы – науку и литературу и, следовательно, предполагает два типа чтения[97]. Мы бы добавили, что текст также носит историографический характер. Невзирая на их краткость, автор попытался обобщить известную на тот период в Европе информацию о Востоке. Некоторые фрагменты позволяют выделить

сведения, касаемые ранней истории Кыргызстана. К примеру, информация о Тюркском каганате отражает отдельные детали распада этой кочевой империи на две части: Восточно-тюркский и Западно-тюркский каганаты. В «Восточной библиотеке» отражается попытка сравнительного сопоставления этнотерминов, относящихся к Центральной Азии. Так, Д'Эрбело задавался вопросом о происхождении этнотермина «тюрк» и в связи с этим привел этимологические вариации и ареал распространения слова «тюрк» у различных народов. Он писал: «Это слово, известное во всех языках, и которое арабы во множественном числе превратили в «Атрак», что означает Тюрки, является общим не только у наших соседей, Тюрков Отманидов, но и у Татар, Игурейцев, Хатаев и Моголов и представляется любопытным исследовать его происхождение». Согласно его мнению, слово «тюрк» означало «деревенщина» и «хорошо сложенный молодой человек». Такое значение слов встречается впервые, так как в исторической литературе известны легенды о происхождении тюрок, к примеру, от волчицы и от правителя Ашины, а наиболее распространенная в современной исторической литературе семантика этого этнотермина относится к понятиям «сильный», «крепкий муж».

Также у французского эрудита XVII в. встречается информация о распространении ислама среди тюрок: «…хотя грубая и варварская природа Тюрков (то есть, тюркость) является неизлечимой болезнью, тем не менее, встречается много Тюрков по происхождению, которые при помощи полученных научных знаний полностью стерли все пятна своего происхождения и стали светочами Мусульманства»[98]. У энциклопедиста не сообщается, какие именно тюркские племена являлись носителями мусульманской культуры. Но известно, что в X в. мусульманское вероучение и культура имели широкое распространение среди оседлых и отчасти кочевых тюркских племен и являлись своего рода индикаторами высокой образованности и цивильности. Относительно истории Кыргызстана в древнетюркский период небезынтересно упоминание о Баласагуне, как о

столице всей земли тюрок – Туркестана. Как писал Д'Эрбело, «персидский географ называет вышеназванный город Кариат альхадита, или Кариат аль джедида, но оба эти слова обозначают Новую крепость» и он добавляет, что «…в его время этот город был столицей Тюркестана, то есть Туркестана. Между тем другие географы считают, что этого звания был удостоен Кашгар, а есть и такие, которые отдают его Баласагуну»[99]. Вполне очевидно, что речь идет о правлении династии Караханидов в X–XII вв., которые имели две столицы – Баласагун и Кашгар.

В целом, значение словаря д'Эрбело состоит в том, что в нем обнаруживаются основы для формирования и развития востоковедных знаний не только в отдельной Франции, но и во всей Европе. Благодаря французскому энциклопедисту, значение этнотермина «тюрк», «тюрок» расширяется. И, несмотря на то, что большинство сведений страдают неточностью, тем не менее, это один из первых трудов, автор которого попытался собрать, систематизировать и интерпретировать знания о странах и народах, имевших место в истории Центральной Азии.

К XV в. относится описание Центральной Азии англичанина Антония Дженкинсона (1557–1560). Целью путешествия английского дипломата являлась разведка возможности торговли английскими товарами в регионе, в особенности в ее оседло-земледельческих центрах – Бухаре, Самарканде и Хорезме, и хотя эта идея и возложенная на него миссия была не совсем удачно выполнены, тем не менее, его сведения о местности и населении этих и других городов представляют значительный интерес. В Бухаре он пробыл три месяца, с 12 декабря 1558 г. по 2 марта 1559 г. и дал информацию о географическом расположении Бухары, социальной структуре бухарского общества, системе налогообложения и ассортименте товаров из Индии, Персии и России. Как писал А.Дженкинсон о Бухаре, город был поделен на три части, две из которых принадлежали королю (эмиру), а другая часть была отведена рынкам и купцам. Бухарцы строили два типа домов – земляные и каменные. Каждое ремесло имело отдельное место на рынке.

Среди сведений о племенах нас заинтересовала следующая информация: «…Шла большая война, продолжавшаяся и при мне, между двумя большими татарскими странами и городами, расположенными как раз на пути между Бухарой и Китаем и некоторыми варварскими степными народами, как язычниками, так и магометанами, граничащими с этими городами. Города эти называются Ташкент и Кашгар, народ, воюющий с Ташкентом, называется казахами магометанской веры, а те, которые ведут войну с Кашгаром, зовутся кингами (gins), они язычники и идолопоклонники. Оба эти варварских народа очень могущественны; они живут в степях, не имея ни городов, ни домов и почти покорили вышеназванные города, так крепко заперев дорогу, что никакому каравану нельзя пройти неограбленным»[100]. Вероятно, А.Дженкинсон упомянул племя канглы (кингы, канлы, канглы или кангды) – древнейшее племя, которое было известно еще с XV в. по рукописному генеалогическому списку кыргызских племен Сайф ад-Дина Ахсикенти «Маджму ат-Таварих» и которое играло значительную роль в формировании кыргызского народа в XVI в.[101].

В XVII и первой половине XVIII вв. в Западной Европе Тянь-Шань и Памир по-прежнему изображают по устаревшим фактам и описаниям. В 20–30-е годы XVIII в. большую роль в сборе географических и картографических сведений о Центральной Азии сыграли шведские офицеры, которые попали в плен к русским солдатам во время Северной войны в 1700–1721 гг.

Во время Полтавской битвы шведский офицер и картограф Табберт (впоследствии Штраленберг) попал в плен к русским. В течение 13 лет, будучи в плену в Сибири, он имел доступ к атласам и чертежам известного русского картографа С.У.Ремезова, атлас которого «Чертежная книга Сибири» отражал этносы и этнические группы, расселявшиеся на Урале, в Сибири и части Центральной Азии [102].

Табберт нанес на карту новые обозначения, доселе неизвестные Западной Европе. Несмотря на то, что пользовался русскими чертежами, он

не избежал некоторых неточностей. Озеро Иссык-Куль он расположил к югу-востоку от оз. Балхаш, а р. Талас брала начало с севера на юг и, принимая в себя Тургай, впадала в Сырдарью, что совершенно не соответствует действительности. Река Чу отсутствует на карте Табберта, несмотря на то, что она обозначена в атласе Ремезова. Посередине его карты располагался Терек-Даван, перевал на Памиро-Алае.

Карта И.М.Хази, составленная на основе древней и средневековой китайской картографии, точнее и содержательнее. На ней даны современные гидрографические объекты Кыргызстана: реки Нарын, Талас, Чу. Четко нанесено оз. Иссык-Куль, помеченное как Тус-Куль. Но на тот период времени наиболее полной и точной являлась карта шведского военнопленного Рената, опубликованная в 1738 г. Ее долгое время считали картой Рената, пока в 1890 г. не обнаружился оригинал калмыцкой карты Джунгарии, с которой, как считал В.В.Бартольд, шведский картограф сделал копию. Согласно В.В.Бартольду, латинская транскрипция калмыцких обозначений сделана при участии знатока калмыцкого языка Василия Бакунина в Санкт-Петербурге. Несмотря на эту историю, карта осталась известной под названием карты Рената. Она включает почти всю современную территорию Кыргызстана. В ней обозначено около 50 географических объектов: Иссык-Куль, Нарын, Талас, Чу и др. На изображении оз. Иссык-Куль сделана надпись о том, что здесь есть железный песок. По мнению современного кыргызского исследователя С.Умурзакова, данная карта грешит такими погрешностями, как несоответствие между обозначением масштаба и градусов. Карта французского картографа де Анвилля, составленная в 1737 г., имеет по сравнению с другими картами лучшую основу. Впервые изображены очертания Западного Тянь-Шаня, правильно ориентированы направления рек Талас и Чу. Однако на карте отсутствуют главные орографические объекты Средней Азии и Казахстана – оз. Иссык-Куль и Балхаш [103].

www.bizdin.kg

В 30-х годах XIX столетия в картографии веский тон начинают задавать немецкие ученые. В 1836 г. на основе географических сведений античных, китайских, арабских и русских путешественников немецкий исследователь Ю.Клапрот составил карту Центральной Азии. Им подробно нанесены обозначения основных водных объектов Кыргызстана: рек Чу, Талас, Нарын и оз. Иссык-Куль.

В уточнении и распространении знаний об орографических и гидрографических объектах Кыргызстана большой вклад внесли немецкие ученые А.Гумбольдт и К.Риттер. Александр Гумбольдт (1769–1859) – немецкий естествоиспытатель и географ являлся почетным членом Петербургской академии наук с 1818 г. Как справедливо заметил американский исследователь М.Пратт, А.Гумбольдт и его исследования являются началом индивидуализации европейских открытий и исследований, а результаты его путешествий в Южную Америку сделали его «ходячей энциклопедией» для широкой европейской и американской аудитории [104].

Немецкий исследователь являлся основателем вулканического направления в геологии и считал, что Центральная Азия – это горная страна. Согласно его точке зрения, Внутреннюю Азию составляют четыре мощных горных системы широтного и меридионального направления. В 1915 г. его работа была переведена на русский язык под заголовком «Центральная Азия». А через 14 лет он, совершив путешествие по Российской империи, от Невы до Енисея, выдвинул теорию о вулканическом происхождении Тянь-Шаня, хотя там так и не побывал. В середине XIX в. данная теория была опровергнута русским академиком П.П.Семеновым-Тян-Шанским. В 1856 г. тщательно обследовав Тянь-Шань, он пришел к выводу, что здесь нет ни вулканов, ни «истинных вулканических явлений»[105]. Данный вывод впоследствии был подтвержден рядом исследователей геологии этой горной системы и получил высокую оценку [106].

Другой не менее известный ученый немецкого происхождения К.Риттер в своем XIX-томном сочинении «Землевладение Азии» предложил

концепцию о влиянии природы на развитие стран и людей. Разнообразные сведения о географии, климате, людях, а также о путешественниках, побывавших до него в регионе, стали фокусом его работы об Азии [107].

Таким образом, в Западной Европе сведения о Центральной Азии были известны еще с античного времени. Авторы и путешественники античности, средневековья и нового времени сами, либо через купцов, миссионеров и торговцев собирали, систематизировали и сопоставляли информацию о Центральной Азии и ее отдельных районах. Однако все же в большей степени эта информация касалась географических и картографических познаний о регионе и его народах.

Западная литература XIX в. о путешественниках также разнообразна и обширна. Ее можно условно классифицировать на литературу биографического и геополитического характера. Как справедливо пишет исследователь Ф.Юлдашбаева, в XIX в. на западе вышло большое количество работ о Центральной Азии, в которых фигурировала главная идея – об угрозе Британской Индии со стороны России[108]. Эти разработки относились советскими авторами к буржуазной историографии, цель которой «…обосновать и оправдать завоевательные действия английских правящих кругов в странах Азии»[109]. Среди тематической литературы выделяются работы британских политиков, разработчиков колониальной политики Великобритании в Центральной Азии. Они рассматривают путешественников как непосредственных проводников интересов Великобритании в регионе[110]. В одной из своих работ «Англия и Россия на Востоке» дипломат и востоковед сэр Генри Роулинсон (1810–1895), уделив значительное место европейским путешественникам, составил хронологизацию западных, в основном английских путешествий в Индию, Афганистан, среднеазиатские ханства и Кашгар [111].

В 1884 г. теоретик британской политики в Центральной Азии Мак Грегор написал книгу «Оборона Индии», которая была секретно напечатана в Индии, а в 1891 г. переведена на русский язык[112]. В своей работе автор

придавал огромное значение деятельности путешественникам как информаторам дипломатической службы Великобритании. Особую значимость он придавал разведывательной деятельности пундитов, туземных агентов, считая необходимым засылать их в покоренные Россией районы Центральной Азии и там инспирировать восстания против русских [113].

В зарубежной историографии 50–70-х годов XX столетия авторы продолжали рассматривать путешественников как информаторов дипломатических ведомств Британского правительства, а активизацию английской политики в регионе – как ответ на угрозу России британской Индии[114]. В.К.Фрэзер-Тайтлер, рассматривая историю соперничества России и Великобритании в Центральной Азии, считал, что генезис российской угрозы Британской Индии сформировался еще в петровские времена, и расценивал ее как потенциальную, которую необходимо пресечь, упрочив британские позиции на Среднем Востоке [115].

Американский ученый Р.А.Пирс, исследуя проблему присоединения Центральной Азии к России, пришел к выводу, что для центрально-азиатских народов российская колонизация была актом завоевания и принуждения[116]. Нельзя однозначно согласиться с автором, поскольку в этом длительном и сложном процессе присоединения присутствовали и моменты добровольного вхождения племен в состав России, и моменты завоевательных и насильственных походов русских генералов на Памиро-Алай. Тем более, трудно не согласиться с доводами известного советского исследователя Н.А.Халфина о том, что «термин «присоединение» исторически правилен и включает в себя понятие, как завоевания, так и мирного включения в состав России ряда районов и областей. Результаты этого исторического события столь велики и значительны, что термин «завоевание» не отражает всей его специфики» [117].

Работа Эдварда Олсуорса представляет большой интерес в изучении политики Британской империи в Центральной Азии, а вместе с тем и деятельности западных путешественников[118]. В ней анализируются факторы

проникновения, распространения и влияния ислама в Центральной Азии на протяжении нескольких (XII–XIX) веков. Мысль автора о том, что «…хотя вопрос веры почти всегда имел важное значение и придавал окраску отношениям между русскими христианами и мусульманами Центральной Азии, но, по крайней мере, с периода падения Ташкента религия не являлась основным вопросом»[119], вызывает необходимость приведения некоторых противоположных доводов. Как свидетельствуют архивные материалы и современные исследования, в мусульманском духовенстве, представленном в основном татарами и башкирами, царское правительство видело оплот своей колониальной власти в Туркестанском крае. Количество мусульманских заведений постоянно увеличивалось. Так, в 1892 г. в южном Кыргызстане насчитывалось 7 медресе, а в 1914 г. в Ошском уезде было уже 88 медресе с 1176 учащимися, в том числе в Оше – соответственно 5 и 200. Конечно, иная картина наблюдалась на севере Кыргызстана, с его меньшей приверженностью мусульманским традициям. К примеру, в Пржевальске имелось лишь одно медресе с 45 учащимися [120].

Автор также провел анализ последствий Крымской войны 1853 г. для России. Для Российской империи, взявшей курс на капиталистическое развитие, контроль этого региона с его непревзойденным и богатым рынком и не менее богатым сырьевым ресурсом, был важным шагом во внешней политике. Как справедливо отмечает автор, в 1860–1862 гг. интерес в Европе к региону заметно усилился в связи с кризисом в поставках американского хлопка на международный, в том числе и российский рынок[121]. Однако мнение автора о том, что интерес Великобритании в регионе вызывался инициативами России, продолжает идеи британских политиков и путешественников о зависимости внешнеполитического курса Великобритании от российской политики в регионе и вынужденной обороне и защите Индии.

Заметное место занимают работы современного английского исследователя Питера Хопкирка, который в контексте анализа

противостояния двух держав за гегемонию в регионе раскрывает роль путешественников в рамках широкого хронологического диапазона: конец XVIII – начало XX вв. Ценность его трудов усиливается привлечением самих первоисточников, а также современной литературой, вышедшей на Западе в XX столетии. Он раскрыл цели и мотивы, ход и результаты многих английских экспедиций в регион. Большое внимание уделено вкладу европейцев в расширение географических знаний, картографирование местности, сборе сведений о политическом и экономическом положении в центрально-азиатском регионе[122]. Питер Хопкирк справедливо озвучил мысль о том, что благодаря западным путешественникам и исследователям сохранены многие древние археологические, архитектурные и письменные ценности Центральной Азии [123].

В работе Джона Кий рассматриваются исследователи Гималаев в XIXв. На основе источников показана роль изучения западных Гималаев и Центральной Азии путешественниками, включая одного из первых игроков «большой игры» В.Муркрофта, путешествие которого в Бухару характеризуется как коммерческое и политическое, нежели научное. В работе даны ценные биографические данные и описание маршрута путешественников. Однако экспедиторы 60–90-х годов XIX столетия в своих исследованиях более догматичны и более конкурентноспособны, чем путешественники в начале этого века. Согласно мнению Д.Кий, «Great Game» делится на два этапа. Первая фаза начинается с экспедиции английского агента Александра Бернса в Бухару (1837), а вторая – в конце 60-х годов, с момента интервенции Великобритании в Афганистан и экспедиции России в Хивинское ханство [124].

Исследования в Центральной Азии и на Тибете проводились не только европейцами, но и представителями из местных народов, чаще буддийскими монахами или мусульманскими индусами. Еще в первой четверти XIX в. их специально обучали агентурной деятельности. «Пундиты» («учителя») проходили обучение в Британской Индии под руководством британских

офицеров Большой Тригонометрической службы. Их деятельность в центрально-азиатском регионе и на Тибете освещена в книге Дерека Уоллера «Пундиты: Британские исследования Тибета и Центральной Азии». Под покровом мусульманской или буддийской веры и их атрибутов, таких как четки, буддийское колесо, одежда проводились наблюдения, измерения и запись. Четки насчитывали 100 бусинок, хотя их должно было быть 108 штук, и каждая десятая бусинка была заметна лишь только пундиту. Это было необходимо для определения точного расстояния [125].

Другой круг литературы составляют издания биографического характера. Значительный интерес представляют работы, написанные об известном исследователе Центральной Азии, археологе Аурele Стейне. Анабел Уолкер, изучая биографию «великого исследователя», дает анализ результатов его трех экспедиций в Восточный Туркестан[126]. А работа сотрудника Британской библиотеки и директора Международного проекта по Дунхуану Сюзан Уайтфилд о литературном и археологическом наследии А.Стейна детально раскрывает его вклад в изучение наследия Великого Шелкового пути в Центральной Азии и Восточном Туркестане. Как считает автор, благодаря английскому археологу, мир впервые и подробно узнал о буддийской цивилизации в Восточном Туркестане и его торговых городах Хотане и Яркенде, о Дунхуанской коллекции. Организация экспедиций была нелегким делом. А.Стейн, не жалея сил, просил финансирование для своей экспедиции у правительства Пенджаба, друзей, ученых и политиков. Он обосновывал свою просьбу тем, что он обогатит Британский музей новыми находками, и подогревал их патриотизм информацией о планах русских и шведских исследователей в Восточном Туркестане. Им собраны уникальные археологические ценности и манускрипты, которые в настоящее время хранятся в музеях Великобритании, Китая и Венгрии [127].

Работа англичанина Патрика Френча посвящена своему соотечественнику, английскому исследователю Фрэнсису Янгхазбэнду, которого он называл великим авантюристом и игроком «большой игры»[128].

На широком фактологическом материале он сумел раскрыть биографические вехи этого важного игрока геополитического противостояния Великобритании и России в центрально-азиатском регионе и понять мотивы его военной, политической, а к концу жизни общественно-религиозной карьеры.

Особое место занимает исследование французского ученого С.Горшениной. Составленный ею библиографический и биографический указатель западных путешествий в Центральную Азию за 1820–1940 гг. отражает масштабы изучения региона в Европе и Америке за сто двадцать лет [129].

И, наконец, для анализа идеологии насилия в центрально-азиатском путешествующем нарративе мы обратились к литературе, написанной в контексте колониальных и постколониальных дискурсов о колониализме и империализме. В этом отношении значительный интерес представляют работы, написанные о путешествиях в Африку и Америку в XIX–XX вв. Американский исследователь Л.Фрэни дает анализ путешествиям европейцев в Африку в XIX – начале XX вв. Автор справедливо отмечает, что физическое, политическое и культурное насилие по отношению к местным племенам и народам, имевшее место в Африке во время британской колонизации, в определенной степени является репрезентацией политического, интеллектуального и культурного развития метрополии, откуда прибывали путешественники и куда они возвращались. Как считает автор, длившийся от нескольких недель до нескольких лет фиксированный эксперимент путешественника, прежде всего, отражает его роль в экспансии европейской власти в начале, в период или после путешествия. Концепция автора о дисциплинарном насилии помогает раскрыть суть имперского насилия в его физической и психологической формах в трудах путешественников. Насилие, которое совершалось по отношению к местному населению и их культуре, автор определяет, как «дисциплинарное насилие», в котором различает физическое насилие, направленное на проводников и

переводчиков; насилие при оказании административных и медицинских услуг местному африканскому населению; и третье насилие выражается в сборе краниологических объектов для науки, ранжирующихся от скальпа умершего и до зубов живого африканца [130].

Работа современной американской исследовательницы Мэри Пратт отражает анализ «путешествующей» литературы, написанной во время или по итогам европейских путешествий в Южную Америку и Южную Африку в XVIII–XX вв. Эти экспедиции отражали развитие имперской экспансии и усиление естественнонаучных дисциплин. Автор рассматривает труды путешественников, как идеологическое средство формирования имперского колониального мышления и источник о неевропейской части мира. Достоинством данной работы является то, что исследователь создал терминологию и концепции, которыми возможно оперировать при изучении трудов путешественников. «Контактная зона», «анти-покорение», «аутоэтнографическое выражение» отражают специфику этого вида источника. Концепция «контактная зона», или пространство, где народы, разделенные в географическом и историческом, мы бы добавили и в культурном отношении, встречаются и взаимодействуют. В условиях колониального пространства взаимодействие происходит в ситуации принуждения, сильного неравноправия и неподатливого, то есть, неуправляемого конфликта. Через понятие «анти-покорение» автор отражает стратегию репрезентации колониальных задач буржуазии, которая в момент утверждения европейской гегемонии пыталась гарантировать свою невиновность. Тезис «автоэтнографическое выражение» является отражением текстов, в которых другие, то есть, местные племена и культуры отражаются в диалоге с представителями метрополий[131]. В целом, эти концепции важны при рассмотрении трудов путешественников и их самих, и не только как проводников геополитики имперских держав в колониальных территориях, но и как медиумов в трансляции новых знаний и навыков.

Таким образом, в изучении западной историографии отражаются следующие выводы: *во-первых*, сбор сведений о регионе носил непрерывный характер и он не прерывался с эпохи античности. *Во-вторых*, труды античных, средневековых и авторов нового времени в большей степени отражали географические и картографические особенности региона, чем исторические и культурные характеристики населения; а также ведущее место в сборе информации занимали торговцы и миссионеры. *В-третьих*, в современной западной историографии просматривается слабое обращение к трудам русских путешественников и современным исследованиям централоазиатов по региону. *В-четвертых*, до сих пор нет специального самостоятельного исследования о кыргызах и Кыргызстане в контексте трудов западных путешественников второй половины XIX – начала XX вв. И, наконец, *в-пятых*, советская и постсоветская западная историография преимущественно отражает деятельность западных путешественников и исследователей в контексте геополитического и торгово-экономического соперничества Великобритании и России в Центральной Азии, а информация о народах и культурах региона до сих пор остается вне поля научного зрения.

www.bizdin.kg

Глава II
ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КЫРГЫЗОВ В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОМ ПУТЕШЕСТВУЮЩЕМ НАРРАТИВЕ

2.1. Происхождение кыргызов

История любого народа сопрягается с вопросами об этнической идентичности и идеологии. Согласно мнению теоретиков национализма и этничности, особенную значимость они приобретают в период кризисов. Национальное и этническое сознание возрастает в период, к примеру, быстрой модернизации и имеет тенденцию направляться интеллектуалами, которые создают национальную историю, традиции, идентичности, интересы и даже языки[132]. На советском пространстве этим кризисом явился распад СССР, впоследствии чего возникли самостоятельные республики, стремившиеся к государственной и этнической идентификации и определению.

Знание этнической истории и происхождения своего народа, социальная поддержка традиций и возрождение здорового национального чувства явились одним из базовых практических и идеологических конструктов в строительстве независимого и суверенного Кыргызстана. Однако вместе с использованием этнической истории и народных традиций в качестве положительных инструментов нациостроительства, в то же самое время, обозначились и негативные стороны их применения. В особенности, они проявлялись в период политических кампаний и мифологизации истории. Не секрет, что апелляция к сведениям о гэгунях, то есть кыргызам, в китайских источниках 201 г. до н. э. и затем празднование 2200-летия Кыргызской государственности в 2003 г. были инициированы прежним президентом республики А.Акаевым по политическим соображениям. Но также нельзя отрицать тот факт, что данная политическая инициатива имела позитивный научный резонанс. Она позволила кыргызстанским историкам сделать такие масштабные научно-исследовательские мероприятия, которые

не проводились с момента обретения государственной независимости в 1991г. и празднования 1000-летия эпоса Манас в 1995 г.[133]. Не остались без внимания и западноевропейские исторические источники. Актуальность их изучения и необходимость инкорпорации их сведений об этногенезе кыргызов и других народов Центральной Азии в историографию Кыргызстана и региона обозначались на научно-практических конференциях в республике и за рубежом [134].

Возникают вопросы: «Почему западные путешественники интересовались или адаптировали информацию о происхождении кыргызов? Откуда путешественники черпали информацию о прошлом кыргызского народа? С какими народами проводились этнокультурные параллели?» Прежде всего отметим, что при сравнительно-сопоставительном анализе информации западных путешественников с российскими источниками обнаруживаются некоторые особенности. Во-первых, в дореволюционном российском востоковедении проблема происхождения кыргызского народа имеет давние традиции, о чем свидетельствует обширный историографический обзор по данной проблематике, проделанный известными исследователями XIX в. – Ч.Ч.Валихановым и Н.А.Аристовым. С точки зрения историка Ж.Э.Маанаева работа Н.А.Аристова о происхождении кыргызов «Дополнение к труду Риттера «Западный Тянь-Шань», усуни и кыргызы или кара-кыргызы (очерки истории и быта населения Западного Тянь-Шаня)» исследована не в полной мере[135]. Во-вторых, нельзя сказать, что все западные путешественники в равной степени уделяли внимание этногенезу кыргызов. Ссылаясь на российские исследования, одни путешественники лишь кратко упоминали о «ранней биографии» кыргызского народа, другие же, напротив, уделяли этому вопросу существенное место и внимание в своем путешествии. Вероятно, такая неравномерность информации о кыргызском этногенезе произошла в силу объективных и субъективных особенностей, таких как вариативность целей и задач путешествий, различия в профессионально-образовательном

уровне путешественников, степени их вовлеченности в научные дискурсы западной и российской востоковедческих школ по данному вопросу.

Так, говоря об авторитетности положений Ч.Ч.Валиханова и Н.А.Аристова о кыргызском этногенезе для западных экспедиторов, необходимо отметить следующее. Западные путешественники нередко ссылались на их работы и с их позиции интерпретировали этногенез кыргызов.

Будучи русским офицером генерал-губернаторства Западной Сибири, Ч.Ч.Валиханов и Н.А.Аристов, занимавший различные чины в администрации Семиреченской области и Степного генерал-губернаторства, неоднократно посещали территорию современного Кыргызстана, и каждая поездка рождала интересные, хотя и небезошибочные записки об историческом, геополитическом, социально-экономическом и культурном состоянии кыргызских племен в прошлом и современное им время. Экскурс в историографию данного вопроса этих двух исследователей отражает следующий вывод, что в решении вопроса об этногенезе кыргызов во второй половине XIX в. имелись три точки зрения. Первая принадлежала Ю.Клапроту, К.Риттеру о том, что тянь-шаньские кыргызы образовались от енисейских в результате переселения последних в XVII в. из Южной Сибири в пределы Центрального и Восточного Тянь-Шаня; вторая – отражалась в работах немецкого исследователя В.Шотта. Он считал, что кыргызы произошли от смешения усуней и тюркского "хойху" или уйгуров; третья точка зрения, выдвинутая Н.Я.Бичуриным, отражала то, что кыргызы Тянь-Шаня – это буруты, а сибирские кыргызы – производные от калмыцкого рода «киргиз»[136]. Ч.Ч.Валиханов и Н.А.Аристов внесли свой вклад в изучение данной проблемы и ими был показан пример комплексного подхода к ее решению. На основе ряда источников – фольклора тянь-шаньских и енисейских кыргызов, сведений восточных авторов, архивных материалов, трудов востоковедов, который в своей совокупности позволил им внести коррективы в различные высказывания по проблеме кыргызского этногенеза

и сформулировать свою точку зрения на происхождение тянь-шаньских кыргызов, во многом близкую с современной концепцией о том, что на территории современного Кыргызстана кыргызский народ сформировался в XIV–XVII вв. в результате этногенетических и этнокультурных процессов, включавших локальный, тюркоязычный и пришлый центрально-азиатский, монгольский и ногайско-казахский этнические компоненты [137].

Таким образом, в отличие от западной ориенталистики, в которой о происхождении кыргызов известно было не так уж много и упоминалось не так уж часто, российское востоковедение могло похвастаться своими научными изысканиями и разработками в этой области. Для многих западных путешественников изучаемого периода они явились определенным источником в понимании и интерпретации прошлого кыргызов, его этногенетических и этнокультурных связей с народами сравнительно отдаленных от современного Кыргызстана территорий, таких как Алтай, Южная Сибирь и Восточный Туркестан.

Иная причина обращения путешественников к этому вопросу состояла в том, что в условиях недостаточности знаний на Западе об этнической истории кыргызов стремление зафиксировать легенды и предания об их происхождении, территориальной и географической локализации, общности или разности родоплеменных особенностей в культуре, языке и религии, безусловно, явилось бы собственным научным вкладом путешественника, а, следовательно, одной из возможностей академического признания и скорейшей публикации результатов путешествия. Помимо опубликованных или рукописных сведений российских исследователей, западные путешественники прибегали к информации офицеров и солдат местной колониальной администрации, родоначальников кыргызских племен, переводчиков и проводников, которых они нанимали в начале своего путешествия где-то в Индии, либо в Восточном Туркестане, либо их им рекомендовала администрация Туркестанского генерал-губернаторства уже после прибытия в край. К примеру, с российского форта Мургаб для

www.bizdin.kg

сопровождения на Памир шведскому путешественнику и географу Свену Гедину был послан переводчик-татарин Кул Маметиев [138].

В трудах западных путешественников этнотермин «кыргыз» встречается в следующих вариациях: «Kirghese, Kyrgyz – Кыргыз», «Kara-Kirghiz – черный киргиз», «Mountain Kirghiz – горный киргиз», «Turanian Khirghiz – туранский киргиз», «Burut – Бурут», «Muhammedan Kirghiz – магометанский киргиз», «Chinese Kara-Kirghiz – Китайский кара-киргиз», «Russian Kirghiz – русский киргиз». Чаще всего встречаются четыре первых этнотермина, что может подтвердить серьезное влияние российских исследований на них. Так, английский миссионер Генри Лансдел (1841–1919) был известен в религиозных и научных кругах Великобритании как храбрый путешественник, совершивший поездку в Сибирь (1879) и Центральную Азию (1882). Первостепенной задачей Г.Лансдела являлось распространение христианства и религиозной литературы в больницах и тюрьмах Российской империи, включающей ее сибирский и азиатский фронтиры. О мотивах своих путешествий он писал: «В 1879 г., кроме распространения 50000 публикаций религиозного характера, я дал властям (то есть, российским властям – Ч.Т.) копии нового завета и Евангелия, что дало возможность иметь их в каждой комнате тюрьмы или госпиталя по всей Сибири. В 1882 г. я желал делать то же самое для тюрем и госпиталей в Русской Центральной Азии, и тем самым завершить всю мою работу по Азиатской России»[139]. Свою религиозную миссию в Центральную Азию он совместил с писательским творчеством, задумываясь о трех возможных категориях читателей своей будущей книги. Первая категория – это обычный читатель, который читает, не заботясь о просмотре всех сносок, замечаний или чтении всех глав. Вторая категория – это студенты, которые хотят узнать географию, геологию, фауну, флору, характеристику людей, их правительство, религии и языки. И третья категория читателей – это ученые и специалисты[140]. В целом, труд и характеристика трех категорий читателей Г.Лансдела отражает познавательные интересы отдельных социальных классов и

профессиональных научных обществ Запада по отношению к региону и желание авторов как можно полнее удовлетворить запросы потребителей книжного рынка. В 1885 г. в американском городе Бостоне на английском языке была опубликована его книга «Русская Центральная Азия, включающая Кульджу, Бухару, Хиву и Мерв». 120-дневный путь длиной в 12145 милей (19541 км) в Центральную Азию пролегал через Петербург, Москву, Нижний Новгород, Екатеринбург, Омск, Семипалатинск, Верный (Алматы), Пишпек, Ташкент, Коканд, Самарканд, Шахризяб, Карши, Бухару, Чарджи, Хиву, Ургенч, Баку, Тифлис, Батуми, Одессу, Берлин и конечный маршрут – Англия. Несмотря на специфическую задачу, он дал обстоятельную картину истории, жизни и быта кыргызов и казахов, хотя и не видел между ними никакой принципиальной разницы и даже считал их родственными племенами одного народа, отличающимися лишь ландшафтом кочевания, казахи кочевали в степи, а кыргызы – в горах и межгорных впадинах [141].

Анализ сведений Г.Лансдела о происхождении кыргызов показывает, что по этому вопросу основным источником для него явились записки и статьи Ч.Ч.Валиханова, в работах которого содержались предположения и гипотезы по данной проблематике. Помимо российских и западных исследований о регионе Г.Лансдел не пренебрегал и личным наблюдением, официальной статистикой, неопубликованными документами, вероятно, подразумевая под этим архивные материалы, а также общением с местными родоначальниками. Вслед за Ч.Ч.Валихановым Г.Лансдел повторял, что кыргызы – один из древних народов Центральной Азии. Он писал: «Кыргызы принадлежат к Тюрко-Татарской или Алтайской расе и их два основных отделения со своими территориями расселения составляют Кара-кыргызы, собственно сами кыргызы, которых иногда называют обитающие в горах, и казахи, обитающие в равнинной местности»[142]. Адаптируя подходы Ч.Ч.Валиханова о происхождении кыргызов, основанных на выявлении этимологии этнотермина «кыргыз», приведении легенд о кыргызских

племенах и родах, связи тянь-шаньских и енисейских кыргызов, Г.Лансдел, тем не менее, пропустил безоговорочное мнение казахского исследователя о разности кыргызов и казахов по многим параметрам – языку, происхождению, обычаям. «Даже в физиономии бурута есть что-то своеобразное, не кайсацкое...», – иронично писал Ч.Ч.Валиханов[143]. Спрашивается, какие причины побудили английского миссионера пропустить это суждение казахского исследователя и вводить в заблуждение читательскую аудиторию Запада, искажая существующий факт. Не имперское ли мнение о том, что все местные племена, находясь на одном уровне развития, то есть, отсталости и дикости, не могут быть отличными и непохожими друг на друга, а потому не могут рассматриваться в контексте этнокультурной и исторической уникальности; или ограниченное время пребывания среди казахов и кыргызов не позволило ему заметить разницу, которая была чувствительна для самих народов; или все же религиозная цель поездки достичь узников в тюрьмах и больных в лазаретах азиатской России, размещенных в административно-управленческих центрах Туркестанского генерал-губернаторства – Верном, Пишпеке, Сокулуке, была гораздо важнее и диаметрально противоположна задачам истории, этнографии и антропологии? Вероятно, в совокупности все три причины сформировали у Г.Лансдела мнение о родственности кыргызов и казахов.

Как было отмечено выше, западные путешественники употребляли два этнотермина: кара-кыргызы и дикокаменные кыргызы, то есть названия, введенные в научный оборот дореволюционными российскими востоковедами[144]. Отметим, что замещение собственного имени народа или племени другими, удобными для реакционной российской науки и политики, терминами, прослеживается и в других колониальных владениях Российской империи. Для российских колонизаторов лишь только слово «мусульманин» имело более или менее ясные границы идентичности. Как справедливо отмечает французский исследователь А.Беннигсен, «царская администрация относилась совершенно безразлично к устремлениям мусульман как к

субъектам империи и полностью игнорировала проблему их идентификации. Это отчетливо проявлялось в господствующей путанице в официальных терминах. «Татарин» использовался для определения не только волжских и крымских татар, но и для тюрок Северного Кавказа (карачаевцев, балкар), ногайцев и азербайджанцев. Термин «сарт» (торговец) использовался для обозначения туркестанского оседлого населения, турок, иранцев и им подобных. Администрация считала всех мусульман одной нацией. Понятие «мусульманин» имело официальное хождение, неся в себе черты подданства»[145]. Этнонимы «кыргыз», «узбек», «казах» и другие существовали и чаще употреблялись российской колониальной администрацией и академической школой, но не самими централоазиатами. Использовались ли эти термины в дореволюционное время в качестве «этноса» теми, кто называл себя узбеком, казахом, кыргызом – это уже другой вопрос, – считает современный американский исследователь Н.Шахрани [146].

Полагаясь на сообщения как западных, так и российских путешественников, мы приходим к выводу, что в дореволюционное время у кыргызов существовал двойной уровень идентичности, отражавшийся, во-первых, в осознании принадлежности к народу, этносу в контексте межэтнических взаимодействий – кыргыз и казах, кыргыз и узбек, кыргыз и «феринги», то есть, европеец-иностранец и, во-вторых, идентичность, проявляемая в рамках межплеменных взаимоотношений: бугу-сарыбагыш, солто-саяк, мундуз-теит и т. д. Отметим, что прочность племенного сознания и племенной идентичности отчетливо обнаруживается среди кыргызов, проживающих на Тарбагатае, в Китае [147].

Российская колониальная администрация прибегала к артикуляции терминов «сарт», «татарин» для того, чтобы стереть чувство идентичности на уровне народа и племени. Названия «инородец» и «туземец» употреблялись официальной чиновничьей Россией для того, чтобы принизить национальное достоинство коренных жителей региона[148]. С нашей точки зрения, к этим

универсальным и заместительным терминам можно отнести и этнотермин «киргиз», который российскими властями употреблялся не только с целью обозначения этнической принадлежности кыргызов и казахов, но и с целью идентификации его хозяйственной деятельности. То есть, говоря «киргиз», местные царские власти, прежде всего, подразумевали «кочевник».

Помимо вышеназванных этнотерминов у Г.Лансдела встречается слово «бурут», которое употреблялось китайцами и калмыками в отношении черных или дикокаменных кыргызов[149]. Этот термин впервые рассматривался Н.Я.Бичуриным, отцом Иакинфом, долгое время прожившим в Китае. Основываясь на китайских источниках, он высказал мнение, что встречающиеся в них названия племен Болу, Булу, Болюй сходственны с Бурут, которое является «древним именем киргизцев»[150]. В настоящее время существует мнение, что буруты являлись западной ветвью кыргызского народа, расселявшиеся в пределах Восточного Туркестана и Восточного Памира, и этот термин является экзоэтнонимом, то есть наименованием, данным другим народом, в этом случае – китайцами[151]. Три названия кыргызов – дикокаменные, черные кыргызы и бурут не были известны самим кыргызам, подобно тому, как в изучаемый период казахи никогда не называли себя кыргызами, кыргыз-кайсаками или кайсаками. Как было отмечено выше, идентификация шла через этнотермин «кыргыз» или родоплеменные названия – Сарыбагыш, Солто, Бугу, Тынымсеит. Изучив легенды о происхождении кыргызов, обнаруженные в работах В.Радлова, И.Левшина и Ч.Валиханова, Г.Лансдел пришел к выводу, что легенда о сорока девушках и собаке, известная соседним племенам и китайскому автору монгольской эпохи, все еще не имела убедительного и удовлетворительного объяснения в российской науке[152]. Однако известно, что Ч.Ч.Валиханов в своей работе «Записки о киргизах» попытался проанализировать данную легенду. Архаический вариант легенды о происхождении кыргызов от красной собаки содержал информацию о тотемизме и культе собаки, битье, а тем более убийстве, которое считалось

большим грехом у кыргызов. Вариант легенды о красной собаке, измененный под влиянием ислама, уже фиксировал некоторый компромисс тотемизма и ислама[153]. Для нас важен тот факт, что в XIX в. в этнической памяти кыргызов бытовали два варианта легенды – архаичный и измененный современный [154].

Черные или дикокаменные кыргызы, называемые китайцами и калмыками также бурутами, делятся на два крыла: «правое» и «левое». Г.Лансдел ошибочно относил племена Сарыбагыш и Бугу к левому крылу конфедерации кыргызских племен и допустил неточность в их территориальной локализации. Фактически вышеназванные племена относились к правому крылу кыргызских племен и преимущественно локализовались в Семиречье и на Тянь-Шане, то есть, северном Кыргызстане, а левое крыло – в Фергане, Кашгаре, Памиро-Алае и даже в пределах Тибета и Гиндукуша [155].

В записях английского миссионера раскрываются этногенетические процессы, протекавшие на Центральном Тянь-Шане и в Южной Сибири. Согласно его записям, «тянь-шаньские и енисейские кыргызы были разделены в результате движения кочевых племен между X и XIII вв., и большая часть этого подразделения, собственно сами каракыргызы обитают там, где они находятся сейчас, а другая половинка проживает в Сибири, в верхнем течении реки Енисей. В XVIII столетии в результате завоеваний части кыргызов российскими колонистами, енисейские кыргызы и их месторасположение на Енисее исчезли, а часть кыргызов растворилась среди калмыков. В конце XVIII в. каракиргизы были подчинены китайцам, а впоследствии они подпали под власть Коканда. Однако в 1842 г. кыргызы фактически достигли независимости от кокандцев, но она продержалась до тех пор, пока споры между различными племенами, особенно, такими как Бугу и Сарыбагыш, не стали причиной их обращения к России за подданством и защитой»[156]. С точки зрения Г.Лансдела, таким образом и не бесспорно выглядела хронологическая траектория истории формирования

кыргызского народа на Тянь-Шане и в Южной Сибири. Очевидно, что, позаимствовав многие данные у Ч.Ч.Валиханова, он, тем не менее, верно отразил одну из основных причин принятия кыргызскими племенами российского подданства – их бесконечные межплеменные распри за территориальное господство и политическое влияние.

В отношении происхождения кыргызов и мнения, что «дикокаменные кыргызы» и «кыргызы», или «кыргыз-кайсаки», то есть, казахи составляют один народ, он анализирует этимологию термина «казах». Г.Лансдел отмечал, что степные кыргызы называют себя «казаками», и оно означает «беглый всадник», «бродяга» и, вероятно, от этого слова происходит и русский термин «казак». В работах И.А.Левшина он обнаружил предания об этногенезе казахского народа, иногда называемых киргиз-казахами[157]. Одно из преданий отмечало, что предки казахов жили на берегу Евфрата и по истечению некоторого времени они были пригнаны тюрками на землю диких кыргызов. Правитель кыргызов создал из них воинский отряд для собственной безопасности. По мнению Г.Лансдела, эта легенда помогла бы пролить свет на кыргызские обычаи, которые были известны правнукам Авраама [158].

Известно, что достоверного этимологического объяснения слову «казак» не существует. В нарицательном отношении это тюркское слово означало «вольный, удалой, храбрый человек», который не подчинялся государственным законам и социальным нормам и часто убегал в степь. Лишь к началу XVI в., к моменту складывания тюркоязычных племен Восточного Дешт-Кыпчака и Семиречья в казахский народ, этот термин приобретает консолидирующее этническое и политическое содержание [159].

Об антропологическом типе кыргызов Г.Лансдел узнал из исследований французского путешественника венгерского происхождения Уйфальви де Мезо Ковесд (1842–1904), который в 1876–1877 гг. совершил свое путешествие в пределы Аральского моря, Сырдарьи, Ферганскую долину, Семиречье и Урал [160].

Как и многие другие западные путешественники, Г.Лансдел развивал созданные дореволюционными российскими исследователями мифы о происхождении кыргызов, корректируя их в соответствии со своими профессиональными, духовными и личностными интересами и установками.

Происхождение кыргызов интересовало не только британского миссионера Генри Лансдела, но и американского дипломата Юджина Шуйлера (1840–1890), который на страницах двухтомной работы «Туркестан» внес свою лепту в распространение и развитие этой проблематики на Западе. Как нам кажется, работа Ю.Шуйлера, вышедшая в 1876 г., представляла большой интерес для Г.Лансдела, так как просматривается значительное сходство в структуре и стиле изложения материала.

Детство Юджина Шуйлера прошло в семье аристократа-плантатора в местности Итака, штат Нью-Йорк, США. С 1859 по 1861 гг. он учился в Йельском университете и получил докторскую степень по журналистике; также обучался в Колумбийском университете, осваивая азы юриспруденции. Вероятно, торгово-экономические отношения России и США, которые стали активно развиваться с 1830-х гг. XIX столетия[161], побудили Ю.Шуйлера всерьез заняться Россией и ее отношениями с западными странами и азиатской окраиной. После изучения русского языка и знакомства с русской культурой его интерес к России усилился настолько, что он стал собирать фольклор русского народа. В настоящее время, собранные Ю.Шуйлером русские предания и легенды, хранятся в архиве Корнельского университета в США.

В 1867 г. Ю.Шуйлер отправился в Россию и в течение 11 лет (1867–1876) проработал консулом в Москве, Санкт-Петербурге и Ревеле (Таллине). В 80-х годах XIX столетия его дипломатическая карьера была продолжена в Греции, Румынии, Сербии и Ираке, где он прослужил на разных должностях. Помимо дипломатической карьеры Ю.Шуйлер успешно преподавал в Корнельском университете и написал несколько серьезных книг и статей:

«История Петра Великого» (1880), «О продвижении России в Азии» (1866), «Современная Россия» (1870), «Русский путешественник Пржевальский» (1889). Он также перевел на английский язык произведения Н.Тургенева «Отцы и дети» (1867), «Казаки» (1878)[162]. Будучи дипломатом, в 1873 г. он совершил свое восьмимесячное путешествие в Центральную Азию, результаты которого затем были изложены в книге «Туркестан. Записки о путешествии в Русский Туркестан, Коканд, Бухару и Кульджу». В 1876 г. она была издана в Америке издательством Скрибнера, основатель которого приходился сводным братом матери Ю.Шуйлера. В написании двухтомного труда основными источниками послужили его собственные наблюдения и выводы, материалы русских и европейских путешественников и исследователей, в частности, Ч.Ч.Валиханова, П.П.Семенова-Тян-Шанского, Н.Я.Бичурина, И.Я.Левшина и др., информация местных русских офицеров и кыргызских родоправителей.

Сведения об этногенезе кыргызов он черпал так же, как и Г.Лансдел, у Ч.Ч.Валиханова, В.В.Радлова, Ю.Клапрота и других востоковедов, но также необходимо отметить, что у него в отличие от религиозного деятеля, просматривается критический подход и попытка сопоставления полученной информации с собственными наблюдениями. К примеру, Ю.Шуйлер писал, что хотя большинство кыргызов темные и с черными волосами, однако не так часто, но среди них еще встречаются представители со светлой наружностью. То есть, наличествует попытка идентификации связи енисейских и тянь-шаньских кыргызов на основе не только этнотермина «кыргыз», но и физического облика, когда предки кыргызов были рыжими и со светлыми волосами[163]. Он писал, что «на Иссык-Куле и в долинах Тянь-Шаня, Памира и Алая к югу от Коканда проживают настоящие кыргызы, названные китайцами и калмыками бурут, и русскими кара-киргизами (черные киргизы), или дикокаменными киргизами, чтобы различать их от казахов, которые случайно и неправильно получили название киргиз среди русских». В примечании Ю.Шуйлер дает два объяснения о происхождении приставки

«кара» в слове «кара-кыргыз». Возможно, кара-кыргыз заимствовано от кыргыз-кайсак и выражает низкое происхождение кыргызов и их желание иметь благородный статус. Другое объяснение связано с точкой зрения В.Радлова о том, что слово «кара-кыргыз» возникло в связи с тем, что кыргызы долгое время отказывались принимать ислам, и за это были прозваны кара-Кафирами, то есть, черными неверующими. Однако, как заметил Ю.Шуйлер, сами кыргызы идентифицировали себя, как «кыргыз»[164]. В словаре К.К.Юдахина слово «кара» имеет множество значений, как прямого, так и переносного содержания. К примеру, «кара кесек» – мясо без жира, «кара суук» – сухой мороз, «кара журт» – простой народ[165]. Мы склоняемся к тому, что слово «кара», означавшее в период правления Караханидов (X в.) «сильный человек», «сильный народ», в XIX в. в устах колониальной российской власти приобрело имперский оттенок.

Известно, что в отличие от казахов, у кыргызов не всегда присутствовала наследственная передача власти и социально-статусная дифференциация общества на «ак-суйек» (белая кость) и «кара-суйек» (черная кость). В социальной организации у кыргызов чаще преобладал принцип меритократии, при котором важны были личные качества и достоинства человека, претендующего на власть и управление родом или племенем. Однако система социальных отношений и ее отличия в кочевом казахском и кыргызском обществе не всегда правильно интерпретировались иностранцами и они смотрели на кыргызов, как на племя с низким происхождением, или произошедших от казахов. Запись Ю.Шуйлера о том, что слово «дикокаменный кыргыз» был инвестирован русскими, чтобы их отличать от казахов, которых они случайно и неверно называли кыргызами, является одним из первых объяснений в западной ориенталистике XIX в.

Ю.Шуйлера также интересовали легенды о происхождении кыргызов и кыргызских племен. Вероятно, этот интерес был вызван и теми приоритетами, которые он обозначил для себя, будучи консулом США в России. В письме к своей сестре он писал: «История, литература, язык и

мифология – это мои четыре отрасли, которых вместе связывает единственная тема – Россия»[166]. Записав легенды о племени Бугу, происхождении кыргызского народа от красной собаки и девушек, он сделал вывод, что происхождение от животных не редкость среди племен Азии и Америки[167]. Наблюдательный дипломат заметил, что среди кыргызов существует традиция связывать свое происхождение с героями и известными личностями. Так, он справедливо записал, что родоначальник Тагай являлся предком ряда крупных племен: Солто, Сарыбагыш, Бугу и Саяк.

В работах других путешественников, к примеру, шведского исследователя Свена Гедина, француза Габриела Бонвало, американского географа Элсуорса Хантингтона отсутствуют или очень мало сведений о происхождении кыргызского народа. Они не пытались компилировать готовый российский материал, но и не расспрашивали самих кыргызов об их легендах и преданиях. К примеру, американский географ Элсуорс Хантингтон свое повествование о кыргызах начал с описания горного ландшафта и окружающей среды[168]. Но всех западных путешественников объединяет одна особенность: они чаще называли кыргызов не собственным именем «кыргыз» или по названию племени, а по названию местности их расселения и кочевания, к примеру: памирские кыргызы, сары-колские, тянь-шаньские, кашгарские, сон-колские, иссык-кульские или кыргызы с Вахана, Ранг-куля и т. д.

С одной стороны, эта форма этнической идентификации, названная нами как *«топоэтнонимическая или топоэтнонимы»* отражала границы и территорию кочевания и расселения тех или иных кыргызских племен, с другой стороны, через неё фиксировались те районы, в которых путешественник побывал и проявил свою способность адаптироваться в разных природно-климатических, социально-экономических и духовно-культурных условиях. В рамках колониальной и постколониальной теории «мы–они» (we and other) природа, ландшафт, люди в чужом пространстве составляли единый враждебный и опасный комплекс для путешественника,

который ему необходимо было преодолеть и утвердить свое физическое присутствие, свое европоцентристское сознание и свой голос. Идентифицируя кыргызов таким образом, путешественники отражали и приоритеты своего путешествия. Для них важнее были естественнонаучные и географические открытия, нежели исторические описания, или антропологические измерения.

В целом, резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. *Во-первых,* для западных путешественников происхождение кыргызов не было так актуально, как для российских исследователей. К примеру, Ч.Ч.Валиханов и Н.А.Аристов придавали этому аспекту особое значение, что было необходимо в интересах российской колонизации и российской науки. *Во-вторых*, в сведениях западных путешественников о кыргызском происхождении доминировали заимствованные у российских исследователей, так называемый диахронический и комплексный методы, когда в основном рассматривалась динамика и преемственность этнических процессов во времени и пространстве. Они не затронули важнейшие вопросы данной проблемы. А именно, в какой мере специфика среды обитания и хозяйства влияла на формирование этноса и развитие этнических процессов в кочевом обществе? Каким образом они отличались от подобных процессов, имевших место в оседло-земледельческих социумах и культурах? *В-третьих*, в западной ориенталистике о кыргызах мало что было известно, и, вероятно, путешественник, кратко фиксируя или полностью компилируя информацию о происхождении кыргызов из российских источников, стремился обозначить свой вклад в изучение этой проблемы. *В-четвертых*, адаптируя российские материалы о происхождении кыргызов, которые все же еще не были научно-выверенными построениями, некоторые путешественники транслировали западному читателю унизительные названия, такие как «дикокаменные» и «черные» кыргызы, и тем самым продолжали развивать концепцию об отсталости и дикости кочевника, известную еще со времен французских просветителей: Ш-Л.Монтескье, Ж.А.Кондорсе и др. И, наконец, *в-пятых,*

механически перечисляя вышеназванные этнотермины, они инвестировали собственные, «топоэтнонимы», через которые, прежде всего, отражали границы проникновения европоцентристского сознания в пространственно-временной контекст кочевой культуры.

2.2. Родоплеменная структура

Во второй половине XIX – начале XX вв. этнический состав кыргызского народа был тесно связан с устойчивой системой родоплеменного деления. Кыргыз соотносил себя с обществом через кровнородственную связь с родом и племенем. Знание своих предков до седьмого колена являлось обязательным, поскольку это знание не допускало эндогамных внутриродовых браков и подтверждало его племенную и этническую идентичность, историческое и юридическое право на основные средства производства – пастбище и скот.

Западные путешественники фиксировали свои наблюдения об этой стороне социальной организации кыргызского народа. И, хотя информация о кыргызских племенах и племенной идентичности не столь объемна, как у российских исследователей[169], все же эта информация может дополнить и обогатить наши знания по этому вопросу, проявив специфику ее коннотации и восприятия в европейской культуре, реконструируя родоплеменные особенности и нормы, отраженные в социальной и частно-семейной жизни кыргызов до и в период российской колонизации. Принимая во внимание возрождение трайбализма в современных условиях, изучение этого вида источника также прольет свет на истоки формирования и развития племенного тождества в прошлом, преемственность методологических подходов и традиций по этой проблематике в современном западном централоазиатоведении.

Известно, что происхождение политических форм, в том числе и племенных, объясняется в рамках теории сегментации[170]. В основе сегментации этнической общности на родственные и семейно-клановые

группы и подгруппы выступали определенные явления и причины, такие как кровное родство, условия климата, внешние угрозы [171]. Также добавим и межплеменные конфликты и риски. Совершенно справедлива мысль Л.С.Васильева, что «именно в недрах племени фиксируется солидарность, которая реализуется автоматически, но подчиняется законам энтропии: сила ее убывает с увеличением дистанции, как социально родственной, так и территориальной (феномен убывающей этнической солидарности). Консолидирующий импульс возникает лишь в экстраординарной ситуации, чего оказывается достаточно для сохранения общности, которая в ординарном, обычном состоянии вновь автоматически распадается на аморфную сумму общин – каждая во главе со своим лидером»[172]. Другим интегрирующим фактором племени выступал комплекс материальной и духовной практики, который формировал в сознании члена племени чувство тождества с территорией и необходимости ее защиты, тождества происхождения и сохранения истории, тождества культуры и языка.

В глазах западных путешественников родоплеменная организация кыргызов выступала как экзотика и примитивная форма социальной организации. Справедлива в этом отношении мысль американского исследователя Д.Эйкельмана: «"Племенные" идентичности на первый взгляд могут показаться более экзотичными для западных людей, чем идентичности, построенные на родстве, религии, или квартале города»[173]. Но столкнувшись с миром кочевников, где люди группировались не по классовому, профессиональному или гендерному признаку, а по племенному тождеству, западные путешественники не пытались объяснить его происхождение и сущность.

Из информации западных путешественников очевидно, что, несмотря на то, что российская колониальная власть использовала жесткие попытки устранить все действующие и потенциальные альтернативы государственной власти, родоплеменная система кыргызов в XIX в. имела сравнительно устойчивый характер в структурном и организационно-управленческом

отношении. К примеру, реформы царской России в Центральной Азии в 1867, 1876, 1881 гг. были направлены на дисперсное расселение кыргызских племен через их прикрепление к административно-территориальным единицам четырех областей Туркестанского генерал-губернаторства – Сырдарьинской, Семиреченской, Ферганской и Самаркандской.

Внутриплеменная иерархия также, как и в прежние века, организовывалась по мужской линии с закреплением мужских имен в качестве названий родов племени. Отметим, что в совокупности антропокомпонентные этнонимы составляют 65–70% кыргызских родоплеменных названий[174]. Племена правого и левого крыльев и племенная конфедерация Булгачи–Ичкилик имели определенный ареал кочевания, границы которого были обозначены с давних времен и их соблюдение легитимизировалось адатом – традиционным правом кочевников. Однако, как сообщают источники XIX в., факты нарушения границ кочевания и выпаса скота в пределах чужого пастбища были нередки[175]. В целом, немногие объединенные попытки таких видных исторических личностей среди кыргызской родоплеменной верхушки, как Ормон-хана, Боромбая или Алымбека-датки[176] подчинить себе путем барымта соседних биев и манапов, говорит о наличии центростремительных тенденций в раздробленном и разобщенном кыргызском социуме XIX в., но они встречали встречное сильнейшее сопротивление множества соплеменников – представителей центробежных сил в лице родоначальников «своего» племени, а не только других «чужих» родов и племен. Проявления родоплеменного сепаратизма в кыргызском обществе имели прямые аналогии с децентрализованной властью в обществах других народов Центральной Азии, к примеру, у казахов и узбеков [177].

Как было отмечено выше, информация западных путешественников о родоплеменной структуре кыргызов неоднозначна по объему и контексту. В работах западных путешественников термин «племя» («tribe») употребляется чаще, чем «клан» («clan»). Вероятно, это объясняется тем, что

первоисточниками в изучении и описании родоплеменной системы кыргызского народа, да и оседло-земледельческих культур Центральной Азии являлись российские сведения, где чаще использовалось слово «племя». Другим источником выступали публикации этнографических и антропологических научных обществ и путешествия европейцев в другие континенты земного шара[178]. К примеру, опубликованные в начале XIX в. во Франции и Англии путешествия европейцев в Западную Африку и Южную Америку включали сведения о местных племенах[179], а книги-инструкции содержали серьезные рекомендации по сбору информации и наблюдению за местными культурами в отдаленных странах и землях[180]. То есть, в контексте международных колониальных захватов слово «племя» подразумевало примитивный и дикий народ, который необходимо покорить и привнести цивилизацию. Факт, но даже в современное время в некоторых контекстах этот термин используется как синоним слову «примитивный», что не соответствует современным реалиям на Ближнем Востоке и в Центральной Азии[181]. Другая общность просматривается в том, что абсолютно все путешественники отмечали дуальный характер родоплеменной структуры кыргызов, который впервые был зафиксирован в XVI в. историком и автором «Маджму ат-Таварих» Сайф ад-Дином Ахсикенти.

Сравнительно полная информация о кыргызских племенах встречается у английского путешественника графа Чарльза Мюррея Данмора (1841–1907). Он был единственным сыном графа Александра Чарльза Мюррея и в 1845 г., будучи еще ребенком, наследовал титул графа. В 1866 г. Чарльз Данмор сочетался браком с Гертрудой Кок, имел одного сына и пятерых дочерей. Окончив престижный военный колледж Итон, в 1874–1885 гг. он стал пэр-лейтенантом графства Стирлингшир, а через некоторое время был назначен почетным полковником батальона Камерона Хайлэндс, одной из престижных королевских армий. Ч.Данмор принадлежал к консервативной партии Великобритании и, помимо высокой родословной и военной

www.bizdin.kg

деятельности, был известен своими путешествиями в Африку, Арктику и Центральную Азию.

Его центрально-азиатское путешествие началось в 1892 г. из Кашмира в Западный Тибет, Китайский Восточный Туркестан (ныне Синьцзян), Ферганскую долину и Русский Туркестанский край. Он прошел и проехал верхом 2500 миль (4000 км), пересек сорок один горный перевал и шестьдесят девять рек. По окончанию экспедиции в Лондоне им была опубликована двухтомная работа о центрально-азиатском путешествии под заголовком «Памир. Описание годичной экспедиции на коне и пешком через Кашмир, Западный Тибет, Китайскую Татарию и Русскую Центральную Азию» [182].

Сравнительно широкие и существенные сведения о кыргызских племенах также встречаются у американского дипломата Ю.Шуйлера, путешествовавшего по региону в 1873 г. (его биография рассматривалась выше). С целью выявления достоверности их наблюдений о родоплеменной структуре кыргызов, мы составили сравнительно-сопоставительную таблицу. В нее включили сведения Ч.Ч.Валиханова, Н.А.Аристова и разработки современного историка, профессора С.А.Аттокурова[183]. Глубокий анализ этой части сведений Ч.Ч.Валиханова в сравнении с исследованиями С.М.Абрамзона и С.А.Аттокурова был проделан нами несколько ранее [184], и потому в настоящем исследовании мы обратимся к его сведениям лишь как к первоисточнику. Ч.Ч.Валиханов и Н.А.Аристов записали более ста названий кыргызских племен и родов, привели информацию об их территориальной локализации и оставили письменную и визуальную характеристику о некоторых кыргызских родоправителях. И, безусловно, такая детализация была необходима для военно-дипломатических кругов Российской империи и осуществления колониального проекта в регионе, в частности на территории современного Кыргызстана. Название родов и племен Ю.Шуйлера и И.Данмора мы приводим в латинской транскрипции, чтобы сохранить орфографические

особенности их записей (см.: табл.1 в приложении). Черным шрифтом выделены племена и роды, совпадающие с родами и племенами в исследовании С.А.Аттокурова.

При сравнении между собой сведений Ч.Ч.Валиханова, Н.А.Аристова, Ю.Шуйлера и И.Данмора обнаруживаем, что они записали названия крупных племен двух крыльев: племена правого (Ол), левого (Сол) и группы Ичкилик. Так, И.Данмор зафиксировал 11 племен, расселявшихся в окрестностях Кашгара, Ферганской, Алайской долин и на севере Кыргызстана. Сравнительно подробно даны племена и их роды, расселявшиеся на юге, то есть, говоря словами современного исследователя Э.Шаца, «английский лорд описал «зонтичные кланы», когда несколько родственных или неродственных родовых групп составляют одно племя»[185]. Для племен Найман, Кыпчак, Кесек и Теит даны не все роды, и в сравнении со сведениями С.А.Аттокурова, они не полны, что вероятно, свидетельствует о том, что информаторы И.Данмора, русские офицеры на Памиро-Алае хорошо не знали состав и численность населения в племенах. Зато они хорошо были осведомлены о политической диспозиции племен по отношению к России и Китаю. Так, роды Мирза (Мырза) и Киак, кочевавшие в восточном районе Ташкургана, Манжу, Дитак, Булун-кол (районы совр. восточного Памира), являлись данниками китайцев. Кипчаки (кыпчаки), разделенные на роды Сарт, Киргиз-кыпчак, Калта-байтал, кочевали на территории Российского и Китайского Туркестана. В таблице С.А.Атокурова обнаруживаем, что в составе племени Теит было в 2 раза больше родов, чем привел И.Данмор. В его записях племя Теит делилось на два рода Кара-теит и Сарт-теит, которые расселялись в районе оз. Кара-Кол и Караташ (на севере-восточном Памире), а некоторая часть – в окрестностях Андижана. Большинство родов племени Теит являлись подданными России. Население рода Сарт-теит расселялось в Мургабе, в районе оз. Ранг-кул (совр. юго-восточная часть Таджикистана) и на Алае. По мнению И.Данмора, очень трудно идентифицировать, чьими подданными были эти кыргызы, так как и

русские, и китайцы претендовали на эти территории. Очевидно, что лорд Данмор не владел информацией о разграничении этой части Памира в 1884 г.

В 1880-х гг. возник так называемый «Памирский вопрос», связанный с обострением взаимоотношений между Россией и Китаем, а также с Афганистаном по поводу разграничения сфер влияния и интересов на северо-восточном и центральном Памире. До возникновения этой пограничной проблемы в 1881 г. между Россией и Китаем состоялись переговоры об установлении границ между западным Кашгаром, который принадлежал Китаю и Ферганской областью, входившей в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Однако, несмотря на эти попытки, у сторон не было четкого плана разграничения и карты разграничительной полосы местности. Летом 1883 г. маньчжурско-китайские отряды активно начинают инспектировать районы Восточного и Центрального Памира. Российские военно-дипломатические круги, понимая серьезность ситуации, посылают в этот район генерал-майора Мединского с целью достижения официального разграничения территории между Россией и Китаем. Итогом многократных измерений, расчетов и двухсторонних требований стал Новомаргеланский договор от 22 мая 1884 г., согласно которому разграничение было проведено следующим образом: «На юг от урочища Иркештама установить границу по реке Мальтабар, левый берег которой принадлежит России, а правый – Китаю; далее от верховьев этой реки граничная черта идет по горному хребту до горы Мальтабар, от которой тянется в том же направлении по отрогу этого хребта на перевал Уч-бель через реку Маркансу, по главному хребту, лежащему к востоку от озера Каракуля, через находящийся в этом хребте перевал Кальта-Даван или Кара-Арт (большую часть года покрытый снегом), далее по тому же хребту через недоступный перевал Каразак до перевала Уз-бель, называемого также Кызыл-Джиек (большую часть года в снегу), на котором оканчиваются границы обоих государств, так как граница России поворачивает на юго-запад, а Китая идет на юг. Все земли с протекающими на них реками, лежащие к западу от проведенной таким образом граничной

черты, составляют владения Российского государства, а земли со всеми реками, лежащие к востоку от этой черты – владения Дайцинского государства»[186]. В 1885 г. в этом районе побывала миссия английского агента Ний Илияса. Он также не был осведомлен о Новомаргеланском договоре. Его официальный отчет отражает полное неведение кыргызов о разграничении северной части Памира между Россией и Китаем [187].

Помимо расселения и политического положения племен И.Данмор зафиксировал предание, связанное с происхождением племени Калта-байтал. «Калта-байталцы (The Kalta-baitals), которые имеют большое уважение среди остальных кыргызов, отличаются своей историей и происхождением и почти полностью являются подданными России, хотя несколько семей могут быть обнаружены и на китайской территории, на реке Чарлунг. Название племени переводится как «Кобыла с отрезанным хвостом». История этого названия ведет к предку этого племени, который сопровождал Хусейна, сына Али в 680 г. в Куфу. Хвост кобылы, на которой ездил предок племени, был отрезан мечом. Следовательно, это название племени существует около 1200 лет»[188]. Вероятно, интерес И.Данмора к племени «Калта-байтал» был вызван следующими причинами. Во-первых, необычайной историей происхождения этого этнотермина. Во-вторых, легенда отражала связь кыргызов с мусульманским миром и их приверженность исламу в прошлом, что подтверждало мнение И.Данмора о том, что все кыргызы – не язычники, а мусульмане суннитского толка. С мнением графа Данмора можно согласиться лишь отчасти, так как в изучаемый нами период в территориально-региональном и духовно-практическом отношении мусульманизация кыргызских племен имела неравномерный характер. В связи с близостью к мусульманским центрам – Коканду, Ташкенту и Бухаре среди кыргызских племен, кочевавших в Ферганской долине и отчасти на Памиро-Алае, позиция мусульманской религии была прочнее, нежели чем среди племен правого крыла на Тянь-Шане, Иссык-Куле и в Таласе.

Отметим, что р. Ак-Байтал являлась притоком р. Чон-Су и название племени также могло произойти от орографического объекта.

Записи И.Данмора не были лишь простым механическим сбором информации. Некоторые услышанные сведения вызывали у него недоумение и вопросы. К примеру, у него вызвала интерес такая ситуация, когда роды и племена, расселявшиеся друг от друга на довольно-таки значительном расстоянии, имели одинаковые названия. Так, он упомянул род Кызыл-Баш из племени Теит, который встречался на Памиро-Алае, а также с таким же названием племя кочевало в окрестностях Бухары[189]. В 1873 г. первый мэр г. Токмака и уездный начальник майор Г.С.Загряжский писал, что «принадлежность киргиза к тому или другому роду не есть постоянная, неизменная. Стоит кому-нибудь из них перекочевать, например, из земель сарыбагышей к султам (солто – Ч.Т.), он уже не называется сарыбагышем, а становится султом, перейдет к саякам – становится саяк»[190]. Отметим, что миграция и динамика племен вызывалась различными причинами: межплеменные раздоры, браки, климатические перемены, смена кочевых стоянок и т. д.

Значительное внимание родоплеменной структуре кыргызов придавал и американский дипломат Юджин Шуйлер. Из одиннадцати записанных им названий кыргызов десять соответствуют записям Ч.Ч.Валиханова. Племена Бугу, Сарыбагыш, Солто, Саяк, Чон-багыш, Черик и Бассыз, составляющие племена правого крыла, расселялись по всему Тянь-Шаню, в районах рек Текес, Нарын, Чу и оз. Иссык-Куль. Также как и Ч.Ч.Валиханов, он отнес племена Бассыз и Чон-багыш к племенам правого крыла, тогда как эти племена принадлежали к левой конфедерации племен. Левое крыло составляли Мундуз, Сару, Кушчу и Ктай, расселявшиеся на Памиро-Алае. Согласно санжыре – кыргызской генеалогии, племя Кушчу относилось к правому крылу племен и расселялось в пределах современной Таласской области. Ю.Шуйлер записал, что численность кара-кыргызов внутри пределов российского владычества, то есть в Русском Западном Туркестане

составляет около 200 тыс., а в Китайском Восточном Туркестане и Коканде их численность равняется около 150 тыс. человек [191]. Отметим, что согласно первой Всероссийской переписи населения в 1897 г., кыргызов насчитывалось 663 тыс.[192], то есть, с момента путешествия Ю.Шуйлера в 1873 г. за 24 года прирост населения составил 313 тыс. человек, или выросло на 89%. Прирост населения был заметен и по отдельным городам и поселениям. Так, в 1897 г. город Ош насчитывал 34157 чел., опережая Верный, в котором проживало всего 22744 тыс. жителей [193].

В целом, основываясь на математических методах исчисления численности населения, современные демографы пришли к выводу о том, что, если бы не восстание 1916 г., численность кыргызов в самых густонаселенных и полиэтнических Пржевальском и Пишпекском уездах Семиреченской области в 1917 г. составила бы в среднем 357,6 тыс. человек вместо 324 тыс. В результате этого восстания лишь только по двум уездам общие демографические потери составили 33,6 тыс. человек [194].

У других путешественников информация о родоплеменном составе кыргызов встречается реже. Французский путешественник Габриэл Бонвало упоминал племя Ичк (вероятно, ички – Ч.Т.), приближаясь к долине Ички в районе оз. Ранг-кул. К этому племени принадлежал Саттикул, один из проводников французской экспедиции [195].

Будучи в Алае, шведский географ Свен Гедин записал названия и численность нескольких кыргызских племен. «В Дараут-кургане – 20 кибиток, Алтын-Дере и Тус-дере живут теит-киргизы – 45; в Кашка Суу теит и чала-теит киргизы – 20; в Джиптыке жоош-киргизы – 10 и в Кок-су – найман киргизы – 20. В Кызыл-Ункур – найман-киргизы – 50; в Каратегине кипчак, найман и кара-теит киргизы. Всего здесь насчитывалось 270 кибиток»[196]. Опять же, Свен Гедин фиксировал эти племенные названия не с целью их изучения, а с целью фиксации собственного пребывания в различных труднодоступных местах Памира.

www.bizdin.kg

Сравнивая с информацией русского путешественника Л.Ф.Костенко [197], обнаруживаем, что в 1876 г., памиро-алайские кыргызские племена продолжали кочевать в прежних кочевьях, не взирая на территориально-административную политику Российской империи, согласно которой, население прикреплялось к двум волостям и семи эминствам. Как писал С.Гедин, информация об алайских кыргызах была составлена в 1893 г. русским капитаном Зайцевым. У современного историка Б.М.Жумабаева приводится таблица памирских кыргызов, составленных тем же капитаном В.Н.Зайцевым, но уже в 1902 г.

Памирская волость	**Численность населения в 1893 г.**	**Численность в 1902 г.**
Мургабское (а) еминство	253 жит.	97 киб.: муж.–129, жен.–330
Ак-ташское	239 жит.	120 киб.: муж.–65, жен.–373
Рангульское	103 жит.	80 киб.: муж.–205, жен.–206
Аличурское	256 жит.	121 киб.: муж.–339, жен.–315
Кара-кульское	131 жит.	
Итого	1232 чел. (вкл.таджиков Кударинской волости) муж.–320, жен.–369, мальч.–342, дев.–201	418 киб.: муж.–1138, жен.–1143

При среднем расчете семьи в пять человек и при сравнительном сопоставлении двух данных, собранных одним и тем же информатором, обнаруживаем, что население Алайской долины и Ранг-куля за 9 лет увеличилось почти вдвое[198]. Вполне вероятно, что прирост алайского населения стал возможным не только за счет естественного

www.bizdin.kg

демографического изменения, но и из-за переселения некоторых семей из Кашгара. Более того, согласно архивным документам, российские власти еще в 70-х годах XIX в. поощряли эмиграцию кашгарских кыргызов в Туркестанский край [199].

По сведениям путешественников очевидно, что одним из мощных факторов воспроизводства племенного тожества из поколения в поколение являлась кочевая экономика. Необходимость совместного выпаса скота, уход за ним, обеспечение безопасности стада и соплеменников требовало племенного коллективизма и интеграции. Племенная идентичность поддерживалась и воспроизводилась и механизмами так называемого «института престижной экономики», суть которого сводилась к дележу трофеев между сородичами внутри племени. По мнению ряда специалистов-кочевниковедов, этот механизм устойчивости племени относится ко времени возникновения и развития средневековых кочевых империй – тюркской или монгольской [200]. Но с нашей точки зрения, эта концепция была продуктивна и в XIX в., так как вождь племени, также как и лидер кочевой империи, усиливал свое политическое и военно-экономическое влияние через дистрибуцию своей собственности и оказание помощи сородичам.

Существовали различные виды «всепомоществования» богатых и знатных родственников – манапов и биев своим обедневшим сородичам: «кошумча», «журтчулук», «саан». К примеру, «саан» означал предоставление манапом или бием во временное пользование части молочного скота или овец аильчанам, за что последние должны были выполнять домашнюю работу в его хозяйстве. Эта форма взаимоотношений являлась как завуалированной внеэкономической зависимостью простых кочевников от родовой элиты, так и практическим средством усиления племенной идентичности. Другим цементирующим фактором племени являлось знание об общем предке – «бир атанын балдары»; третьим звеном усиления племенной солидарности и демонстрации родоплеменных связей выступали совместные мероприятия: празднование свадьбы, рождение ребенка, поминок, а вместе с ними

организация игр и спортивных состязаний. С.Гедин отмечал: «В конце мая или в начале июня, когда снега сменяются густой сочной травой, в долину Алая являются богатые и просто зажиточные киргизы, чтобы разбить свои летние кибитки на берегах Кызыл-су. Здесь они устраивают свои «байги» или игрища, приглашают друг друга в гости, празднуют свадьбы, словом проводят лето в свое удовольствие»[201]. То есть, в значительной степени этническая и родоплеменная идентичность практически и духовно поддерживалась и усиливалась кыргызской элитой, что в определенной степени имеет аналогии с положением и состоянием трайбализма в сегодняшнем Кыргызстане.

Таким образом, рассмотрение родоплеменной структуры кыргызов в контексте трудов западных путешественников во второй половине XIX – начале XX вв. приводит к следующим выводам. *Во-первых*, сведения о кыргызском родоподразделении кратки и неравномерны, что является следствием разности целей и задач западных путешествий, а также и тем, что оценка численности племен и их внутреннего устройства могла вызвать беспокойство и подозрительность царских властей по отношению к ним. *Во-вторых,* их информация отражает то, что родоплеменная система кыргызов являлась устойчивой формой общественной организации, а племенная идентичность отражалась во многих аспектах жизнедеятельности кыргызов. Более того, для кыргызских племен родоплеменная идентичность была доминантной и ведущей по сравнению с этнической и религиозной. *В-третьих*, экономические, социально-политические трансформации, привнесенные российской колонизацией в кыргызское общество, отчасти повлияли на структуру и механизм кыргызского родоподразделения. С одной стороны, создавая низовые административно-территориальные органы власти и управления – волости, российский колониальный аппарат преследовал идею достижения дезинтеграции кыргызских племен. С другой стороны, наделяя этой властью кыргызскую патриархально-феодальную верхушку, колониальная администрация способствовала консервации и устойчивости

родоплеменных политий, так как именно родоплеменная элита более всех была заинтересована в укреплении родоплеменных уз и связей.

2.3. Социальная стратификация

Западные путешественники в своих трудах отразили социальную стратификацию кыргызского общества в XIX – начале XX вв., которая во всех крупных кыргызских родоплеменных подразделениях была представлена двумя основными сословиями представителей малочисленных господствующих феодальных верхов – манапов, биев и беков и преобладающей по численности, но экономически зависимой от них массы рядовых общинников – букара. При этом социально-сословная структура кыргызских племен не зависела от того, были ли кыргызы самостоятельными, или временно подпадали в зависимость, или даже были подвластны владетелям соседних стран и народов, как и от того, какой тип хозяйства преобладал в отдельных местах Кыргызстана и их поселениях – кочевое экстенсивное скотоводство, оседлое земледелие, либо смешанный, переходный от первого ко второму. Так, например, господствующим сословием у северных кыргызов были манапы, появившиеся у них уже в 40-х годах XIX в., а у южан были датхи и беки, как у оседлых узбеков и таджиков.

Западные путешественники зафиксировали социальные термины и сословия, распространенные среди северных и южных племен, и их информация отражает симбиоз старых и новых названий, возникших с приходом русской колонизации и обретением кыргызами статуса подданных Российской империи. Поскольку наше исследование распространяется и на кыргызов Восточного Туркестана, то будем рассматривать и ее социально-сословную систему.

Социальная структура кыргызских племен северного Кыргызстана преимущественно отражается в информации Г.Лансдела и Ю.Шуйлера, а структуру южнокыргызских племен возможно рассмотреть по сведениям

лорда Данмора, шведского исследователя С.Гедина и французского путешественника Г.Бонвало. Ю.Шуйлер также посетил юг Кыргызстана, но однако не оставил каких-нибудь сведений о социальной структуре южнокыргызского населения. Так, Г.Лансдел писал, что «поселения киргизов расположены неравномерно через всю Центральную Азию. Таким образом, в области Семиречья они составляют около 78% населения; в области Сырдарьи – около 62%; в области Амударьи только около 29%; в Фергане их не более 17% и в районе Заравшана их едва 2%. «Кара киргизы», или «черные киргизы» проживают в горах. Их можно назвать «демократами». Происхождение вождей (хозяев), манапов неопределенно. Согласно киргизской фразеологии, они не происходят из «белой кости» султанов. Однако манап обладает большой властью, особенно когда он аналогичен батыру, то есть храброму и мчащемуся лидеру мародерствующих экспедиций. Ниже манапов – простые люди, бухара (букара – Ч.Т.). Бии признаются российской администрацией как судьи и избираются народом, но из них выходят плохие судьи, которые открыты для коррупции. Им не доверяют как русские, так и сам народ»[202]. Очевидно, что записи Ч.Ч.Валиханова явились для английского миссионера первоисточником в ознакомлении с институтом манапства среди кыргызов.

Согласно Ю.Шуйлеру, «манапы», семейные или племенные вожди, своего рода аристократия происходили от Тогая. Простой народ, «букара» и «кул», то есть рабы, стоят ниже них. Хотя в тех племенах, которые приняли Российское подданство, рабство было отменено. Несмотря на российские законы и регулирование, манапы до сих пор обладают огромным влиянием среди племен и, в свою очередь, им тоже уделяется большое внимание»[203]. С тезисом Ю.Шуйлера трудно согласиться полностью, так как еще с 1865 г. модель народно-кочевого и военно-казачьего уездного управления распространилась на казахские и те кыргызские племена, которые уже приняли российское подданство, и кыргызские манапы использовались в

волостной управленческой структуре, а их деятельность была подконтрольна российским властям [204].

Другой ошибочный аспект связан с происхождением аристократии. Известно, что институт манапства не происходил от Тагая, как считал Ю.Шуйлер, а возник в силу объективных и субъективных причин. Русские исследователи объясняли его возникновение деятельностью кыргызского родоначальника Манапа, жившего в XVII в.[205]. Такая личность действительно существовала, однако широкое распространение термина «манап» объяснялось не его возникновением от личного имени, а в связи с тем господствующим положением, которое заняло в племени Сарыбагыш родовое подразделение «Манап». Впоследствии термин «манап» стал употребляться на севере Кыргызстана в отношении к кыргызским биям, то есть судьям [206].

Описывая историю происхождения манапов, западные авторы ошибались и в том, что институт манапства не испытывал изменений и трансформаций. Фактически в XIX в. принципы и механизмы формирования института манапства были не совсем теми, каковыми они были в момент становления и распространения их в XVII столетии. Если ранее манапом мог быть избран сородич, заслуживший этот статус своей храбростью и достоинством, то в XIX в. эта власть чаще стала носить наследственный характер, и потомственные манапы, сосредоточив в своих руках всю полноту военной, социально-политической, экономической власти среди кыргызов имели особое название «чынжырлуу манап» [207].

Помимо манапов западные путешественники выделяли биев, или судей в кыргызском обществе, которым российская колониальная власть сохранила судебные полномочия в восстановлении справедливости в случаях и делах, касающихся повседневной жизни кочевников, к примеру, барымта – угон скота. Согласно «Положению об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях» от 1867 г., все дела, связанные с взаимоотношением кыргызов с местной колониальной властью, а именно – угон скота у русского

переселенческого населения, их нападения на казаков и русских солдат, выступления против местной колониальной власти – решались в уездных судах и военно-судебных комиссиях, которые вершили дела в соответствии с судебными законами Российской империи. Должность бия была выборной, его избирали от каждого административного аила сроком на три года. Будучи у кыргызов в районе Токмака, Ю.Шуйлер мог наблюдать сцену съезда уездных биев Токмака и Иссык-Куля. Каждый бий имел юрисдикцию над теми делами, иск которых не превышал 100 руб., 5 лошадей или 50 овец. Но если дела включали иск в 10 раз больше, чем 100 руб., то он решался съездом биев. Съезд биев в Токмаке проходил в большой юрте и в центре сидел перфект, или уездный начальник, которому помогал переводчик. Наблюдая за системой бийского правосудия, Ю.Шуйлер сделал вывод о том, что суд биев неэффективен для местной российской администрации. По его мнению, один честный мировой судья, сможет больше сделать для справедливости и порядка среди кыргызов, как степных, так и горных, чем вся эта псевдо-автономная и фиктивная выборная система, имевшая место среди кыргызов и казахов[208]. Система выборов биев в казахском и кыргызском обществе вызывала негативное отношение не только у Ю.Шуйлера, но и у части офицеров, служивших в местном административно-колониальном аппарате царской России. Они считали, что выборы бия – это фарс, находящийся в руках племенных вождей и аристократических семей, которые влияют на исход выборной компании и ставят тех сородичей, которые выгодны той или иной группе родовой аристократии. Тем самым, российские власти не прямо, а косвенно усиливали влияние родоплеменной верхушки среди народа. Другая часть российских офицеров и администраторов, считавшая, что выборная система сама по себе есть позитивная форма демократического управления, предлагала нейтрализовать влияние кочевой элиты соответствующим давлением со стороны уездных начальников [209].

Как верно заметил Ю.Шуйлер, в азиатских владениях России проблема в правосудии вызывалась и языковой некомпетентностью переводчиков. В силу этого складывалась плохая коммуникация между местным населением и российской администрацией. Неправильно переводившие с местного языка на русский, татары и русские казаки вводили колониальную администрацию и местное население в серьезное заблуждение. Последние от этого страдали больше всех.

«Приказы российской администрации ложно переводятся местными переводчиками и деньги вымогаются с них для улаживания дел. Курьезы перевода могут увеличиться, так как переводчики получают выгоду оттого, что обманывают и русских, и местных. Выходом из этой ситуации явилось бы изучение русскими офицерами восточных языков»[210]. Российский путешественник Н.А.Северцов также подмечал нечестную службу русских казаков и офицеров. «Они с чистой совестью обирают, например, киргизов при всяком удобном случае и не скрывают этого, потому что не считают это грехом» [211]. Описывая данную ситуацию, Ю.Шуйлер в какой-то степени беспокоился за имперский российский проект, в части его судебной системы. Он давал рекомендации и предложения по ее совершенствованию и скорейшей адаптации России в ее азиатских владениях. Ю.Шуйлер также как и другие западные путешественники (к примеру, британский офицер Ф.Янгхазбэнд, американский географ Э.Хантингтон) рассматривал Россию как светоч цивилизации и порядка в Азии, достижения мира и прогресса среди местных племен и народов. Но фактически бий, также как и волостной, или как его называла английская путешественница Л.Макартни «русский аксакал»[212], должен был стать карательным и исполнительным инструментом колониального аппарата среди кыргызского населения. И личные наблюдения Ю.Шуйлера и Г.Лансдела о биях и его статусе отражают низовую политику царизма среди кочевого населения.

В отношении кыргызских племен Ю.Шуйлер и Г.Лансдел также упоминали такие социальные страты, как *букара,* простой народ *и кул*, рабы.

По мнению Ю.Шуйлера, кул, то есть рабы, в условиях российской колонизации уже не существовали[213]. История кочевых племен и империй Центральной Азии отражает то, что рабы существовали всегда, но рабство у кочевников не получило такого распространения, которое имело место в оседло-земледельческих обществах. Потребность в рабской силе у них покрывалась за счет эксплуатации малоимущих скотоводов, которая была завуалирована реципрокной или обменной формой взаимоотношений и услуг. Более того, содержание и концентрация рабов в одном месте, по типу латифундий, могло угрожать безопасности аильно-родовой организации кочевников. И потому в кочевых обществах рабы, преимущественно женщины, использовались только в домашнем хозяйстве и являлись средством торговли[214]. Также известны случаи, когда в результате барымта, угона скота и людей враждебным племенем, чужаки становились одним из родов племени.

Таким образом, рассматриваемые западные авторы, компилируя материал Ч.Ч.Валиханова, и вероятно информацию представителей местной колониальной власти о происхождении и роли манапов, отмечали его почти безграничную власть в кыргызском обществе. Богатство и состояние манапов пополнялось за счет якобы добровольных пожертвований от простого народа, называемые «журтчулук», «ынтымак», «жардам», «кошумча», которые существовали и в период российской колонизации. В исследованиях современного историка К.У.Усенбаева подробно описывается деспотический и жестокий характер управления манапов[215], хотя автор также не отрицал фактов проявления охранительных и защитных функций манапов в отношении подвластных ему аильчан (например, сарыбагышского манапа Шабдана Джантаева)[216]. Несмотря на то, что по Положению 1867 г. самовольный сбор различных налогов в пользу кыргызской феодальной верхушки карался российским правосудием, однако кыргызская элита практически продолжала обирать простой народ путем использования

реципрокно-обменных «добровольных», но фактически обязательных форм социальной взаимопомощи и поддержки.

Существовали и другие виды и формы поборов, собираемые в пользу манапов. Еще Г.С.Загряжский отмечал: «В Кетмень-Тобе всем заправлял Рыскулбек Нарбутин, ныне умерший. С киргизов он брал за свадьбу, за похороны, за обрезание. Такое положение скопило у него огромное состояние и дало ему почти ханскую власть над народом. Жаловаться на него нечего было и думать, потому что просителя поймают джигиты Рыскулбека и сделают то, что было приказано» [217].

Записи И.Данмора, С.Гедина и Г.Бонвало отражают социально-сословную структуру среди южнокыргызских племен. Если политическое положение кыргызов и после размежевания границ на Памире между двумя игроками «большой игры» Россией и Китаем было неопределенным, то в социально-сословной структуре у южнокыргызских племен существовала ясная и четкая иерархия. Так как сам лорд Данмор был из аристократической среды, где множество социальных титулов и званий было не редкостью и сословные границы обозначались прозрачно и четко, он дал сравнительно подробный расклад сословно-социальной структуры племен левого крыла: «beg» – бек, «bai» – бай, «aksakal» – аксакал, «chief» – глава, родоначальник племени. Согласно его записи, все сословия отличались друг от друга материальным положением, социальными обязанностями и правами. Критикуя неточные сведения информатора из экспедиции Форсайта в Кашгар в 1873 г., лорд Данмор писал: «Их лагерями управляют беки, которым помогают аксакалы. Эти беки избираются непосредственно народом, но назначения, в случае китайского подчинения, должны быть подтверждены китайским правительством. Эти беки решают все ссоры или споры с помощью аксакалов. Те, кто имеет большие табуны и стада, называются баями. Автор (информатор из экспедиции Форсайта – Ч.Т.) также делает другую ошибку, когда говорит, что «руководителя целого племени называют «султаном», и он является рефери в случаях протеста

против решения бая, который улаживает споры, советуясь с аксакалами, или «белобородыми старшинами». Во-первых, бек является управляющей властью в лагере, а не баи, кто, как только что я упоминал, являются просто большими владельцами табунов и стад, и нет такого названия как «султан» среди киргизов (то есть, казахов – прим. Ч.Т.). Автор перепутал с конкретным киргизом по имени Алымкул, который 100 лет назад, перед завоеванием Ферганы Россией, завоевал Андижан, и сделал себя владельцем Коканда и назвал себя «Султаном». Титул «султан» среди них не известен»[218].

В сведениях вышеуказанного информатора лорд Данмор обнаружил неточности, связанные с сословным управлением кыргызов Восточного Туркестана, Памира и Ферганы. Граф Данмор верно указал на эти искажения и правильно отразил социально-сословную иерархию, которая существовала в то время среди племен современного южного Кыргызстана и Восточного Туркестана. Однако, внося правильные коррективы в социальную структуру южнокыргызских племен, И.Данмор сам допустил ошибки в отношении Алымкула, который жил в том же веке, что и сам английский путешественник, и играл ключевую роль в Кокандском ханстве. В 60-х годах XIX столетия Алымкул, выходец из кыпчакской феодальной элиты являлся важной фигурой в дворцовых переворотах Кокандского ханства и лидером кыпчакско-кыргызской борьбы за ханский трон. До падения Кокандского ханства в 1863–1864 г. он являлся аталыком, то есть регентом у 12-летнего кокандского правителя, и фактически какое-то время бразды правления Кокандом находились у него в руках[219]. Информация И.Данмора отражает тот факт, что среди южных племен, бии и беки играли ту же самую управленческую роль, что и манапы и бии в северокыргызском обществе. Для нас важна его запись о баях, источником формирования которых явилась концентрация большого количества скота в руках отдельной семьи [220]. И хотя они не всегда обладали социальными привилегиями, но большое количество

живности служило основным инструментом в эксплуатации простого народа, букары.

У английской путешественницы Эллы Констансе Сайкс (1891–1939) также встречается короткая, но весьма важная информация о социальной иерархии кыргызов, кочевавших в пределах Восточного Туркестана. Ее информация о социальной структуре кыргызов ограничивается заметкой о том, что глава кырызского племени в районе р. Гез (в южной части Кашгара) назывался «Beg», то есть, беком [221].

Это наблюдение так же отражает тот факт, что, во-первых, как и в Русском (западном) Туркестане, так и восточной ее части, являвшейся подвластной территорией Китая, произошла определенная трансформация в социальной структуре племен, при которой функция правящего бийского сословия политически усилилась и разнообразилась в связи с исполнением политики завоевателей, а у манапов, напротив, в определенной степени, власть стала подконтрольной и ограниченной. Во-вторых, в описании данного вопроса обнаруживаются разные подходы, связанные с гендерной особенностью. В глазах европейской путешественницы бек выступал не как представитель определенного класса в определенном обществе, а как должностное лицо, обладающее властью, необходимой для оказания помощи и поддержки иностранной экспедиции.

В 1886 г. французский путешественник Габриел Бонвало (1853–1933) совершил свое второе центрально-азиатское путешествие, материалы которого опубликовал на английском языке в 1889 г. под заголовком «Через сердце Азии». Г.Капю, сопровождавший Г.Бонвало, в 1890 г. издал свою книгу с не менее интригующим названием «Крыша мира». Вместе с коллегами Г.Капю и А.Пепен Г.Бонвало начал свой путь из России в сердце Азии на Памир[222]. В Оше экспедиторы встретились с четырьмя сыновьями Курманджан-датхи, которую российские генералы называли «царицей Алая», а кокандцы дали чин датхи, то есть, генерала. В записях Г.Бонвало встречаются имена сыновей Курманджан-датхи: Махмуд (вероятно, Мамыта

– прим. Ч.Т.), Батырбек, Молла-Байас (вероятно, Мирза-Паяс – прим. Ч.Т.), а также дана зарисовка Мамыта с двумя джигитами. «Кара-киргизы Алая управляются избранными четырьмя главами, которые являются братьями, и они высоко ценят свою мать. Избрание этих четырех вождей получило санкцию российских властей, которые доверили им сбор налогов. Они имеют большое влияние в племени, и поэтому русские вызвали их в Ош и приказали им обеспечить нам сопровождение на Памир. Они были весьма полезны нам. Нам представили четырех ханов со своей свитой, и мы отметили, что они высокие, с широкими плечами, имеют узкие глаза и пуле-образные головы на коротких шеях. Они были одеты в длинную мантию (вероятно, чапан – прим. Ч.Т.), желтовато-коричневую обувь, и держали кнут в руках. Легкий снег лежал на их бородах. На них были меховые шапки, только один из них, самый старший Батырбек был одет в тюрбан. Он мог очень быстро читать, писать и жил в Оше»[223]. Лестную характеристику Батырбеку дал и Г.Капю[224]. Компетентное знание сыновьями Курманджан-датхи ландшафта и климата высокогорных перевалов помогло Г.Бонвало и его экспедиции пройти на Памир через перевал Талдык, так как он был более надежным, чем перевал Терек-Даван [225].

Г.Бонвало называл их ханами, хотя они являлись волостными. Вероятно, называя их таким образом, он хотел подчеркнуть свое уважение местных традиций и добиться всесторонней поддержки от кыргызской элиты. Хотя, как отражают его записи и сведения других путешественников, это было излишним. После Алайской экспедиции в 1876 г. и завоевания кыргызских племен, в том числе и племени «Алайской царицы» Адигине, ее сыновья получили важные назначения в Ошском уезде Ферганской области, и в силу этого были обязаны служить верой и правдой российским властям. Военный историк конца XIX в. Б.Л.Тагеев подтверждает преданность сыновей Курманджан-датхи новому имперскому порядку. «Они сделались помощниками и верными слугами русскому правительству. Много лет правил Махмут-бек (точнее, Мамытбек – Ч.Т.) Гульчинской волостью, а

Мирза-Паяс, его племянник – Алаем. Много медалей и почетных халатов было у обоих управителей, и радовалась престарелая датха на своих сыновей»[226]. Остальные ее сыновья и внуки также были задействованы в административном аппарате царской России: Батырбек стал волостным Булак Баши, Асанбек – Науката, Мамытбек – Чуя, а внук Карабек стал волостным Ак-Буры[227]. Более того, у французского путешественника Г.Бонвало обнаруживаем информацию, что кыргызский родоначальник местности Кара-кул просил у него «kaghaz», то есть, письмо российским властям, которое подтвердило бы его помощь экспедитору [228].

В целом, эта просьба отражает факт осознания представителями правящей элиты южнокыргызских племен необходимости инкорпорации в структуру колониальной власти и кооперации с российскими военными чиновниками с целью получения от них устойчивого покровительства и крепких связей.

В 1894–1897 гг. С.Гедину, следовавшему на Памир, также как и Г.Бонвало, большую помощь оказали кыргызские волостные, которых он называл главами национальных районов. В районе Уч-Кургана (западная часть Памиро-Алая) он был встречен двумя волостными – «сартом» и «кыргызом», которые приехали из российского форта Мургаб специально для встречи С.Гедина[229]. «На обоих были синие парадные халаты, белые тюрбаны, пояса из кованого серебра и кривыя (кривые – Ч.Т.) сабли в окованных серебром ножнах. Им сопутствовала большая конная свита. Они проводили меня в селение, где собралась в ожидании моего приезда большая толпа народа, чтобы полюбоваться настоящим «тамаша» (зрелище, увеселение)»[230]. Как писал Свен Гедин, русская часть Памира была поделена на две волости и семь эминств. Западная часть Алайской долины входила в Маргеланский, восточная же – в Ошский уезд. Вероятно, что еминства или аминства, как названия местных административно-территориальных единиц управления в Кокандском ханстве окончательно еще не вышли из употребления, несмотря на то, что по «Положению об управлении

Туркестанским краем» Российского государства, Ферганская область, куда входила южная часть Кыргызстана, уже состояла из семи уездов: Андижанского, Ошского, Маргеланского, Наманганского, Кокандского, Чустского и Исфаринского [231].

Будучи в российском форте Памир, Свен Гедин сделал несколько фотографий русских офицеров и солдат с кыргызским волостным местности Мургаб. Данная визуальная информация отражает определенный консенсус кыргызских родоправителей и российского колониального аппарата в управлении этой территорией и населением. Более того, она демонстрирует желание самого С.Гедина видеть социально-политическую солидарность между ними, ибо он (как и многие другие западные путешественники) рассматривал российскую колонизацию как источник цивилизации для народов азиатской окраины. В то же самое время официальные лица – аксакалы, волостные, беки для него выступали таким же средством, как его барометр или компас, необходимые для продвижения экспедиции на Памир или к пустыне Гоби и достижения научных целей. Беки, баи, аксакалы и другие важные лица были ему необходимы для устройства расчистки дорог от снега, организации его встреч, предоставлении комфорта в условиях суровой дорожной жизни [232].

В целом, записи шведского путешественника о численности населения, территориально-административной диспозиции кыргызских племен, системе управления и титулах составляют маленькую толику того, что он зафиксировал о географических, климатических, орографических и гидрографических особенностях местности, которые в совокупности обнаруживаются в его 2-х томном труде о путешествии в Центральную Азию в 1894–1897 гг.

Социальное неравенство и имущественная дифференциация в кыргызском обществе отражались не только в наличии титулов и званий, но и в материальной и духовной сфере – жилище, типе и размере погребальных сооружений, фольклоре кыргызского народа – эти отличия и признаки не

ускользнули от взгляда западных путешественников и путешественниц. Так, Э.Сайкс отмечала, что богатые скотоводы имеют широкие и более украшенные юрты, а Э.Хантингтон заметил, что богатые кыргызы одевали более красочные халаты [233].

Таким образом, западные путешественники выделили два противоположных по своим социальным интересам сословия кыргызского патриархально-феодального общества – манапов, биев, беков, баев и простой народ «букара». Одни экспедиторы описывали социальную структуру северокыргызских племен, используя записи российских путешественников и полагаясь на собственные наблюдения и выводы, а другие – более подробно останавливались на описании социальной структуры у кыргызских племен, кочевавших на Памиро-Алае, в Ферганской долине и Восточном Туркестане.

В их записях прослеживаются как традиционные, так и новые механизмы управления кыргызским народом и его племенами в период колониального господства, при котором подконтрольная родовая кыргызская элита одновременно была задействована в вертикальной схеме власти местного административно-управленческого аппарата царской России, а в горизонтальной линии она осуществляла руководство многочисленными родами волости, способствуя внутриплеменной интеграции в интересах собственного и колониального налогообложения и управления.

www.bizdin.kg

Глава III

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КЫРГЫЗОВ

3.1. «Большая игра» в Центральной Азии и кыргызы

В современной историографии «большая игра» “Great Game” соотносится с международной политикой и соперничеством Великобритании и России за Центральную Азию в XIX – начале XX вв. Согласно современному исследователю П.Хопкирку, хронологически она охватывает период с 1813 г., с момента подписания русско-персидского договора о Каспийском море и некоторых территориях на Кавказе до 1907 г., то есть, подписания англо-русского договора о буферных зонах: Персии, Афганистане и Тибете [234].

Многоликий состав участников «большой игры» отражает истинную стоимость международной гонки за регион в XIX в. Дипломаты, военные, религиозные служители, путешественники, путешественницы разных национальностей участвовали в «Great Game». Соперничество шло не только за владение центрально-азиатским рынком и сырьем, но и за открытие и использование географического, демографического, антропологического и исторического знания, прогрессия которого в количественном и качественном отношении влияла на развитие ориенталистики в той или иной западной стране и формировала устойчивый интерес западного общества к малоизученной и менее знакомой цивилизации. С позиции культурного релятивизма можно отметить, что именно через путешественников и исследователей шел непосредственный контакт и соотнесение культурных достижений, взаимодействие и дискурс, причем обогащение шло параллельно, поскольку, говоря словами Э.Саида: «Восток являлся одним из

www.bizdin.kg

богатейших и старых колоний Европы, источником его цивилизаций и языков, его культурным конкурентом, и одним из глубочайших и текущих образов инаковости. В дополнении, Восток, как контрастирующий образ, идея, индивидуальность и опыт помогал определиться Европе или Западу»[235].

Экономические, социально-политические аспекты «большой игры» в XIX в., а также вопросы социально-политического положения кыргызских племен в период российской колонизации рассматривались в работах ряда исследователей[236]. Однако их труды преимущественно основывались на российских источниках, что в целом ограничивает изучение всей полноты проблемы в данный период. И в этой главе попытаемся рассмотреть аспекты «большой игры» в контексте трудов западных путешественников второй половины XIX – начала XX вв., а именно, исторические, политические, экономические и культурные истоки соперничества России и Великобритании за регион; во-вторых, социально-политическую обстановку в кыргызских кочевьях в период российской колонизации и условия формирования и реформирования геостратегических и геополитических приоритетов кыргызской кочевой элиты в «большой игре».

Впервые в историческом кыргызоведении проводится попытка изучения идеологии имперского насилия с точки зрения современных колониальных и постколониальных дискурсов об империализме и колониализме. И в этом отношении работы западных авторов – М.Пратт, Э.Саида, Т.Янга представляют большой интерес для нашего исследования [237].

В 1842 г. на свой страх и риск молодые английские офицеры – капитан Артур Конолли и полковник Чарльз Стоддарт направились в Бухару с тайной миссией государственной важности. Им было необходимо, как можно подробнее разузнать о ситуации с торговлей английскими товарами на местном рынке и прояснить истинное положение России в Бухарском эмирате – феодально-теократическом государстве Центральной Азии. Однако незадолго до приезда офицеров, представившихся «купцами» из Британской Индии, бухарский эмир установил торговые и дружеские

отношения с Россией и жестоко обошелся с ними. Он заточил их на месяц в зиндан (темницу), а затем обезглавил. Еще до этого злосчастного года и дня, в одном из своих писем к другу Артур Конолли назвал складывающуюся ситуацию во взаимоотношениях Великобритании и России в Центральной Азии, как «Great Game», или «большая игра». Однако, как заметил современный английский историк «большой игры» Питер Хопкирк, лавры достались не Конолли, а другому человеку: «Стоддарт и Конолли заплатили высокую цену, играя в этой опасной игре – Большой игре. Играя в ней, они лишились головы». Как иронично, что эта фраза впервые была произнесена Конолли, но много лет позже ее обессмертил Киплинг в своем произведении «Ким»[238]. Таков этимологический путь происхождения этого выражения, ставшего поистине емким и крылатым. Но какова же историческая, политическая и экономическая парадигма возникновения соперничества двух государств в Центральной Азии?

Истоки соперничества России и Великобритании в центрально-азиатском регионе относятся к эпохе правления Петра I (1672–1725). Государственные преобразования молодого царя, принявшего в 1721 г. титул императора, были направлены на укрепление экономического и политического веса России на международной арене. Одним из главных направлений его политики являлось развитие торговли, а именно, морской. Известный русский историк В.О.Ключевский писал о планах молодого императора: «Двигая сильной рукой обрабатывающую промышленность, Петр не меньше думал о сбыте, о торговле внутренней и внешней морской, в которой Россия рабствовала перед западными мореплавателями. Трудность сухопутных сообщений обращала мысль на русскую реку, и Петр с удивительной силой внимания изучал эту единственную в мире сеть вечно движущихся и не требующих ремонта шоссейных дорог, какую природа дала русской торговле в бассейнах русских рек»[239]. Императору хотелось достичь берегов Индии и организовать импорт индийских товаров, развивая судоходство по Инду и Амударье, а также установить индийские торговые

дома в крупных российских городах: Астрахани, Новгороде, Твери и Москве. Надо отметить, что идея о речной и морской канализации была не нова для Петра I и русской науки. При его жизни было задумано соорудить каналы, которые соединили бы Волгу с Невой, Онежское и Белое озера (что позднее в XIX в. осуществилось с сооружением Мариинской соединительной системы), Белого моря с Балтийским, Азовского с Черным и другие торгово-водные проекты [240]. Другая задача состояла в том, чтобы установить дружеские отношения с Хивинским ханом, которому ранее обещалась поддержка в его борьбе против кочевых и неуправляемых туркменских племен, а хан, в свою очередь, содействовал бы устройству торговых связей с Индией и провозу индийских товаров в Россию. Более того, Петр I прослышал, что на Амударье можно добывать золото, которое так было необходимо после войны со шведами и турками для пополнения запасов российского государства. Для реализации своих целей в 1717 г. Петр I отправил экспедицию в Хиву, которую возглавил бывший кабардинский князь Девлет-Кизден-Мурза, принявший незадолго до экспедиции христианство и ставший принцем Александром Бековичем. Но А.Бекович погиб от рук хивинского хана, и экспедиция потерпела неудачу. В это время русский император был занят укреплением государственных рубежей на севере страны и проблемами взаимоотношений со Швецией и потому оставил это трагическое событие без внимания и последствий.

Идея о русско-индийской торговле вновь усиливается в период правления Екатерины II и ее сына Павла I, который совместно с Наполеоном Бонапартом разрабатывал план похода на Индию. Однако внезапная смерть Павла не позволила этой идее стать реальностью. Таким образом, в этот период центрально-азиатский вектор внешнеполитической деятельности России был не стабилен и находился на позиции запасного варианта, исчезая или вновь появляясь в связи с флуктуацией внешней и внутренней политики русских самодержцев. Важно также отметить то, что до начала XIX в., Центральная Азия в политике России выступала как плацдарм и торговый

перевалочный пункт в достижении Индии (подч. Ч.Т.), которая в представлении российского государства, да и других европейских держав, была сказочной и чудесной страной, богатой невероятными материальными ценностями: жемчугами, пряностями и золотом.

В конце XVII – начале XVIII вв. португальцы и голландцы, осуществлявшие транзитную торговлю индийскими товарами в Европу и Юго-Восточную Азию, испытывая прессинг со стороны английских мореходов, начинают терять свое торговое лидерство. В 1757 г. Великобритания фактически сосредотачивает в своих руках торгово-финансовые операции в Индии, создав Ост-Индскую компанию, а век спустя, в 1858 г. Индия становится колонией Британии, управляемой английским вице-королем. Для индийских товаров и английского текстиля был необходим большой рынок с высоким покупательским спросом и предложением. Им должна была стать Центральная Азия. Спустя век, в конце XVIII – начале XIX вв. Великобритания стремится усилить торговые связи с регионом, посылая туда для разведки своих купцов-агентов. Россия также не дремлет и ставит перед собой задачу продвижения своих торговых интересов и экономических приоритетов в регионе, тем более что ее обеспокоенность усиливается авторитетными рекомендациями интеллектуальной элиты Российской империи. В 1849 г. известный русский путешественник П.А.Чихачев писал о необходимости изучения «взаимных коммерческих потребностей», «способов доставки» и «путей движения среднеазиатской торговли», которая пока не испытывает соперничества и конкуренции со стороны Англии и Америки [241]. На базе многочисленных данных известный русский экономист Г.П.Неболсин показывал необходимость укрепления торгово-экономического положения России за границей и призывал российских промышленников усилить экспорт мануфактурной продукции [242], а писатель-славянофил И.С.Аксаков, призывая российские власти к особым отношениям с Великобританией, писал: «К

Англии надо относиться осмотрительно и осторожно, без нашей славянской мягкосердечности и доверчивости» [243].

Таким образом, в первой половине XIX в. торговые интересы являлись движущей силой соперничества России и Великобритании в центрально-азиатском регионе, которые со второй половины века разнообразились геополитическими мотивами и экономическими причинами. Английский историк Питер Хопкирк писал по этому поводу: «В Лондоне и Калькутте в тот же час усиливалась обеспокоенность, как только они слышали о продвижении России в глубь Центральной Азии, к среднеазиатским ханствам: Бухаре, Хиве и Коканду, то есть, чем меньше и ближе становилось расстояние между Британской Индией и Россией, тем сильнее усиливалось соперничество» [244].

Вторая половина XIX в. принесла России противоречия как внутреннего, так и внешнего порядка, которые в совокупности явились определенными стимулами в усилении ее внешней политики в Центральной Азии. В первой четверти XIX в. наступил кризис крепостничества, возросло количество крестьянских выступлений; дворянско-либеральная и интеллектуальная часть российского общества осознала необходимость ликвидации самодержавия и отмены крепостного права. Еще в 1822 г. известный русский поэт А.С.Пушкин писал: «Политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян»[245], а в 50-х годах вопросы отмены крепостного права и пути капиталистического развития экономики страны открыто обсуждались по всей России. «Исторический вопрос, каким было крепостное право на теле русского общества, созрел и готов был прорваться социальной катастрофой. Просвещеннейшее меньшинство дворянства сознавало необходимость предупредить беду своевременным отречением от того, что опасно было отстаивать долее. Это сознание выразилось в появлении множества «записок об упразднении крепостного права», которые в 1856 и 1857 гг. ходили по рукам в Москве и Петербурге и оттуда распространились по всей России»[246]. В 1861 г., в результате земельной,

судебной, земской и военной реформ, миллионная армия крестьян получила свободу и расширение демократических прав. Однако российская индустриализация, при всем своем интенсивном развитии не могла обеспечить работой такое количество высвободившихся рук. С момента отмены крепостного права о росте пауперизации в России свидетельствуют следующие цифры: за 1863–1897 гг. около 3 млн. крестьян ушло в город и превратилось в рабочий класс[247]. Надвигающийся кризис на российском рынке труда необходимо было решить как можно скорее. Трудовой излишек необходимо было разместить на новых территориях, и тем самым разрядить социально-политическую и экономическую обстановку в России. Российские крестьяне, не меньше чем сами власти, жаждали новизны и перемен. Как верно отмечал американский дипломат и путешественник Юджин Шуйлер, «Плодородность земли и личная независимость, возможная на этой отдаленной границе (то есть, Центральной Азии – прим. Ч.Т.), сильнее и сильнее привлекает иммиграцию» [248].

Другая причина, вызвавшая активизацию российского наступления в регионе – это необходимость в хлопке и развитии национальной текстильной промышленности. До 1860-х гг. XIX столетия развитие российской текстильной индустрии основывалось на привозном американском хлопке-сырце. Тем более что еще с 1832 г., с момента подписания торгового договора между Россией и США стоимость общего грузооборота достигла 4–6 млрд. долларов США[249]. После 60-х годов в связи с Гражданской войной в Северной Америке резко сокращается поступление хлопка в Россию. Российская текстильная промышленность начинает испытывать стагнацию. В этой ситуации резко возрастает роль Центральной Азии как ресурса для выхода из кризиса.

О быстром росте посевных площадей хлопка после российской колонизации можно судить по данным, составленным в 80-е годы XIX в. туркестанским чиновником В.И.Масальским [250]; а по сведениям И.Данмора,

можно обнаружить, что являлось одним из источников успеха российской хлопковой промышленности в Центральной Азии. Как писал И.Данмор,

Годы	**Площадь в десятинах**
1884	300
1888	37 228
1889	58 859

«несколько офицеров посылались в хлопковые штаты США для изучения их культур во всех отраслях. Позже они принесли свой опыт местным земледельцам для получения более успешного результата» [251].

В первой половине XIX столетия Россия удерживала первенство на центрально-азиатских рынках, и цены на российский текстиль были гораздо дешевле, чем английские. Так, аршин лучшего русского ситца стоил 22, а английского – 70 коп., среднего русского ситца – 20, английского – 50 коп. Как писали российские экономические аналитики того времени, «наших товаров, каковы металлы, юфть, сукна, ситцы, Средней Азии трудно получить по нашим ценам от какой-либо другой страны. Не в Европе будущее России: к Азии должна она обратить свои взоры. Блистательное развитие и ежегодное увеличение числа отечественных фабрик и мануфактур, потребляющих наши же сырые произведения (то есть, сырье – Ч.Т.) требуют новых путей сбыту, а так как европейские рынки заперты для мануфактурных произведений России соперничеством всех государств в этой части света, то она поневоле должна обратиться для продажи своих произведений к обширным странам Азии» [252].

Отметим, что Ферганская долина, став мощным хлопковым ресурсом Российской империи в период российской колонизации, удерживала эту марку вплоть до развала СССР (конец 90-х годов XX в.), а хлопковый король – Узбекистан производил 2/3 всего хлопка, выращиваемого в СССР[253].

Таким образом, во второй половине XIX столетия в этой сложной экономической обстановке Центральная Азия стала рассматриваться и как территория под обширные хлопковые плантации, и как ресурс для размещения избыточного российского населения.

Экономические сложности сопровождались проблемами во внешнеполитическом курсе России. Проиграв один из своих восточных проектов за господство на Ближнем Востоке (Крымскую войну 1853–1856 гг.) и подписав неравноправный Парижский договор (1856 г.), по которому лишалась территорий на Дунайском полуострове и Турции, и, получив блокаду Балтийского моря и дипломатическую изоляцию на международной арене, Российская империя активно стала искать возможности для экономической стабилизации, политического реванша и возврата былой военной славы. И в этот нелегкий исторический момент Центральная Азия стала для нее спасительным кругом. Мы, отчасти, согласимся с мнением Г.А.Хидоятова о том, что до 90-х годов XIX в. для России среднеазиатский вопрос являлся «...подспорьем в решении основного вопроса – вопроса о черноморских проливах. Завоевание Средней Азии до некоторой степени для неё было вынужденным политическим шагом, тогда как для Англии среднеазиатский вопрос включал широкий комплекс самостоятельных проблем экономического, политического и военного порядка»[254]. Мы считаем, что уже с середины XIX в. во внешней политике России формируется самостоятельное центрально-азиатское направление, обоснованное необходимостью достижения колониального господства в Центральной Азии.

В отличие от России, Великобритания к моменту апогея «большой игры», то есть, ко второй половине XIX в. являлась одним из значимых лидеров международной экономики и политики. Говоря словами известного американского политолога З.Бжезинского, мощь Великобритании создавалась «...благодаря сложной комбинации из географических открытий, торговли и завоеваний». В 1860–1914 гг. она владела колониями с

населением 400 млн. человек и площадью в 11 млн. кв. миль[255] или 17,6 млн. км^2. Другие крупнейшие державы того времени имели гораздо меньше. Так, Россия обладала территорией – 18 млн. км^2, с населением 74 млн. чел., республиканская Франция – около 10 млн. км^2 с населением 50 млн., а Германия – 3 млн. км^2 с населением 12 млн. человек. Самый сильный военно-морской флот обеспечивал Великобритании военную и финансовую неуязвимость. Во внешнеполитическом курсе Великобритания придерживалась политики равновесия сил и полагалась на поддержку европейских стран, в частности, Франции, заинтересованной в ослаблении амбиций России и Германии, стремящейся к мировому господству.

В первой четверти XIX столетия в Великобритании усилилась пропаганда русской угрозы Индии и ее безопасности. Российские дипломаты пытались показать необоснованность этих заявлений и уладить эти недоразумения. Они предложили Великобритании, во-первых, прекратить интриги на территории Центральной Азии, во-вторых, ограничиться в своей деятельности лишь конкуренцией на поприще промышленности и не допускать борьбы за политическое влияние, и, в-третьих, сохранить независимость промежуточных стран – Афганистана и Персии[256]. Однако британские власти не спешили вступать в переговоры и обсуждать предложенные перспективы в урегулировании сфер влияния и господства в Азии, зато к середине XIX в. они стали разрабатывать стратегию по увеличению удельного веса внешней торговли страны и продвижению английских товаров в центрально-азиатском регионе. Озабоченность этими вопросами отражается в выступлении одного из членов Британского парламента Денби Сеймура во время обсуждения в 1858 г. в Парламенте предложений о создании специального комитета для изучения возможностей продвижения английской внешней торговли в центрально-азиатском регионе. «Ничего не может быть более важного для нашего политического господства, чем развитие нашей торговли с Центральной Азией, и ничего нет легче, чем расширить ее почти безгранично. Осуществляя это, мы обогатимся сами, и

www.bizdin.kg

цивилизуем Центральную Азию»[257]. Вскоре англичане стали интенсивнее завозить свои товары на рынки Бухары, Коканда, Хивы, Кашгара, Яркенда по стоимости дешевле, чем российская текстильная продукция. Перевозка английских товаров осуществлялась через Трапезунд, Эрзерум, и Тебриз к северной Турции и Ирану, а оттуда – в центрально-азиатские города и Восточный Туркестан. Как отмечал военный чиновник и первый староста г. Пишпек М.А.Терентьев, «что касается Кашгара, то нам предстоит еще много работы: англичане высказали твердое намерение овладеть этим рынком во что бы то ни стало, и сделали в этом направлении, уже довольно много»[258]. Англичане стали задумываться и о морской торговле через р. Инд, а затем Амударью.

Таким образом, в середине XIX в., к началу завоевания Центральной Азии Российской империей, международный экспансионистский проект под названием «Большая игра» уже созрел в умах военных и политиков обеих стран, реализация которого на первоначальном этапе была поручена военно-научным экспедициям, в составе которых находились путешественники и исследователи. И, как свидетельствуют архивно-документальные материалы и исследования современных авторов, противостояние между Великобританией и Россией, поставившими на кон целый регион и народы Центральной Азии, являлось не открытым военным противоборством, а относительно мирным и засекреченным соперничеством. Военно-дипломатические круги Великобритании, Франции и Германии использовали ученых-путешественников в качестве орудия в торгово-экономической экспансии, а затем и возможной колонизации Центральной Азии.

В целом, одна из стратегий российско-британского соперничества осуществлялась в границах торговли, другая обнаруживала себя в исследованиях и открытиях, а третья лежала в плоскости переписок российских и английских военных и дипломатов. В этом отношении справедлива мысль российского исследователя А.В.Постникова: «Там, где речь шла об информации, имевшей существенное геополитическое значение,

подлинные материалы географических исследований и картографические документы классифицировались как секретные, и их свободное распространение не допускалось ни российскими, ни британскими властями»[259].

В круг задач путешественников и исследователей входила разведка экономического потенциала и политического положения центрально-азиатских государств и племен, изучение естественно-географических и антропологических особенностей края. Как верно отмечает кыргызский историк Б.Жумабаев, «…с середины XIX в. российские научно-прикладные исследования проводились более целенаправленно и систематически в интересах хозяйственного освоения Туркестана»[260]. Финансовое и материальное обеспечение военно-научных экспедиций в основном осуществлялось за счет правительственных средств и отчасти общественных или частных фондов. Известному зоологу и путешественнику Н.А.Северцову, участвовавшему в 1864–1865 гг. в центрально-азиатской военно-научной экспедиции, от Российского Военного министерства была выделена финансовая помощь и от Русского Географического общества пособие в 500 руб.[261]. Британская экспедиция Д.Форсайта (сентябрь 1873–апрель 1874 гг.), насчитывавшая 300 чел. и 550 вьючных животных и по полученным результатам внесшая огромный вклад в «золотой фонд изучения Центральной Азии»[262], получила поддержку от правительства Великобритании. Германия и Франция, в меньшей степени претендуя на права колониального захватчика региона, все же стремились держать регион в орбите своих научных интересов. К примеру, с 20-х годов XIX до начала XX вв. из Франции было снаряжено несколько крупных экспедиций в Центральную Азию, по итогам которых были опубликованы солидные труды о регионе [263].

Выше отмечалось, что благодаря путешественникам складывался образ о местных народах и их культуре. А какой образ складывался о них самих, какого возраста они были, как они росли, имели ли пристрастия и хобби, в

www.bizdin.kg

каких условиях и обстоятельствах они писали и публиковали свои труды о путешествиях? Изучение некоторых биографических фактов из жизнедеятельности путешественников позволит глубже понять описанный ими материал о регионе, в частности о Кыргызстане и кыргызах. Во-первых, используя статистический метод, определим средний возраст западного путешественника, наезжавшего в кыргызские кочевья в последней трети XIX – начале XX вв. Рассмотрим возрастной состав западных путешественников в сравнении с российскими исследователями, взяв за исходный год 1876 – год окончательного завоевания территории современного Кыргызстана Российской империей. Очевидно, что наш сгруппированный количественный признак вариативен от возраста к возрасту [264]. Используя метод составления вариационного ряда, получаем таблицу, которая позволяет выявить средний возраст западного и российского путешественника[265]. Западные исследователи совершали свои путешествия в регион, в частности на территорию Кыргызстана, в возрасте между 30 и 44 годами, то есть, когда уже имелся определенный жизненный и образовательно-профессиональный опыт. У российских исследователей средний возраст несколько моложе, 30–41 лет (см.: табл.2 в приложении). Это объясняется тем, что регион уже де-юре и де-факто принадлежал царской России, а, следовательно, доступ в него и проведение исследований осуществлялось гораздо легче, чем это удавалось западным путешественникам.

Как отражают сведения путешественников и архивно-документальные материалы, сроки пребывания западных путешественников в регионе контролировались российскими военно-дипломатическими ведомствами [266]. И по этой причине не всегда западным «вояжерам» полно и корректно удавалось зафиксировать нужную информацию. Но все же, как же иностранные поданные, в том числе и путешественники, проникали в колониальные владения Российского государства? На этом вопросе остановимся несколько подробнее, так как процедура въезда и выезда

иностранцев в Русский Туркестан влияла на результаты экспедиции и качество информации.

Как отражают документы из архива канцелярии Туркестанского генерал-губернаторства, ограничения на въезд касались всех иностранцев. В изучаемый период проникновение иностранцев на территорию уже Русского Туркестана осуществлялось в рамках процедур и правил въезда иностранцев в пределы Российского государства и Туркестанского генерал-губернаторства. Центральные и туркестанские военно-дипломатические ведомства проверяли цели и сроки путешествия, выявляя политическую и даже религиозную благонадежность участников экспедиции. Ведомственные циркуляры не были статичными, они пересматривались, уточнялись в соответствии с изменениями внутренней ситуации и внешнеполитического курса России в регионе и за рубежом. О намерении въехать в пределы Русского Туркестана иностранец должен был начать с письма-прошения в посольство, либо консульство своей страны в Петербурге. Затем это прошение адресовалось генерал-губернатору Туркестанского края. Прошение проверялось Военным штабом Туркестанского генерал-губернаторства и одновременно русскими политическими агентами в Бухаре, либо в Кашгаре, и только после этой длительной процедуры иностранец получал от Канцелярии Туркестанского генерал-губернаторства разрешение на въезд с указанием сроков, целей и маршрута путешествия. То есть, очевидно, что строгий контроль за въездом и перемещением иностранцев ограничивал их пребывание в крае и практически суживал их научно-исследовательские возможности.

«Иностранные подданные, за исключением лишь поданных сопредельных в Туркестане среднеазиатских стран (Персии, Афганистана, Китая, а также индусов), для посещения края обязаны предварительно испросить на то через свои дипломатические представительства разрешение Военного министра, без какового разрешения никто из них и ни с какой целью не может прибыть в Туркестанский край. Что же касается подданных

сопредельных с краем стран, то таковые для посещения обязаны испросить разрешения генерал-губернатора»[267]. Так, французский путешественник венгерского происхождения Мезо де Ковесд Уйфальви в 1880 г. в своей записке генерал-губернатору Колпаковскому просил о содействии в прохождении пути из Омска до Верного [268].

По своему социальному происхождению наезжавшие иностранцы также были не однородны. Более того, существовавшее положение от 1905 г. о въезде иностранцев в Российскую империю еще не учитывало их социальную принадлежность, хотя немного позже уже имелась попытка учета социального статуса. В телеграфном сообщении из Ташкента в Петербург от 22 апреля 1908 г. определялось «какими распоряжениями или соображениями руководствоваться местной администрации, допуская проезд в край низшего класса иностранцев без надлежащего разрешения, тогда как высочайшее повеление 1905 г. касается иностранцев вообще без разделения на классы» [269].

Политическая благонадежность, прежде всего, вытекала из этнического происхождения иностранца. Острая борьба России с Великобританией за регион определила более предупредительное отношение к англичанам или индусам, следовавшим из Британской Индии в Центральную Азию. «Что касается пропуска европейцев, идущих из Индии через Кашгар в наши владения (подч. Ч.Т.) и из Средней Азии в Индию, то я (Туркестанский генерал-губернатор – Ч.Т.) полагал бы необходимым допустить его только на началах взаимности, то есть, если и русским будет разрешен проезд из Средней Азии в Индию, или обратно» [270].

К моменту окончательного завоевания региона и установления российского управления, а также демаркации Восточного и Южного Памира между Россией, Китаем и Афганистаном, за которым стояла Великобритания, геополитические противоречия между Российской и Британской империями несколько утратили свою остроту и создались более благоприятные условия для въезда иностранцев в край, в том числе и для англичан. Таблица,

составленная на основе архивных документов, разрешающих въезд иностранцев в Туркестанский край в 1913 г., отражает это послабление [271]. Из таблицы очевидно, что первое место по посещению центрально-азиатского региона удерживали немцы, затем англичане и французы, а третье место занимали иностранцы из других европейских стран и США (см.: табл.3 в приложении). Диапазон путешествий варьировался от торгово-экономических, политико-дипломатических, научно-исследовательских до развлекательных – охота и туризм. К примеру, некие американцы Карл Престон и Эльдон Кейт попросили разрешения для проезда в край с целью посетить города: Ташкент, Маргелан, Андижан, Самарканд, Бухару, Мерв, Красноводск, а также посетить Алайскую долину с целью охоты (подч. Ч.Т.)[272]. Некоторые иностранцы даже ходатайствовали о проживании в Туркестанском крае[273]. Безусловно, нас интересуют зарубежные путешествия с научной целью, но их географическая широта и разнообразие мотивов отражает процесс активного включения Центральной Азии в международный научный и туристический бизнес. Тем более что труды и сведения путешественников постоянно подогревали интерес западного путешественника-туриста к региону. Как нам представляется, Российская империя, широко открывая двери для западных стран, также стремилась завоевать репутацию открытого и демократического государства в своих азиатских владениях и избавиться от ярлыка «жандарма», но уже в Азии.

Нередко в помощь западным экспедиторам выделялись русские солдаты или казаки, которые обеспечивали им помощь и в то же самое время – неусыпный контроль за ними. Как свидетельствует архивный документ, «только усиленный надзор явится главным средством для противодействия разведывательной деятельности иностранцев (подч. Ч.Т.)»[274]. В условиях тотального контроля, безусловно, получение информации становилось крайне затруднительным. Но вместе с тем, путешественник находился в эпицентре межэтнического и культурного диалога, непосредственно участвуя в передаче определенных знаний и технологий. Так, по мнению

американского географа Э.Хантингтона, российская колонизация принесла кыргызам мир и спокойствие. «Приезд русских, которые теперь управляют большинством местных племен, делает очень много хорошего в создании мирной и безопасной страны и обеспечении хороших рынков корма для стада. К их счастью, это также добавило такую роскошь, как чай, сахар, хлеб и дешевую хлопковую ткань, доступную для всех»[275]. В этом смысле, рассмотрение роли и позиции путешественника в колониальных фронтирах совпадает с позитивистским подходом, при котором колонизация рассматривается не только как выкачка сырьевых ресурсов и порабощение, физическое и морально-психологическое насилие над местными народами, но и как трансформация традиционного общества в развитое индустриальное, внедрение в него технологических и культурных достижений более развитой культуры.

Цивилизаторская миссия и роль России положительно оценивалась не только путешественниками и учеными, но и, безусловно, британскими военными, но с тем условием, что ее реализация не затронет геополитических интересов Великобритании в регионе. В 1869 г. Великобритания предложила России создать нейтральную зону, которая по выражению министра иностранных дел Англии лорда Кларендона, «предохранит их (Англию и Россию – Ч.Т.) от всякого непосредственного соприкосновения и обе стороны могут в полной безопасности заниматься проведением цивилизаторской миссии, которая выпала нам на долю» [276].

Помимо главных игроков в англо-русском противостоянии в регионе участвовали так называемые промежуточные или буферные страны: Афганистан, Турция, Персия и Китай. Афганистан претендовал на земли памирских княжеств: Бадахшан, Рушан, Вахан и Шугнан, стремясь установить через эти территории торгово-экономические связи со среднеазиатскими ханствами. Китай, преследуя расширение своей торгово-экономической позиции и установление политической гегемонии в отдельных районах Центральной Азии, конкурировал с Афганистаном,

Бухарским эмиратом, Кокандским ханством и Россией. В период русско-турецкой войны 1853–1856 гг. Англия стремилась усилить свое влияние на Турцию. Совместно они стремились организовать антирусскую коалицию в составе: Бухары, Хивы и Коканда. Однако правители Бухары и Коканда, имевшие давние торговые связи с Россией, не спешили менять своё отношение к ней. Между Персией и Афганистаном были также непростые отношения по поводу Герата и Кандагара. Персия была заинтересована в экспансии своих товаров на среднеазиатских рынках и установлении торговой гегемонии в Южной и Центральной Азии, однако в целом, за буферными странами стояли геополитические интересы Великобритании, и она всячески инспирировала пограничные и торговые противоречия между ними и Россией. К примеру, в 80-х годах XIX столетия во взаимоотношениях между Россией, Китаем и Афганистаном возник так называемый «Памирский вопрос», то есть, проблема демаркации Восточного и Юго-западного Памира[277].

Таким образом, главные и буферные акторы [278], а также сами объекты соперничества – Бухарский эмират, Хивинское и Кокандское ханства, в составе которых до российской колонизации находились кыргызские племена, имели свои интересы в этой международной политике XIX в.

Деятельность этих фигурантов «большой игры» освещена достаточно хорошо в центрально-азиатских и российских исследованиях[279], чего не скажешь о кочевом факторе и участии кыргызских племен в этой политике. Анализ сведений западных путешественников в совокупности с информацией российских исследователей и архивно-документальными материалами доказывает то, что и кыргызы играли определенную роль в политике англо-российского соперничества за регион, осуществляя с первой половины XIX в. политику лавирования между Кокандом, Россией и Китаем, за которым отчасти стояла Великобритания. О том, что кочевники являлись существенным фактором для российской внешней политики, свидетельствует мнение русского военного теретика М.Грулева – «Оборона от кочевников

www.bizdin.kg

среднеазиатских степей пододвинули Россию на государственную безопасность по Амударье и по Иртышу» [280].

До полного присоединения территории современного Кыргызстана к Российской империи в 1855–1876 гг., их борьба за господство над кыргызскими племенами отражалась на их внутри- и внешнеполитическом положении. Наиболее подробно этот аспект нами рассмотрен в контексте трудов Ч.Ч.Валиханова[281], и здесь отметим лишь некоторые основные черты той сложной социально-политической обстановки, сложившейся накануне российской колонизации на территории современного Кыргызстана. Она осложнялась разнонаправленной внешней ориентацией кыргызской родоплеменной верхушки. Политическая раздробленность кыргызского родоподразделения усиливалась вмешательством кокандцев, однако, поддерживая одну из сторон в межфеодальных конфликтах манапов и биев, кокандская власть на местах подвергалась ударам другой противоборствующей стороны и тем самым ее «авторитет» не был стабильным, а управление номинальным. По этому поводу в «Туркестанском сборнике» В.И.Межова отмечается: «Кара-киргизы, хотя и не составляют такой тесно сплоченной массы, как кипчаки, но все-таки опасны, потому что в особенности принимают участие во всех смутах, кто бы их не производил. К тому же разбросанные на большом пространстве, киргизы ускользают от влияния ханской власти (то есть, кокандской – прим. Ч.Т.) и составляют весьма ненадежный элемент населения» [282].

Китай, потеряв надежду на осуществление своих экспансионистских замыслов в отношении кыргызов на Тянь-Шане, удовлетворялся меновой торговлей с кыргызскими скотоводами, даже, несмотря на то, что они принимали активное участие в антикитайских национально-освободительных движениях в Восточном Туркестане.

Правительство Российской империи и ее власти в Западной Сибири, прямо заинтересованные в приобретении новых территорий в Центральной Азии и рынков сбыта для товаров промышленной метрополии через

татарских купцов, про-российски настроенных казахских султанов Старшего жуза и, конечно, в организации в северную часть Кыргызстана военно-научных экспедиций с участием ученых-путешественников, всячески «склоняло» в конце 40-х и во второй половине 50-х годов XIX в. кыргызских биев и манапов к принятию российского подданства.

Российское завоевание территории Кыргызстана в течение 1850–1870-х гг. и Центральной Азии вплоть до конца 80-х годов XIX в. еще не означало тотального прекращения «большой игры», то есть, международного соперничества за регион. Она продолжалась в том или ином районе Центральной Азии, имея разную степень реализации и отражения. В отношении тех районов (к примеру, северный Кыргызстан), где российская колонизация строила прочные экономические позиции и развивала эффективные проекты (переселенческий, налоговый, административно-территориальный), соперничество в научной сфере осуществлялось приоритетно для российской науки. В тех же районах центрально-азиатского региона (например, южный Кыргызстан и Памир), где российская колонизация еще не произросла своими экономическими, социально-политическими и культурными трансформациями и новшествами, научная гонка между российскими и западными исследователями была более очевидной и острой.

Путешествуя по северу Кыргызстана, западные исследователи наблюдали изменения, вызванные российской колонизацией. Так, у английского миссионера Г.Лансдела обнаруживаем информацию о Пишпеке, Сокулуке и Беловодске, где дороги, сады, церкви устроены для комфорта новых хозяев, русских колонистов и осуществления ими здесь цивилизаторской миссии по отношению к местному населению. Однако в этом новом этнокультурном пространстве и урбанизированной среде нет места для кочевников.

«Мы пересекли Чу через деревянный мост и после 15 миль езды в 6 часов прибыли в Пишпек, где новая дорога, по которой мы приехали

соединена со старой, идущей из Токмака. Пишпек – это деревня с широкими улицами и школой, где учитель показал нам небольшую коллекцию бабочек и жуков, но значительный интерес вызвал у нас большой ботанический сад, суперинтендантом которого являлся М.Фетисов, и с которым мы должны были познакомиться. Староста повел нас к нему домой, однако его не оказалось дома, и потому школьный учитель нас сопроводил в сад. Деревья были молодыми и сорняки очень высокими. Это было очевидным, что Фетисов должен был принести значительное количество деревьев, кустарников и растений, туземных для региона, и что он делал эксперименты с целью ознакомления других. Ночью мы достигли Сокулука, поселения с двумя десятками или чуть больше домов, и прибыли в укрепленный пункт Ак-Су, возле которого находится деревня Беловодское, с широкими улицами с ивами, церковью, школой и около ста домов, занятых большей частью русскими колонистами из Воронежа и Малороссии»[283]. Путешествие Г.Лансдела приходится на 80-е годы XIX в., когда на территории севера Кыргызстана, тогда входившего в Семиреченскую область, сконцентрировалось большое количество русско-украинского переселенческого населения [284].

Для Г.Лансдела, как видим, важно было зафиксировать те изменения, которые произошли благодаря экономическим проектам и религиозному просветительству российских властей. Американский дипломат Ю.Шуйлер, проезжая через Иссык-Кульскую и Чуйскую долины, отмечал земледельческие занятия колонистов и преобразование Токмака и Пишпека в важные коммуникационные и административные центры российского управления в связи со строительством Верненско-Карабалтинского тракта. Этот тракт соединял сначала через Кастекский, а затем в 1870 г. через Курдайский перевал Токмак, Пишпек, Аулие-Ату с Ташкентом. «Токмак сегодня один из главных городов района (уезда – Ч.Т.) и имеет русское население численностью в 800 человек. Город был построен около соединения дорог на Иссык-Куль и Нарын, далее через Кастекский перевал в

Верный, но в порядке избежания Кастекского перевала, а также в связи с неудобным местоположением, усиливающим лихорадку, Верненская дорога была перенесена гораздо восточнее, соединяя другие дороги на Пишпек» [285].

В 80-х годах XIX в. в Нарыне имелось несколько магазинчиков и добротных домов русских переселенцев. Как писала Л.Макартни, Нарын «был своего рода городом-космополитом, на базаре которого можно было встретить русских в прилежных униформах, гуляющих с модно одетыми дамами, татар в черных пальто и черных шапках с мехом, туземцев в красочных чапанах, и дунган, и кыргызов в высоких шапках»[286]. Ош также стал весьма приятным русским городом, с большими улицами и деревьями, большинство из которых акации[287]. То есть, Пишпек, Нарын и другие города и поселения Кыргызстана стали административными, политическими и культурными форпостами продвижения и укрепления российской колонизации среди уже полиэтнического населения.

Относительно южнокыргызских племен надо отметить следующее. Несмотря на то, что юг был завоеван в 1876 г., кыргызские племена продолжали кочевать на Восточном Памире, то есть, территории, которая некогда принадлежала Кокандскому ханству, но в связи с ослаблением власти кокандского правителя Худояр-хана, подпала под юрисдикцию Китая. Как свидетельствуют материалы российских экспедиций, в частности экспедиции А.П.Федченко (1872 г.) и Алайской экспедиции М.Д.Скобелева (1876 г.)[288], территория кочевания кыргызских племен четко выяснялась и фиксировалась российскими экспедиторами. Это было необходимо для легитимации своего права на эти земли. После падения Кокандского ханства кочевья кыргызов автоматически становились собственностью России. То есть, однозначен тот факт, что границы кочевания и расселения кыргызов в восточной части Памира закрепляли историческое и легитимное право России на эти территории перед Китаем, за которым, как было упомянуто выше, стояла Великобритания.

Ситуация на западе Памира была также неспокойной[289]. Карликовые памирские княжества: Бадахшан, Рушан, Вахан, Шугнан и Кундуз отстаивали свою независимость перед Афганистаном и Бухарским эмиратом, а также перед кочевыми кыргызами, которые отличались от них своим хозяйственным укладом и культурно-религиозными особенностями. Хотя, как сообщал французский исследователь Г.Бонвало, браки между кыргызами и женщинами Вахана были нередки [290].

В книге английского офицера Т.Гордона «Крыша мира» (1875 г.), являвшегося членом экспедиции Форсайта в 1873 г. в Восточный Туркестан, имеется информация о взаимоотношениях кыргызов Кызыл-Арта (прав. Кызарт – прим. Ч.Т.) с памирским княжеством Ваханом. «В момент прибытия в Сархад, с пастбищ Вахана около Лангара двумя кыргызами были украдены 19 яков. Эмир Фатех Али написал правителю Сирикола (Сарыкол – Ч.Т.) Хасен Шаху об этом случае и упоминал, что ворами являлись кыргызы с его района. По прибытии в Ташкурган эмир просил меня уладить это дело с Хасен Шахом»[291]. Из этого следует вывод, что не только бухарцы и афганцы представляли угрозу для карликовых княжеств, но и набеги кочевых кыргызов являлись одним из экономических и политических рисков, причем риски были серьезными, если даже ваханский правитель обратился за помощью к Т.Гордону в улаживании данного конфликта.

Другой офицер британской армии Фрэнсис Янгхазбэнд (1863–1942), который был известен как «журналист, шпион, учитель, географ, писатель, непроницаемый империалист, индийский националист, философ и исследователь»[292], также оставил интересные сведения о кыргызах на Памире и в Кашгаре, анализ которых отражает участие южнокыргызских племен в политике соперничества Англии и России на «Крыше мира». Работа английского путешественника о Центральной Азии «Сердце континента. Описание путешествий в Манчжурию, через пустыню Гоби, Гималаи, Памир и Хунза в 1884–1894 гг.» впервые была напечатана в 1896 г. в Лондоне и имела невероятный успех. Через три месяца после публикации в свет вышло

второе издание книги. Труд был посвящен матери, которая приходилась сестрой Роберта Шоу, совершившего в 1868 г. путешествие в Восточный Туркестан. В предисловии своей книги Ф.Янгхазбэнд отметил, что это книга адресована читателям Англии, которым по натуре не свойственно сидеть в офисах, и они любят видеть мир, в то же самое время он подчеркнул, что работа не может претендовать на научное исследование и даже не написана в какой-то правильной литературной форме. В 1904 г. один из известных в Великобритании издательских домов Мюррей опубликовал в одной книге тибетское и памирское путешествия Ф.Янгхазбэнда, совершенные им за период 1884–1894 гг. В настоящее время ранние издания его книг и статей давно стали редкостью и в незначительном количестве хранятся в библиотеках солидных университетов, к примеру, университета Вашингтона в США [293].

Ф.Янгхазбэнд вовсе не случайно был назван одним из главных игроков англо-русского соперничества в Центральной Азии, поскольку являлся непосредственным проводником этой политики, в особенности на Памире. В связи со снаряжением российских экспедиций на Памир в 80-х годах XIX в. (экспедиции Д.В.Путяты, Б.Л.Громбчевского, М.В.Певцова, Г.Е.Гржимайло), открытием там новых районов и установлением российских военно-пограничных постов обостряется вышеупомянутый «Памирский вопрос», то есть, проблема урегулирования сфер влияния на Памире между Россией, Китаем и Афганистаном, за которым стояла Великобритания. В 1889 г. в связи с этой ситуацией, глубоко верящий в цивилизаторские проекты Великобритании в Азии и захватнические устремления России в отношении жемчужины британской короны Индии, Ф.Янгхазбэнд отправился на Памир. В ходе реализации своей миссии, британский офицер собирал сведения о границах расселения кыргызов и их взаимоотношениях с китайскими и памирскими княжествами. Более того, согласно материалам из архива и библиотеки Правления Индии, в настоящее время хранящихся в Британской библиотеке в Лондоне, Ф.Янгхазбэнд получил инструкцию и задание

определить точные границы распространения власти китайцев. В случае отсутствия китайцев в исследуемых районах Восточного Памира, ему необходимо было «...постараться убедить китайские власти в необходимости фактического осуществления их оккупации, для того чтобы, если возможно, [после этого] не могло возникнуть оснований предполагать, что существует какой-либо участок невостребованной территории между афганскими и китайскими владениями» [294].

Будучи в провинции Хунза (княжество Кундуз – Ч.Т.), он получил информацию о том, что кыргызы подвергались налетам и поборам жителей Хунзы и Канджута, соседней провинции. «Кочевые кыргызы, беззащитно разбросанные в своих юртах в открытых долинах Памира, должны платить дань, или страдать от последствий отказа. Осенью 1888 г., в год, после того как я пересек перевал Музтаг, грабители сделали невероятно отважную атаку на большой караван и увели большое количество кыргызов Шахидулла по Яркендской дороге. Кыргызы обратились к китайским властям за охраной против таких нападений, но им было отказано. Вслед за этим весной 1889 г. они подали похожую петицию британским властям. Это явилось поводом узнать и доложить о последствиях этой атаки, обследовать всю страну между торговыми путями и Хунзой. С целью остановить атаки в будущем, правительство Индии послало меня сюда. Муса, который отправил прошение Британским властям, до сих пор находился в Лехе. От него мы изучили подробности нападений канджутов в прошлом году и получили информацию о дорогах, идущих из Хунзы»[295]. О конфликтах между кыргызами и гиндукушским княжеством Канжут (Канджут) писал и Г.Бонвало. В местности Бир-Кутджа он встретил гумбез, где были захоронены кыргызы, погибшие в схватке с канжутами [296].

Из архивных документов известно, что еще с 50-х годов XIX в. кыргызы под предводительством родоначальника Боза (вероятно, правильнее Бозо – Ч.Т.), занимаясь грабежом торговых караванов, следующих из Хунзы в Вахан, практически парализовали торговлю памирских народов на северо-

восточном Памире[297]. То есть, очевидно, что перманентное противостояние между кочевыми кыргызами и памирцами производило определенный эффект на состояние и развитие англо-российского соперничества в обозначенных районах Памира. Хотя из письма Ф.Янгхазбэнда из Кашгара британским властям в Индии очевидно, что кыргызы находились в номинальной зависимости от китайцев и, вероятно, потому китайцы не оказали им помощь. «В действительности же степень зависимости памирских киргизов от китайцев весьма мала, они не платят налогов непосредственно им, но лишь поставляют небольшой подоходный налог их старейшине, который назначен китайцами и получает от них вдобавок небольшое содержание зерном, мукой и рисом. Такова страна и таков народ, чью принадлежность стало столь важно определить (подч. Ч.Т.)»[298]. Более того, в 1891 г. в своем докладе британским властям о встрече с китайским даотаем Ф.Янгхазбэнд заметил: «...На Памирах нет ни одного китайского чиновника, и киргизы в любой момент могут провозгласить себя подданными России или Афганистана»[299]. То есть, из его конфиденциального письма и докладной записки британским властям ясно, что кыргызы и их политическая благонадежность в отношении Китая и памирских княжеств: Вахана, Рушана и Шугнана, платившим дань Афганистану, была не последним условием в определении точных пределов власти и сферы влияния китайцев и афганцев на Памире, а, следовательно, и Великобритании. В целом, в предотвращении присоединения памирских территорий к России Ф.Янгхазбэнд рассматривал не только Китай и Афганистан, и их оккупацию Памира, но и кыргызов, и их взаимоотношения с ними.

Как писал Свен Гедин, кыргызы Памира не платили дань никому: «...Прежде почти забытая, окутанная полярными холодами страна в самом сердце Азии, стала предметом живейшего интереса и целью важных, пожалуй, роковых политических и стратегических мероприятий. Некоторые области Памира оставались еще без хозяев, и обитавшие там, в вечной борьбе с холодами немногочисленные киргизы, не знали над собой ничьей

власти и не платили никому никаких налогов»[300]. Позиция кыргызских родоначальников усиливалась и тем, что они контролировали стратегически важные горные перевалы: Талдык, Шарт, Терек-Даван, по которым шли торговые караваны из Китая в Ферганскую долину [301].

Другим моментом в определении легитимности притязаний Китая и России на Памир являлось выяснение у кыргызов происхождения легенд о местных топонимах. Так, русского путешественника и офицера польского происхождения Б.Л.Громбчевского в 1892 г. послали на Памир с целью выяснения вопроса о принадлежности Кокандскому ханству Сарыкола и Алая. На основании детальных расспросов кыргызских родоначальников южнокыргызских племен Б.Громбчевский подал записку российским властям о том, что «с самых давних времен, по преданиям, сохранившимся в памяти населения, как Памир, так и все ущелья по обеим сторонам Сарыколского хребта и Кашгарских гор, то есть, начиная от оседлых сел Вахана, Шугнана и Рушана до оседлых сел Кашгарии, входящих в состав Кашгарского и Яркендского округов и расположенных на равнине Кашгарии, вся местность всегда входила в состав Кокандского ханства и управлялась особыми чиновниками, являвшимися сюда с ярлыками и печатями ханов» [302].

В 1892–1893 гг. на Большом Памире, или как он был известен среди местного населения Аличур Памире произошло кровопролитное столкновение между российской военно-рекогносцировочной экспедицией М.Е.Ионова и небольшим афганским отрядом. Великобритания была обеспокоена этой ситуацией и в том же году с разведывательной миссией в этот район была снаряжена экспедиция лорда И.Данмора. Вновь же, для подтверждения легитимности власти, но уже Китая в этой части Памира, И.Данмор стал исследовать этимологию происхождения топонима Соматаш, (у кыргызов Сомташ) и у кыргызов выяснил, что это слово они связывают с черным камнем, который совсем недавно был куда-то вывезен русскими офицерами. «Что за история с Черным камнем, Абдул Керим был не в состоянии разъяснить нам. Все, что он знал об этом – это то, что русские

положили его на коня и увезли прочь. Без сомнения, здесь есть какая-то легенда, связанная с камнем, но эти кыргызы удивительно невежественны относительно всего того, что связано с фольклором, принадлежащим их стране»[303]. Несколько позже, как писал сам Данмор, он увидел этот камень в музее в Ташкенте[304]. (Ф.Янгхазбэнд был на Сомташе в 1889 г.)[305]. Отметим, что долгое время судьба этого камня была неизвестна, и только в 1984 г. его обнаружили в основании памятника В.И.Ленину в городе Хорог, Таджикистан[306]. То есть, имели место апелляции историческому капиталу с целью подтверждения права народа на территории, которые некогда были подвластны кокандскому хану или Китаю, а, следовательно, с покорением и падением их власти, они становились владением одной из противоборствующих сторон – России или Великобритании.

Таким образом, кочевые кыргызы не были безмолвными объектами «большой игры», а, напротив, в определенной степени также являлись субъектами международной политики XIX в. Кочевая кыргызская элита еще до присоединения к российской империи, используя политику лавирования и компромисса, находилась в номинальной зависимости от кокандских ханов.

В период российской колонизации одним из способов сопротивления являлись не только открытые выступления и протесты против нового режима эксплуатации и зависимости, но и косвенные, такие как сохранение кочевого уклада хозяйства и образа жизни, игнорирование оседания и земледельческих занятий. Известно, что только в годы советской коллективизации стал возможен всеобщий переход кыргызских кочевников к оседлому хозяйству и образу жизни. Позиция кочевой кыргызской элиты и степень их взаимоотношений с главными игроками – Россией, Китаем, и косвенно Великобританией также влияли на динамику геополитического противостояния России и Великобритании в регионе.

3.2. Имперское насилие в трудах западных путешественников

www.bizdin.kg

Труды путешественников XIX – начала XX вв. явились источником для развития колониальных и постколониальных дискурсов об империализме и колониализме, одним из ключевых вопросов которых является вопрос об имперском насилии и его идеологии. В современное время слово «насилие» вызывает множество ассоциаций, связанных с нанесением физического или морального вреда кому-либо или чему-либо.

Под понятием «имперское насилие» мы понимаем действие путешественников или готовность к действию, использование ими знаний и навыков для достижения европейского господства и имперской власти в колониальных владениях и пространстве чужой культуры. Путешественники нередко выступали свидетелями, во-первых, не всегда доброжелательных взаимоотношений кыргызов между собой и с другими народами, во-вторых, они наблюдали отношение колониальной российской администрации к кыргызам, а, в-третьих, они сами опосредованно или непосредственно осуществляли акты физического или психологического насилия по отношению к местному населению.

Актуальность изучения данного аспекта возрастает в связи со следующими обстоятельствами. Во-первых, хотя ход и последствия российской колонизации на территории Кыргызстана неоднократно рассматривались в отечественной и зарубежной историографии[307], тем не менее, анализ идеологии имперского насилия в контексте центрально-азиатского путешествующего нарратива проводится впервые. Как и каким образом обозреваемые или совершаемые акты физического и психологического насилия западными путешественниками в «контактной зоне»[308] репрезентируются и интерпретируются в их трудах, насколько эти действия и описания достоверно или ошибочно отражают социально-политическую действительность, которая присутствовала в кыргызском обществе в период российской колонизации, и насколько через сведения самого путешественника возможна реконструкция понимания насилия в западном обществе, – эти вопросы будут исследованы в настоящей главе. Во-

вторых, в современных социально-политических условиях, когда продолжают использоваться механизмы имперского насилия в борьбе за международное и региональное господство, и Кыргызстан выступает как объектно-субъектный участник этой борьбы, рассмотрение историко-культурных, социальных и психологических причин проявления насилия в контексте трудов западных путешественников поможет понять сегодняшнюю социально-политическую ситуацию. В-третьих, анализ сведений путешественников о насилии и рассмотрение актов насилия дополнят теоретический дискурс о колониализме и империализме.

При анализе работ западных путешественников выявляется то, что само слово «насилие» («violence») встречается редко. Его заменяли такими выражениями, как «враждебность местных», «неповиновение», «непослушание», хотя на Западе, в частности в Великобритании, к концу 1880-х гг. в средствах массовой информации возросло публичное обсуждение различных видов насилия, включая акты насилия, совершенные западными экспедиторами в Африке. Сенсационные темы о насилии в средствах массовой информации во много раз увеличили количество читателей в сравнении с началом 80-х годов XIX в.[309].

Все виды насилия условно мы разделили на физические и психологические. К физическому насилию отнесли следующие действия: межплеменные и международные противоречия, занявшие определенное место в сведениях западных путешественников, при которых путешественники придерживались конкретной позиции; нанесение физического вреда путем простого битья местных проводников и переводчиков; угроза насилия и принуждение.

Психологический вид насилия проявлялся при оказании медицинских и административных услуг местному населению, дарении подарков родоплеменной кыргызской знати и конструировании ошибочных или уничижительных образов и стереотипов о кыргызах и затем их трансляция западному читателю. К психологическому виду мы относим и описание

природы, за которым скрывалось непрямое насилие путешественника над неевропейцем. За монологичным и детальным описанием гор, рек, трав и т. д. путешественник оставлял ничтожное место для местного обитателя, преобразователя этой природы.

Как было отмечено выше, эти типы насилия осуществлялись на территории уже Российской империи, где акты насилия проводников российской колонизации – русских офицеров и чиновников оправдывались безопасностью и защитой имперской короны и колониальной власти, и в силу этого степень и сила проявления насилия со стороны западных путешественников была неадекватна им. Остановимся на каждой из форм насилия несколько подробнее.

Физическое насилие, включающее такие действия, как битье, угроза насилия, принуждение к расчистке дорог от снега, выговор, брань проводников и переводчиков сравнительно широко присутствует в западных источниках о Центральной Азии изучаемого периода, хотя заметим, что в них все же не обнаруживается той динамики физического насилия, которая встречается в путешествующем нарративе о колониальной Африке[310]. Как отражают труды путешественников об Африке, среди местных народов битье и публичная экзекуция были рутинным явлением[311]. Это объясняется разностью социально-политической ситуации и особенностями реализации колониального проекта в этих регионах земного шара.

У французского путешественника Г.Бонвало обнаруживаем следующее. Когда он идет на Памир и ему сообщают о непроходимости перевала из-за сильного снега, и даже видавшие виды местные не хотят рисковать и желают вернуться обратно, он настоятельно требует прохождения перевала. На недовольство проводников он отвечает прямой угрозой. Г.Бонвало писал: «Мы начинаем путь на Кызыл-Арт (Кызарт – Ч.Т.) и остальные кыргызы должны помочь перейти перевал, в противном случае некоторые из них потеряют головы и, в первую очередь, Садык»[312]. Один из верных проводников Г.Бонвало Рахмет даже взял револьвер, чтобы доказать

действительность намерений французского путешественника. Здесь нет диалога, а присутствует монолог, который категорически выносит приговор и наказание в случае непослушания.

Двойное насилие путешественников обнаруживается в том случае, когда они отчасти делегируют совершение актов физического насилия своим верным проводникам и которые выступают медиаторами их насилия. Медиаторами насилия выступали и российские чиновники. «Я уже упомянул, что губернаторы Ферганы приказали киргизам иметь для нас готовую юрту, и топливо в тех местах, где нам предстояло делать привалы», – писал Свен Гедин во время своего путешествия на Памир в 1894 г. Выполняя поручения колониальных администраторов, проводники нередко рисковали своей жизнью. Так, кыргызы, ожидавшие экспедицию шведского географа, получили сильное обморожение и их едва спасли[313]. В местности Гунды Рехим-бай, проводник С.Гедина разбил его ртутный барометр, который путешественник «...добросовестно проверял по три раза в день, пеленал и нянчил, как грудного младенца. Рехим-бай остолбенел, но так как он собственно был не виноват, то ограничился легким выговором. Да и что толку бранить его: барометра этим не починишь. Пришлось с тех пор обходиться тремя анероидами и гипсотермометром»[314]. Угроза насилия являлась мощным инструментом в установлении своего господства и власти, и она весьма откровенно обобщена словами Г.Бонвало: «Когда путешествуешь, необходимо держать в одной руке ветку оливы, в то время как в другой руке револьвер в кармане для того, чтобы иметь возможность не сдаться ни тому, ни другому, если произойдет какой-то случай» [315].

Второй тип физического насилия связан с межплеменными взаимоотношениями. До российской колонизации основными формами насильственных межплеменных противоречий являлась «барымта» – угон скота и межплеменные распри. Западные путешественники упоминали о случаях барымты или «набеговой экономики», но не вдавались в сущность происхождения этого явления. К примеру, Ю.Шуйлер констатировал

судебные санкции за барымту в рамках российского правосудия [316]. Одним из первых, положивших начало изучению этой части взаимоотношений кочевников, являлся Ч.Ч.Валиханов. Согласно обычному праву степняков, барымта являлась средством наказания за неуплату долга, оскорбление или убийство. Должников уведомляли о предстоящей барымте за три дня до ее совершения [317]. Но в период поездок Ч.Ч.Валиханова в кыргызские кочевья в 1856–1859 гг. увеличилось воровство скота и хищничество, прикрываемые барымтой. «Степняк предпочитает такой быстрый и по его понятию легкий способ добывания насущного хлеба, и при первой нужде садится на коня и отправляется в набег, а при успехе возвращается с добычей, которая может прокормить его год»[318]. Н.А.Аристов также сообщал о росте угона скота путем грабежа и насилия «влиятельными и богатыми киргизами»[319]. Публикации в периодической печати Туркестана и Семиречья конца XIX – начала XX вв. дополняют их сведения об усилении барымты в целях наживы и упрочения авторитета биев и манапов, зачастую выступавших ее инициаторами [320].

До присоединения кыргызских племен к России и в период колонизации региона наказание за угон скота осуществлялось на основе адата – обычного права, некодифицированного свода норм разрешения всевозможных тяжб, расследования преступлений и восстановления справедливости в традиционном кочевом обществе. С колонизацией стало функционировать судопроизводство Российской империи. «Правосудие администрируется судами трех типов – военный суд, который судит местных, подбивающих к восстанию, на нападение на посты или военных курьеров, за убийство христиан и администраторов. Суды, основанные на общих законах империи, решают криминальные злоключения русских и местных, также как и урегулирование споров между русскими и туземцами. За все споры между собой и за небольшие проступки, местным дано право обращаться к собственным судам. В суде кочевого населения судьи называются бии, которые выбираются народом, и они судят согласно

народным и племенным традициям. Они судят за баранту (барымта – прим. Ч.Т.) или грабеж, и за убийство кыргыза, совершенное кыргызом»[321]. Из этой записи Ю.Шуйлера очевидно, что судебная иерархия охватывала все типы населения, включая местное (туземное) и переселенческое русское, однако вместе с тем, также ясно, что, во-первых, российская колониальная власть, допустив институт бийства, шла на компромисс с кочевой элитой, ставшей рычагом управления в кочевом обществе, во-вторых, российское судопроизводство, защищающее интересы русского населения, изначально носило имперский колониальный характер. Он также отмечал, что среди оседло-земледельческого населения судопроизводство было основано на шариате – мусульманском праве, которое в меньшей степени практиковалось у кочевников[322]. Действительно, среди кыргызов, в особенности среди северокыргызских племен, ислам не имел столь сильного проникновения и влияния, как среди южнокыргызских племен, оседлых узбеков и таджиков. Более того, российская местная администрация отдавала предпочтение адату, как традиционной правовой культуре, которая санкционировала российскую власть и препятствовала распространению ислама среди кочевых народов[323].

Другим источником прекращения межплеменных насильственных конфликтов являлась политика «принуждения к миру», которая возникла, как видим, не сегодня, а гораздо раньше. Суть данной политики – это разъединять воюющие стороны и не давать им нападать друг на друга. Только в современных условиях она реализуется миротворческими международными силами ООН [324], а в условиях российской колонизации она реализовывалась своим специфическим мандатом. Одним из таких мандатов являлось урегулирование враждебных межплеменных взаимоотношений путем посылки военной силы. Когда распря между племенами Бугу и Сарыбагыш привела к откочевке бугинского манапа Боромбая в районы Текеса и Каркыра и захвату его кочевок в Восточном Прииссыкулье сарыбагышцами, на помощь Бугу был послан военный российский отряд [325].

Другим источником контроля и управления кыргызскими племенами была административно-территориальная и налоговая политика царской России в послеколонизационный период. Как писал Ю.Шуйлер: «Аулы (аилы – в кырг. обществе) состояли из 100–200 кибиток-семей, а волости – из 1000 семей. Во главе стояли старейшины из местного населения, которые подчинялись перфектам (уездным начальникам – прим. Ч.Т.). Они имели право сменять старейшин в случае неисполнения ими своих обязанностей. Некоторые налоги остались с мусульманского правления, такие, как харадж и танап, или налоги на землю и его продукцию, и составляют 1/10 часть урожая. Среди кочевого населения налог составляет 2 руб. 75 коп. с кибитки»[326]. Несмотря на то, что на аильно-волостном уровне управления сохранялся прежний выборный принцип замещения должностей, разобщенность и дезинтеграция кыргызов усилилась. Как верно заметил Ю.Шуйлер, народное управление и бийское судопроизводство все же были фарсом, и российские власти могли выбрать того, кого они желали и тем самым контролировать родоначальников и социально-политическую ситуацию в кыргызских кочевьях [327].

Американским дипломатом правильно отмечено, что российская администрация оставила прежние налоги с земли и скота, но их размер постоянно рос. К примеру, после реформ 1886–1891 гг. кибиточный налог составлял 4,5 руб. с семьи. Также налоговым нововведением являлся земской сбор, шедший на строительство дорог, мостов и содержание местной администрации[328]. В целом, в составе Российской империи изъятие у кыргызов прибавочного продукта внеэкономическими мерами стало всеобщей и постоянной практикой.

Управление в оседло-земледельческих обществах также преследовало формирование и организацию собственной структуры власти среди местного населения. Будучи в Коканде, Свен Гедин отмечал существование административно-властной вертикали среди жителей. «Кроме русской администрации, в поддержку ей существует и низшая туземная. Городской

голова назывался кур-баши; у него в подчинении четыре аксакала, из которых каждый управляет большим кварталом – катта-махалля; в свою очередь, аксакалам подчинены 96 эллик-башей, начальствующих над участками или кичкинтай-махалля» [329].

Акты насилия российских властей по отношению к кыргызам отмечались не всеми западными путешественниками. Наиболее очевидно они проявляются в работе Ю.Шуйлера «Туркестан», что объяснимо его профессией дипломата. По его твердому убеждению, российская колонизация, которую он считал цивилизаторским благом для региона, была дискредитирована плохим администрированием российских чиновников на местах. Как писал Ю.Шуйлер, российские военные и чиновники, злоупотребляя своим служебным положением, обманывают и обирают местное население. «....Пропасть между завоевателями и завоеванными расширилась и углубилась из-за недостатков в методах управления, также, как и из-за ошибок администраторов»[330]. О злоупотреблениях российских властей свидетельствуют и архивно-документальные материалы [331].

Явившись свидетелем первого этапа народного восстания в Ферганской долине в 1873 г. против Кокандского ханства, а затем и российской колонизации, Ю.Шуйлер отмечал, что данное движение не повернуло бы свое острие против России, если на этом первоначальном этапе российские власти оказали поддержку восставшим кыргызам и кипчакам[332]. Однако из архивных источников известно, что Россия с целью предотвращения обострения отношений с кокандским ханом преднамеренно не вмешалась в кокандско-кыргызско-кипчакский конфликт и не поддержала повстанцев[333]. Если Ю.Шуйлер, замечая негативные последствия плохого администрирования, предлагал меры по их устранению, то Э.Хантингтон не замечал их, а напротив, считал, что российская колонизация есть источник и гарант мирной жизни кыргызов, и они не должны сопротивляться суровой реальности цивилизации [334].

В целом, западные путешественники и исследователи рассматривали противоречивые взаимоотношения российских властей и централоазиатов не с точки зрения издержек колониализма, а с позиции наличия плохого менеджмента местных колониальных властей и слабого контроля властных структур Туркестанского правительства. Маркируя положительную роль российской колонизации в ее азиатских владениях, путешественники создавали символическую нишу для Российского имперского управления и господства.

Психологические типы насилия были не менее продуктивны в реконструкции имперской гегемонии западных путешественников. К этому типу насилия мы относим и насилие при оказании медицинской помощи и услуг, а также дарение подарков кыргызской элите с целью заполучения их поддержки и верности.

В списке необходимых вещей и предметов для экспедиции Г.Бонвало выделяется ящик с медикаментами. «Наш медицинский ящик не такой большой, но Капю, который был ответственен за это, заполнил этот недостаток благодаря военной медицине Ферганской области, и мы имели все, что мы хотели. Здесь остается несколько пустяковых вещей, которые мы привезли из Европы, чтобы распространить их среди местных и с которыми мы хотим примириться»[335]. Как очевидно из этой записи, в административном центре Ферганской области Маргелане уровень медицинского и фармацевтического предложения был довольно-таки высоким, успешно удовлетворяющим потребности колониального российского чиновничества и запросы западных экспедиторов.

Будучи в местности Кара-ункур, близ Нарына, Л.Макартни была приглашена русской семьей осмотреть больную женщину. Она взяла с собой простые лекарства, жидкую мазь Эллимана и сделала ей массаж, от которого больной полегчало[336]. Среди кыргызов Кара-куля Свен Гедин также выступил в качестве лекаря. «Кыргызы услышав, что у них в лагере находится европеец, принесли больных в мою юрту и я их лечил, как мог

www.bizdin.kg

хинином и другими безвредными, горькими вещами»[337]. В целом, медицина выступала как средство построения комфортной для путешественника среды и она воспроизводила ту привычную психологическую атмосферу, в которой путешественник пребывал до своего приезда в чужое пространство. Даже не имея серьезных медицинских препаратов и инструментов, путешественник представлял себя лекарем, и его воспринимали как бога, который обладает силой и способностью лечить больных туземцев просто одним прикосновением руки.

Наряду с медицинскими манипуляциями использовался такой вид услуг, как написание рекомендательных писем кыргызам. В них кыргызские проводники просили отразить верную службу и поддержку, оказанную ими западным экспедиторам. У Г.Бонвало встречается сюжет, когда двоих проводников, воровавших ячмень, пугают отказом в предоставлении рекомендаций, которые подтвердили бы их верную службу французской экспедиции. Когда сыновья Курманджан датхи, также являясь проводниками, попросили у него рекомендации, то Г.Бонвало с удовольствием их написал «кыргызским ханам»[338]. Как видим, за 30 лет после российской колонизации и завоевания кыргызских племен новая технология продвижения интересов этнической элиты и построения вертикальных связей с господствующей российской властью обрела свою форму и традицию. Российские экспедиторы также использовали награждения, как средство расширения своих колониальных и академических интересов. Н.А.Северцов просил российские власти «о награждении за полезную службу славного вожака экспедиции на Алай и Памир в 1877–1878 гг. киргиза Гульчинской волости Казыбия Умербиева» и согласно архивному документу, Казыбий Умербиев получил свидетельство на получение серебряной медали на Станиславской ленте [339].

В то же самое время, в технологиях продвижения собственных интересов нуждались не только кыргызы, но и сами экспедиторы, так как через рекомендательные письма и подарки подтверждалось их имперское

превосходство и социальная значимость перед российскими властями и, безусловно, перед западным европейским сообществом. Если вспомним слова Свена Гедина о кыргызском проводнике Ислам-бае, которому он был обязан своей жизнью и счастливым концом своего путешествия через пустыню Гоби, то и в них обнаруживается персонификация и героизация самого С.Гедина. «Я теперь выдаю ему почетный отзыв, на последующих страницах читатель сам увидит, что я действительно был многим обязан этому человеку, который был моим верным спутником во всякую погоду и во всех опасностях. Теперь он с честью и с чувством нравственного удовлетворения носит золотую медаль, пожалованную ему королем Оскаром» [340].

С целью установления личного контакта и достижения верного служения кыргызских родоправителей, путешественники в огромном количестве запасались подарками. В 1894 г. в Ташкенте Свен Гедин сделал большой запас подарков, среди которых были револьвер с патронами, часы, карманные зеркала, шарманки, компасы, бинокли, калейдоскопы, микроскопы, серебряные чарки, украшения и материя. Кстати, не только для кыргызских родоправителей, но и для элиты других народов покупались всякие предметы и продукты. В местности Ак-Берды, близ Сарыколской долины, С.Гедин пригласил группу китайцев и помощника коменданта Булюн-куля кыргыза Тюря-Келды-Савгана к себе в кибитку и угостил их сардинами, шоколадом, засахаренными плодами, кексом и ликером, «нарочно» захваченных им из Маргелана [341].

В целом, лечебные, а порой и псевдолечебные манипуляции, рекомендательные письма и подарки являлись частью идеологии имперского насилия и гегемонии и, осуществляя ее, они, прежде всего, утверждали свое европейское превосходство в двух культурно-пространственных измерениях – кочевой среде и колонизованной азиатской России.

Как было отмечено выше, путешественники красочно и долго описывали местность и природу, и сравнительно скромное место отводили

характеристике населения. Так, к примеру, описание Алайской долины у Свена Гедина заняло восемь страниц. Он детально описал ее площадь, воды, реки, ландшафт, климат, направление ветров и количество осадков в разное время года, но ни разу не упомянул ее обитателей. Лишь только тогда, когда Рехим-бай – один из его проводников разбил ртутный барометр, и алайские кыргызы в утешение ему устроили концерт, он вспомнил, что находится среди людей – кыргызов. И даже в этом случае, он подчеркивал не их жизнь, быт, гостеприимство, а характеризовал их «монотонную» музыку, которая на время дала забыть все тяготы его дорожного существования[342]. То есть, в определенной степени, справедлива мысль американской исследовательницы М.Пратт о том, что это своего рода текстуальный апартеид, когда за статичным текстом, отделяющим пространство от людей, где природа и ее объекты имеют имена и названия, человек – носитель культуры остается безымянным[343]. Как нам представляется, эта безымянность являлась одним из актов психологического насилия. За своими длинными монологами о природе путешественники игнорировали присутствие местного населения и вуалировали свое истинное отношение к ним, а также ту ситуацию, которую они наблюдали, или сами воспроизводили.

3.3. Образы и стереотипы в контексте идеологии имперского насилия

Психологическое насилие проявлялось и в контексте колониальной дихотомии «мы–они», в рамках которой весьма было удобно создавать новые образы и стереотипы или адаптировать старые о народах и племенах, с которыми западные экспедиторы вступали в общение в центрально-азиатской «контактной зоне». Мы уже отмечали, что путешественники адаптировали этнотермины, введенные в научный оборот дореволюционным российским востоковедением, точнее централоазиатоведением. Если этнотермины «дикокаменный» и «черный» кыргыз, заимствованные из российских источников, легко инвестировались в западную литературу изучаемого периода, то стереотипы и образы о физическом и морально-

психологическом облике кыргызов выступали собственным креативом западных путешественников. С одной стороны, комплекс созданных стереотипов и образов о кыргызах также являлся символическим и психологическим насилием, проявляющий расистский и имперский подходы в описании западных путешественников, с другой же стороны, эти образы надолго закреплялись в коллективной памяти западного общества и длительное время являлись единственным источником в этнической идентификации народов и культур региона. Созданные образы условно можно классифицировать на межэтнические, внутриэтнические и гендерные. Межэтнические образы и стереотипы возникали при сравнении кыргызов с другими этносами – кочевыми казахами и оседло-земледельческими народами Центральной Азии, причем они распространялись на весь народ, что обнаруживает сходство с описаниями восточных авторов. «Восточные путешественники часто пытались представить портрет коллективного характера и национальной идентичности тех индивидуумов или групп, с которыми они вступали в контакт» [344].

Как отмечалось в предыдущей главе, сравнивая кыргызов с казахами, некоторые путешественники идентифицировали их как племена одного народа, а в физическом облике – сходственными с монголами[345]. Э.Хантингтон, будучи среди «чанто», то есть, мусульманского населения, проживающего в Турфанском оазисе, отмечал, что за трапезой они менее шумны, чем кыргызы [346].

Путешественники обращались не только к межэтническим сравнениям, но и к внутриэтническим. «Эти кыргызы являлись кочевыми обитателями возвышенности Килиан, в окрестностях Санжу и первоначально прибыли из Сарыкола. Проводники с новым транспортом отличались от ленивых и независимых кыргызов. Они были изобретательны в своем чрезмерном желании помочь, и в большинстве случаев, стремились понять, каким образом они могут быть полезны»[347]. Вероятно, под независимыми кыргызами английский офицер Т.Гордон имел в виду кыргызские племена

Восточного Памира, которые в период его путешествия в 1873 г. в Кашгар находились в номинальной зависимости от Кокандского ханства. У Э.Хантингтона кыргызы отличались тем, что одни проживали в горной местности и они были более открыты. Другие кыргызы расселялись близ больших торговых дорог и, вовлеченные в торгово-обменные операции, имели склонность быть нечестными и эгоистичными [348].

Эпитеты в отношении физического облика кыргызов – «дикий», «ужасный», «безобразный», а также его морально-психологического портрета – «ленивый», «хитрый», «нечестный» часто встречаются в сведениях западных путешественников. Так, у Ф.Янгхазбэнда отмечается, что кыргызы, проживавшие в районе Ташкургана на Памире, были жадными и ленивыми, и имели мало качеств, которые могли бы привлечь иностранцев[349].

Французский исследователь Г.Бонвало, находясь ни один день в пути со своей интернациональной командой проводников, среди которых были и кыргызы, дал им такую характеристику, проводя связь с монголами: « ...Они создавали из себя особое зрелище, надевая под овечьи шапки лошадиные хвосты и тем самым, спасаясь от солнечного облучения. Относительно своих щек, они вымазывали их грязью или конским пометом. Таким образом, кыргызы, которые в самые лучшие времена были не совсем симпатичны, смотрятся как демоны, или похожими на монголов, которые были очень ужасными». Сравнение проводника экспедиции Сатыккула с гориллой и кыргызов с животными, зависящими от природы, явно проявляет психологическое насилие Г.Бонвало над ними [350].

Обратившись к Э.Хантингтону, находим иерархию характеристик о кыргызах. «Восхитительно робкая и добрая учтивость кыргызов не может компенсировать их ленивость. Ленивость ведет к нечестности, а оба они ведут к наглости и вульгарности. Изменение привычек вызывает большую неопрятность. Для обычаев может быть вредным, когда лагерь перемещается каждый месяц или чаще, и это также ведет к грязи, когда кибитка стоит

www.bizdin.kg

шесть месяцев или год в одном месте»[351]. Его сравнения характеризуются гендерной стереотипизацией. Как он считал, скотоводство являлось непродуктивным и неизменчивым во времени хозяйственным занятием, в котором труд женщины гораздо очевиднее, чем мужской. Мужчины весь день только и делают, что ездят верхом из одного селения в другой, передавая новости и встречаясь с родственниками, а кыргызка ухаживает за скотом, смотрит за домом и детьми, не закрывая лица. Подобные взгляды присутствуют у других путешественников, которые в совокупности конструировали не всегда верные стереотипы и образы о кыргызской женщине и ее положении в обществе.

Традиционная кочевая культура кыргызского народа ассоциируется не только с вольной пасторальной жизнью, но и с кыргызской женщиной, нередко возлагавшей на себя серьезную ответственность – управление семьей, родом, племенем. Из памяти без промедления всплывают имена женщин раннего и позднего периода кочевничества: Томирис, Жаныл-мырза, Курманджан-датха. С точки зрения исторической гендерологии, биография Курманджан-датхи есть проявление радикальных настроений для кочевого общества XIX в. Расторгнув брак с нежеланным мужем, она бросила смелый вызов нормам обычного права и набиравшему духовные обороты исламу, пытаясь привнести в управление южнокыргызскими племенами в период и после российской колонизации гендерный баланс. Но, пожалуй, это единственная женская биография среди судеб большинства кыргызских женщин, которые в прошлом также, как и узбечки и таджички, подвергались мужскому и социальному прессингу. Описания и наблюдения путешественников имеют как общие тенденции, так и асимметричны с точки зрения принадлежности путешественников к разным академическим школам, разной социальной и этнокультурной средам; их образовательного и профессионального уровня. Обозначенные категории существенно влияли на создание гендерного портрета кыргызской женщины. Необходимо заметить, что путешественники из Европы и Америки более обширно и восхищенно

писали о природе: чистом воздухе, журчании горных рек, величественных вершинах Тянь-Шаня и Алая-Памира, нежели чем о роли и положении кыргызской женщины в семье и обществе, и по сравнению с женщиной Африки[352], кыргызская женщина в меньшей степени рассматривалась как нематериальный этнографический «артефакт».

Стереотип независимости. Сравнивая кыргызских женщин с женщинами оседло-земледельческих культур, большинство дореволюционных путешественников приходили к выводу о том, что кыргызская женщина имела лучшее обращение со стороны мужа, следовательно, она была равноправна и независима. У английского путешественника Ирла Данмора есть такое наблюдение – «Кыргызы обращаются со своими женщинами очень хорошо и с большой разницей, чем другие мусульманские племена. Их жены определенно не имеют плохого обращения, обладают отличной свободой действий и никогда не закрываются»[353]. Безусловно, Данмор не мог заметить домашнего и семейного насилия в кыргызской семье, которое в определенной степени поддерживалось религиозными представлениями кыргызов, в частности и шаманством. У Ч.Ч.Валиханова встречаем информацию об обращении к нему, как представителю султанского сословия, кыргызов с просьбой побить молодую кыргызку, в которую якобы вселились джины (бесы)[354]. Отметим, что условное битье, как средство изгнания злых духов, практикуется и в настощее время современными кыргызскими целителями – «бюбю» [355].

По справедливому мнению путешественников, открытость лица кыргызки, как проявление ее независимости и равноправия, являлось следствием относительно слабого влияния ислама на брачно-семейную сферу в кыргызском обществе. Отсутствие мусульманской практики и культуры сокрытия лица покрывалом – хиджабом явилось веским и очевидным аргументом в составлении образа независимой кыргызки. Однако еще до проникновения и распространения ислама у древних тюрок, предков ряда современных тюркоязычных народов, в том числе и кыргызов,

женщины не закрывали своих лиц[356]. Безусловно, за короткие сроки пребывания в кыргызских кочевьях трудно было заметить грубое отношение к женщине и доминантное положение мужчины в семье и обществе. Да и взгляды западных путешественников были еще далеки от вопросов гендерного равенства, значение которого только начинало актуализироваться в некоторых западных странах. К примеру, лишь только во второй половине XIX в. в Англии и США стали предприниматься попытки пресечения насилия в семье законодательными мерами [357].

Как верно отмечал американский географ Э.Хантингтон, свобода кыргызки, по сравнению с женщинами городов и деревень, то есть, соседних оседло-земледельческих поселений, объяснялась кочевой жизнью и суровой окружающей средой, в которой протекала ее жизнь. Во время своего путешествия в регион в 1903 г. он отмечал, что тип дома, частые миграции, необходимость работать на виду у публики, лишения кочевой жизни явились предпосылкой для открытости лица кыргызской женщины, ее свободы, уверенности и инициативы [358].

В кочевых обществах разделение труда было сравнительно неразвитым[359]. Подвижный образ жизни, включавший в себя не только перекочевки, но и социальные явления, как распри и набеги, нередко вынуждали женщину брать на себя значительную часть обязанностей кочевой экономики – управление и уход за скотом во время кочевки, безопасность семьи и скота и т. д., причем параллельно с реализацией репродуктивной функции воспитания детей, выполнять различные виды домашнего труда, не дающие прибавочного продукта. Более того, участвуя и оказывая помощь в общественных мероприятиях (тоях, поминках), она являлась своего рода источником поддержания и развития внутрисемейных и внесемейных родоплеменных коммуникаций. Ее незаменимость в хозяйстве была настолько очевидна и велика, что в кыргызском фольклоре женщину нередко располагали на одной прямой с домашним скотом, мерилом собственности и богатства кыргызского мужчины. «Аял – малда, бала –

белде» – «Жена – в скоте, дети – в тебе»; «Койго – бычак, кызга – кучак» – «Для овцы – нож, для девушки – объятия»; «Аттын сыры ээсине маалым, кыздын сыры төркүнө маалым» – «Секреты коня известны хозяину, секреты девушки известны ее родне»[360]. То есть, в контексте взглядов современных исследователей Т.Парсонса и С.Бэйлза[361] можно сказать, что кыргызская женщина параллельно с собственной женской «экспрессивной» ролью, значение которой состояло в реализации моральной и эмоциональной ответственности перед семьей и обществом, частично, а иногда и полностью, принимала на себя мужскую «инструментальную» роль, суть которой сводится в обеспечении пропитания и материального достатка семьи.

Но подразумевала ли реализация «инструментальной» функции ее права на собственность – скот и пастбище? Могла ли кыргызская женщина, как производитель материальных благ владеть собственническими, контролирующими и распределительными функциями? Наблюдения путешественников умалчивают об этом, равно как и кыргызский фольклор, так как эти функции были прерогативой мужчины. Прямое и равное участие кыргызской женщины в производстве и воспроизводстве не подразумевало владения собственностью, а тем более, ее отчуждения. Кыргызская женщина имела совещательный голос при решении важных семейных дел, таких как выплата калыма, выкупа за невесту, а решающую роль играл мужчина.

Другим источником амбивалентного положения кыргызской женщины в семье и обществе, и вследствие этого фактора, гендерного неравенства, являлось особое воспитание девочек в семье. У Ч.Ч.Валиханова зафиксировано наблюдение, что девушки пользуются полным тарханством, то есть, полной свободой и даже не шьют для себя платья[362]. Мы не разделяем мнения казахского исследователя полностью, так как одежда кыргызов XIX – начала XX вв. из коллекции Кыргызского национального исторического музея может подтвердить обратное[363]. Известно, что для традиционного кыргызского общества было характерно раннее замужество,

обусловленное как существующими общественными устоями, так и хозяйственной необходимостью. Семья жениха стремилась пораньше получить дополнительную рабочую силу, и потому уже с детства девочке прививали морально-психологические установки и физические основы хорошей хозяйки, заботливой матери и жены. В нее закладывали понятие о замужестве как суровых трудоднях, таких как уход за детьми и скотом. В то же самое время, дочь – это товар, который может дорогого стоить. «Кыз-конок» – «Девушка – гость» до сих пор эту поговорку можно услышать среди кыргызского народа. При хорошем воспитании за нее можно было получить «калым» – выкуп и увеличить размеры собственности, то есть, поголовье скота. Таким образом, система воспитания девочек закладывала двойственный поведенческий стандарт: свобода, независимость, сублимирующее женское «я» в добрачной жизни и табуирование ее поведения в условиях реализации послебрачных полоролевых функций.

Стереотип добродетельности. Этот стереотип раскрывает общенародные качества кыргызского этноса, в том числе и эмоционально-психологические характеристики кыргызской женщины. Путешественники отмечали добрый характер кыргызки, ее отзывчивость и доброжелательность[364]. Граф Данмор писал: «Кыргызская женщина делает отличную домашнюю работу и является хорошей матерью. Безграничная гостеприимность и цивилизованность кыргызов поражает и может привести в смущение даже более образованных людей»[365]. Обратившись к информации Свена Гедина, также обнаруживаем, что своим гостеприимством, добрым отношением, взаимопониманием кыргызы располагали гостя, они были верными и надежными проводниками в его восхождениях на горную вершину Музтаг-Ата на Памире. «Я постепенно научился иметь много симпатии к кыргызам. Я жил среди них четыре месяца, и в течение этого времени не чувствовал себя одиноким. Гостеприимство и дружбу они оказывали, никогда не колеблясь. Со старательным удовольствием они делили со мной все нужды моего кочевого

www.bizdin.kg

существования»[366]. Культурные и исторические ассоциации о добродетельном характере кыргызки, и в целом кыргызов, можно продолжать и продолжать, основываясь на наблюдениях путешественников, которые все же нередко несут на себе отпечаток эгалитарной культуры Запада. В своих описаниях западный путешественник отводил себе центральное место, а окружающая среда и местные народы занимали по отношению к нему подчиненную позицию.

Гостеприимность и доброжелательность кыргызов формировались в результате кочевого образа жизни, под знаками и символами кочевнической культуры и воспитания. Замкнутая географическая среда, расположение пастбищ в высокогорье и межгорных долинах, их отдаленность от городских и сравнительно густонаселенных разноэтнических поселений, наличие собственной хозяйственной и духовной системы выживания и развития закладывали характерные общенародные черты, такие как доброжелательность и гостеприимность, неторопливость и размеренность, гармоничность и сбалансированность в отношении к природе, уважение и почитание живущих и умерших. Как верно заметила современная французская исследовательница Катрин Пужоль, «у кочевых народов – время парадоксально статичное, более медленное, особенно после окончания сезонных миграций, в отличие от оседлых сообществ, где время быстрое и изменчивое»[367]. Однако ритм безмятежной жизни нарушался, когда появлялся чужой человек. Появление чужака смещало привычные родоплеменные границы, изменяя представления кыргызов об окружающем мире. Безусловно, как и в любой другой культуре, он вызывал чувство страха, осторожности и подозрения. Но в то же самое время, чужой человек воспринимался как источник информации и гость, нуждающийся в отдыхе после тяжелой дороги. Бережное и почетное отношение к нему проявлялось в том, что в юрте для гостя отводилось особое место «төр», расположенное в центре напротив очага. Ценность гостя отражалась и в культуре питания кыргызов. Самые почетные куски сваренной баранины – голова, крестцовая

и тазовая кости преподносились гостям. И поэтому неудивительно, что кыргызская женщина радушно встречала путешественников, предоставляя кров и хлеб. В них она, прежде всего, видела гостей, а затем информаторов, носителей иной культуры, языка и традиций. Кыргызка безмолвно инициировала и воспроизводила действия, жесты, эмоции, а в целом морально-психологический климат для мужского дискурса и взаимодействия.

Коммуникативный образ. Записки и наблюдения путешественников отражают определенную включенность кыргызской женщины в межэтнический диалог. Она присутствовала во время бесед чужака с мужем[368], она нередко сопровождала мужчину в людные места, принимала участие в торгах, а порой сама была непосредственным участником обменно-торговых операций. Во время пребывания в городе Файзабаде, в центре Бадахшана, в Северном Афганистане среди местных жителей Свен Гедин видел женщин в белых «массивных» тюрбанах[369]. По всей видимости, это были кыргызки в головных уборах «элечек», что еще раз подчеркивает их отличие от соседок-узбечек Ферганской долины, ежедневная жизнь которых обнаруживалась внутри двора «ичкари», и только мужчина владел внешними дворовыми пределами – «тышкари»[370]. Здесь кыргызская женщина не была затворницей.

Безусловно, общественное и семейное поведение женщины табуировалось адатом, который предусматривал различные виды поощрения и наказания[371]. Ее коммуникативные качества зависели от ряда факторов: цель общения с чужаком, этническая и социальная принадлежность собеседника, обстоятельства и условия диалога. Так, казаха Ч.Ч.Валиханова кыргызы идентифицировали «своим» и даже родственником, в силу его принадлежности к родственному казахскому народу. Его охотно впускали в границы общественных интересов и индивидуальных секретов. Он узнавал от кыргызских родоначальников социально-политическую информацию. К примеру, у манапа племени Бугу Боромбая Бекмуратова он расспрашивал о

причинах и последствиях вражды с племенем Сарыбагыш, о структуре племени, количестве скота, территориальном расселении других племен и т. д.[372]. Общение с молодыми девушками и женщинами характеризуется тональностью беззаботности и игривости. Являясь непосредственным участником молодежных игр, он знакомился с кыргызскими обрядами, одеждой, фольклором. Доверие в этой возрастной среде вызывалось и тем, что он сам был молодым юношей 23-х лет. «...Юрта, где я сидел, наполнилась молодыми и старыми бабами, и начался между нами доверительный разговор. Мы шутили с молодыми аяч и они, аячи (молодые женщины – Ч.Т.) в ответах своих обнаружили неожиданную развязность и остроту» [373].

Записи западных путешественников об общительности кыргызки основаны скорее на личных наблюдениях, чем на непосредственном контакте и общении с ними, поскольку их деятельность соотносилась ими с внеисторической домашней сферой и, соответственно, кыргызская женщина рассматривалась, как менее значимый информатор. А если и имел место непосредственный контакт, то он чаще проходил с целью обмена продуктов питания и предметов быта. Так, И.Данмор оставил описание, когда несколько кыргызок в районе Чакланг в долине Сарыкол выбежали навстречу экспедиторам и обменяли сахар, курут (шарики, приготовленные из кислого молока) на перламутровые пуговицы, которые экспедиторы отрывали от верхней одежды [374].

В целом, в гендерном портрете кыргызки, составленном на основе анализа сведений западных путешественников XIX – начала XX вв., отражаются особенности ее экономического, социально-политического и правового положения в традиционном кыргызском обществе. Открытость лица, повседневное и посильное участие в экономической и социальной практике семьи и рода, слабое влияние мусульманской религии на семейно-брачную сферу формировали у западных путешественников стереотип о равноправном статусе и независимом положении кыргызской женщины в

обществе и семье. Однако, обладая равным статусом в создании материальных благ и ценностей, кыргызская женщина все же не обладала фактическим правом собственности на скот и землю, и подвергалась социальному и семейному насилию. Как и женщины оседло-земледельческих районов Центральной Азии, она была подчинена мужскому началу и авторитету.

Таким образом, анализ сведений западных путешественников об идеологии и актах имперского насилия приводит к следующим выводам. В одних обстоятельствах имперское насилие открыто проявлялось через принуждение, угрозу; в других случаях, оно косвенно инициировалось через разнообразные психологические формы и акты, такие как оказание лечебно-медицинской помощи, дарение подарков родоплеменной кыргызской знати, а также инвестирование ошибочных образов и стереотипов о кыргызах. Используя эти формы имперского насилия, западный путешественник конструировал, прежде всего, комфортный морально-психологический климат для собственного европоцентристского господства и гегемонии, продвижения научных целей и политических интересов в азиатском колониальном фронтире Российского государства.

www.bizdin.kg

Глава IV

ЭТНОЭКОНОМИКА КЫРГЫЗОВ

4.1. Скотоводство и земледелие кыргызов в контексте географического детерминизма Элсуорса Хантингтона

На протяжении трех тысячелетий кочевое скотоводство являлось основной формой хозяйства кыргызов. Интенсивное подвижное скотоводство, когда скот находился круглый год на подножном корму, было обусловлено особым физико-географическим ландшафтом и экологической средой. Как отражение естественного и постоянного механизма использования природных ресурсов сезонные перекочевки делились на зимние – кыштоо, весенние – жаздоо, летние – жайлоо и осенние – күздөө. Для зимних пастбищ использовались долины и межгорные лощины, которые в то же самое время являлись естественными средствами защиты стад от снежных буранов и ветров. Осенние и весенние пастбища обычно размещались на близлежащих от зимовок земельных угодьях, которые рано освобождались от снежного покрова. Летние пастбища располагались в межгорных альпийских долинах сравнительно с обильным растительным покровом и наличием естественных водных ресурсов.

Особенности географической среды и потребности жизнеобеспечения кыргызов определили и видовой состав стада. Кыргызы разводили овец и лошадей, некоторые виды крупного рогатого скота, верблюдов и яков. В новое и новейшее время в различных местах Кыргызстана соотношение различных видов и численности домашнего скота в составе стада менялось в зависимости от внешней и внутриполитической обстановки. Однако в период присоединения к России и российской колонизации явно преобладал местный рыночный скот – овцы (хотя разводились в небольшом количестве и козы).

Скотоводческая продукция являлась источником не только внутриплеменного потребления, но и источником установления и развития торгово-экономических отношений с оседло-земледельческими народами, а животноводческое сырье – исходным материалом для развития домашних промыслов и ремесел. Эти и другие характеристики кочевой экономики кыргызов обнаруживаются в трудах западных путешественников. Хотя отметим, что не все путешественники обращали пристальное внимание на хозяйственные занятия кыргызов. Некоторые, полагаясь на материалы российских исследователей, адаптировали готовую информацию, а другие, напротив, как, например, американский географ Элсуорс Хантингтон, пытались рассмотреть экономику кыргызов в контексте собственных научных положений и концепций. Более того, Хантингтон, находясь в поисках подтверждения собственных географических предположений и теорий, продолжал идеи своих предшественников об отсталости кочевников[375], и один из первых в западной востоковедческой школе поставил вопрос о влиянии климата на развитие человеческого общества, в том числе и кочевого.

В связи с этим, сопрягая материал Э.Хантингтона со сведениями других западных путешественников и используя информацию российских исследователей второй половины XIX – начала XX вв., проанализируем экономику кыргызов в изучаемый период.

Почему известный американский географ, профессор Гарвардского университета Элсуорс Хантингтон, автор более чем 20 книг и более 200 статей, посвященных социальной географии, которые и сегодня не теряют своего значения и продолжают вызывать дискуссии[376], в 1903 г. в составе экспедиции Рафаила Пампелли, а затем в 1905–1906 гг. совместно с Робертом Л.Барретом совершил марш-бросок в Центральную Азию?

Элсуорс Хантингтон (1876–1947) вырос в США, в религиозной семье и пуританской атмосфере, в которой, вместе с тем, присутствовало уважение к достижениям современной науки, в частности географии. После

завершения колледжа в 1901 г. он стал студентом Гарвардского университета и воспитанником известного профессора географии Вильяма Дэвиса. Совместная полевая работа в юго-восточной части Америки дала Э.Хантингтону толчок для изучения причин аридности, то есть засушливости почвы, но мысли о связи окружающей среды и социальных событий были внесены ученым Рафаилом Пампелли, известным своими геолого-географическими исследованиями в Восточной Азии. В 1903 г. Рафаил Пампелли, получив финансовую поддержку от Эндрю Карнеги, известного американского покровителя науки и культуры, снаряжает экспедицию в Центральную Азию[377]. И как видим, не случайно Э.Хантингтон оказался важным участником экспедиции, которой, согласно архивным документам, всяческую помощь оказывала и местная российская администрация [378].

Более того, в XIX в. бурный рост научно-технических открытий и исследований о новых территориях и культурах усилил дискуссии на Западе о человеческой цивилизации и факторах ее развития, хотя эти идеи не были неожиданны и в более раннее время[379]. Выдвигались теории, экстраполирующие эволюционизм в естествонаучных науках на развитие человеческого общества, при котором антропологи и историки придерживались идеи о единстве человеческого рода, а, следовательно, единообразия культурного развития племен и народов. Другая теория, называемая географическим детерминизмом отражала зависимость социальной истории от окружающей среды. Согласно ей, основным и главным детерминатором экономического, социально-политического и культурного развития человеческой цивилизации, взлетов и упадка государств и народов является природа и ее локальные географические особенности. И в этом смысле идея Э.Хантингтона рассмотреть различные системы окружающей среды и их влияние на развитие человеческих историй и культур была в духе времени и научной конъюнктуры [380]. Но он сделал это специфичнее. Э.Хантингтон выдвинул теорию о влиянии климата и адаптации человеческого общества к нему[381]. Данная теория и поныне

вызывает неоднозначную реакцию. По мнению современных западных авторов, «несмотря на его полезные научные исследования, его теория о климате ...дала географии плохое имя, и Э.Хантингтон зашел слишком далеко»[382]. Насколько далеко Э.Хантингтон зашел в применении своей концепции к кочевой действительности рассмотрим в данной главе.

Известный социальный географ писал, что «важность климата и его изменений в истории и других родственных науках полностью никогда не отражались. Это климат вызывает широкое различие между эскимосами и восточными индийцами; это климат, который неотразимо искушает арабов быть грабителями и кочевниками одновременно; и позволяет итальянцам легко культивировать землю»[383]. Для доказательства своей теории на примере азиатских народов он исколесил и прошел пешком по северу Индии, Ирану, Восточному и Западному Туркестану, Монголии и Тибету, затем опубликовал книги с интригующими названиями «Горы Туркестана» (1905) и «Пульс Центральной Азии» (1907).

Отметим, что многие западные авторы выбирали для своих книг громкие и интригующие названия, которые сиюминутно заинтересовывали читателя, намекая на приключенческо-научное содержание и героизм автора в труднодоступных местах. К примеру, книга английского офицера Френсиса Янгхазбэнда названа «Сердце континента», у французского экспедитора Габриеля Бонвало – «Через сердце Азии», а у английской путешественницы Эллы Сайкс – «Через пустыни и оазисы Центральной Азии».

По мнению Э.Хантингтона, человеческая история подчинена географическому фактору, а именно климатическим изменениям, которые происходят в результате солнечной активности, то есть пульсации ее энергии. Так, ледниковый период представлял один из длительных этапов солнечной пульсации, после которой наступил холод и усилилась влажность, а это, в свою очередь, вызвало миграцию человеческих сообществ в более теплые районы земного шара. Другой период, начавшийся в III в. до н. э., напротив, характеризовался заметным потеплением и засушливостью

климата, что опять-таки вызвало человеческую мобильность и социально-экономические адаптационные вариации. Именно изменения климата в Центральной Азии за последние две тысячи лет привели к возникновению, устойчивости и невозможности изменения таких экономических систем, как номадизм в горной замкнутой окружающей среде, и земледелие в оазисах и долинах. Он пришел к выводу, что не только экономическая жизнь подвержена климатическому воздействию, но и психологические особенности этноса, его характер и привычки формируются в силу влияния климата. Так, народы засушливых районов, являвшиеся более цивилизованными и могущественными в прошлом, сегодня в упадке. Некогда слабые и дикие народы холодных и влажных поясов и зон, сегодня характеризуются как сильные и могущественные. Такие страны, как Италия, Греция и Испания, занимающие территории между этими географическими зонами, заняли промежуточную позицию в цивилизационном ранжире Э.Хантингтона. Они – позади холодных стран с высокой влажностью, таких как Швеция, Англия и Германия, но они впереди засушливых земель, таких как Персия, Аравия и Алжир[384]. В значительной степени теория Э.Хантингтон, объясняющая механизм адаптации человеческих культур к различным климатическим нишам, совпадает с идеями и положениями английского историка, основателя цивилизационного подхода в изучении человеческой истории Арнольда Тойнби, хотя английский историк пошел далее своего американского учителя, отражая тотальное господство природы в возникновении, развитии и упадке человеческой цивилизации [385].

Идея Э.Хантингтона о том, что окружающая среда, а точнее, изменение климата и его устойчивость во времени ограничивают, а иногда и вовсе не дают развитие кочевой экономики и кочевым народам, в определенной степени смыкается с идеей современного казахского исследователя Н.Э.Масанова, который считает, что главной структурной особенностью кочевого способа производства являются биологические средства, которые в

силу сильного экологического прессинга не могут качественно изменяться, а, следовательно, ограничивается развитие самой кочевой экономики [386].

Возвращаясь к кыргызам и их скотоводству, отметим, что еще до своего путешествия в регион, Э.Хантингтон ознакомился с трудами китайского монаха Чжан Цаня, английских исследователей Ауреля Стейна и Фрэнсиса Янгхазбэнда, работы которых стали для него надежными первоисточниками. Также не исключено, что его познания о регионе пополнились и благодаря тому, что после окончания колледжа в 1897 г., он преподавал в миссионерской школе в Харпуте на востоке Турции. Однако ему было необходимо глубже изучить отдельные районы региона, их топографические, гидрографические, и, безусловно, климатические особенности. Как было отмечено выше, непосредственное знакомство с регионом произошло с мая 1903 по июль 1904 гг., когда он находился в Туркестане в составе экспедиции Рафаила Пампелли.

По Э.Хантингтону, Центральная Азия включала такие территории, как Афганистан, Балужистан (Белужистан – юго-восток Ирана, Ч.Т.), Северная Индия, Тибет, Китай и азиатская Россия. На сегодняшний день, безусловно, его картирование коррелируется существованием в регионе пяти новых постсоветских азиатских республик.

В своей книге «Пульс Центральной Азии» он посвятил кыргызам пятую главу, названную им как «Кыргызские номады и влияние высоких плоскогорий». Он называл кыргызов «магометанскими» и «туранскими» кыргызами. Вполне возможно, что на Э.Хантингтона повлияла идеология джадидизма, позиция которого была сильна в Турции в XIX – начале XX вв. и которая преследовала цель объединения туранских народов, то есть, народов с тюркскими корнями на основе мусульманской религии. В этой главе и затем в других главах отражается попытка автора показать взаимосвязь климата, горной окружающей среды с кыргызским кочевником, уровнем его экономических, физических и ментальных способностей.

Э.Хантингтон побывал среди кыргызских племен, кочевавших на Иссык-Куле, Сон-Коле, в Нарыне и Восточном Туркестане. Он сравнивал их между собой, а также с племенами и народами других регионов и территорий, которые уже прошли его анализ. Методы, которые он использовал, а именно – погружение в изучаемую среду, наблюдение за местными людьми и нередко участие в их повседневной жизни и трудовой практике, не отличаются от современных антропологических методов и подходов [387].

Поиск для подтверждения своей теории он начал с повествования об окружающей горной среде. «Возвращаясь к нашему главному предмету, первая и самая важная географическая особенность Тянь-Шаньского плато, как мы видим, – это памиры или равнины, богатые травой. Они определяют характер животных, включая и жизнь человека. Климат так холоден, и снег лежит так долго, что животные не могут постоянно обитать на плато в большем количестве, если они не зимуют как многочисленные сурки, или мигрируют как птицы; и даже птицам не легко найти пищу из-за дефицита насекомых и сорняков с большими семенами. Все же в течение летних месяцев условия почти идеальны для травоядных разновидностей животных. Человек может легко повернуть этот факт в своих интересах, если он привыкает к постоянному движению. В течение лета богатые, травянистые нагорья способствуют увеличению веса миллионов овец и рогатого скота, но перед зимними снегопадами необходимо отгонять скот вниз к сухим открытым равнинам, или к защищенным долинам, в любой из которых можно разместить животных, в которых выбор бедный, по сравнению с богатыми летними пастбищами»[388]. Верно отмеченная Э.Хантингтоном специфика кочевой экономики, отражает сезонность миграции, правильный выбор маршрутов, вегетационное качество пастбищ и в целом, соотносится с исследованиями Ч.Ч.Валиханова, Н.И.Гродекова, А.Волконского и др.[389]. Ч.Ч.Валиханов хорошо был осведомлен об источниках успешного скотоводства. «Земля, достаточная для прокормления целого города, не будет

удовлетворять одного киргизского (казахского – Ч.Т.) аула, ибо каждый аул должен иметь особое зимовье – место с зимними пастбищами, особые пастбища для весенних, осенних и летних пастбищ»[390]. И хотя Ч.Ч.Валиханов писал о казахском скотоводстве, но сказанное в известной степени относится и к кыргызскому скотоводческому хозяйству.

В центрально-азиатском регионе многовековая практика разведения скотоводства свидетельствует о том, что наличие обширных пастбищ для скота, их качество и удобство расположения было и продолжает оставаться важным фактором успешного развития скотоводства. На состояние скотоводства также влияло время вызревания различных трав на пастбище и особенности солнцестояния. В жаркое время из-за отсутствия травы в равнинах и предгорьях увеличивалось количество насекомых, и во избежание эпизоотии, скот отгоняли высоко в горы, на альпийские луга и горные лощины.

Согласно Э.Хантингтону, у кыргызских племен смена кочевок происходила дважды в год[391]. Однако известно, что у кыргызов практиковался круглогодичный цикл кочевания, включавший четырехразовую смену пастбищ: весенняя, летняя, осенняя и зимняя. В течение года скот находился на подножном корму, без заготовки впрок. Эти характеристики позволили современным авторам сделать вывод, что кыргызские скотоводы до второй половины XIX в. рационально использовали пастбища и не испытывали особого недостатка в пастбищных угодьях, кроме зимних[392]. Как нам представляется, информация Э.Хантингтона отражает результат аграрной политики Российской империи в Центральной Азии в начале XX в., когда пастбища кыргызов в долинных местностях экспроприировались в пользу переселенцев из России, и тем самым, сокращалось количество и продолжительность кочевок у отдельных родов и племен.

Согласно Положению царского правительства от 1867 и 1891 гг., земли кочевников были признаны государственной собственностью, и за тридцать

лет колонизации с 1868 по 1883 годы в Семиреченской области, куда входила и территория Северного Кыргызстана, были созданы 36 русско-украинских поселений с проживанием 2500 семей. И хотя с 1896 по 1905 гг., Туркестанский край был официально закрыт для переселения, тем не менее, стихийная миграция переселенцев из российской глубинки не прекращалась, и таким образом, к 1906 г. в Туркестанском генерал-губернаторстве насчитывалось уже 77 тыс. переселенцев, большинство из которых обжило вышеназванную область [393].

Наблюдая перекочевку кыргызов в районе р. Нарын, и в которой он сам принимал непосредственное участие, Э.Хантингтон отмечал именно те детали, которые уточняли, либо подтверждали его климатическую теорию. Он считал, что кыргызская семья должна следовать за мужчиной, так как было небезопасно оставлять женщин и детей в долине. Однако не меры безопасности заставляли кыргызского мужчину, его семью, род и племя находиться в движении и быть мобильными, а забота о скоте и необходимость его выпаса на различных пастбищах. По мнению Э.Хантингтона, все мужчины, и богатый, и бедный, должны перемещаться одинаково часто, и потому, даже самый богатый не может иметь очень большого или роскошного жилья [394]. Это сведение американского ученого также вызывает некоторое возражение, поскольку в перекочевке усматривалась социальная и имущественная дифференциация членов рода или племени. Большое количество скота было сосредоточено в руках богатых и влиятельных скотоводов, и от размера стада и его видового состава зависели и частота и дальность кочевок у кыргызов. Бедные скотоводы из-за недостаточного количества скота, нанимались к богатым сородичам и получали «саан», то есть, небольшое количество скота на прокорм семьи.

Перекочевка кыргызов в описании Э.Хантингтона выглядела как большой беспорядок, а его эпитеты «глупые овцы», «неуклюжие верблюды», «хаос», прежде всего, отражают его внутреннее эмоционально-психологическое состояние в момент путешествия. «Десять или пятнадцать

кибиток были рассеяны на равномерном зеленом склоне между крутыми серыми утесами. На одной стороне – сотни глупых овец столпились в центре стада; на другой – стада ржущих, лягающих лошадей, жирных кобыл, и игривых жеребят были размещены вместе с крупнорогатым скотом и верблюдами – неуклюжими двугорбыми животными, выглядящими странно неуместными среди высоких гор, и смешными в войлочных покрытиях, накрытых на них, чтобы держать их в тепле и сухими. Деревня была в страшном беспорядке. Разобранные кибитки лежали на земле вместе с домашними вещами, разбросанными вокруг них. Предстояло перемещение, и мужчины, женщины, и дети деловито делали приготовления для этого. Медленно двигающиеся и блеющие стада овец, были уже отогнаны на рассвете, но остальная часть животных развлекала себя среди руин палаток, которые необходимо было упаковать для переезда»[395]. Однако Г.Лансдел, отмечал перекочевку кыргызов, как праздничный аспект и организованную процессию[396]. Материалы дореволюционных российских путешественников также подтверждали, что перекочевка являлась одной из ярких и радостных событий в жизни кыргызского номада. Кыргызы устраивали игры, угощения, и аильчане надевали свои самые лучшие наряды [397]. Перекочевка требовала учета множества факторов: соблюдение очередности прогона скота, определенная скорость движения, в особенности овец и коз, прогнозирование метереологических условий. Все эти мероприятия не были заметны для Э.Хантингтона, и ему казалось, что скот пасется сам по себе, а кочевник не обременен никаким трудом. Более того, племя можно было найти в местах его летовки или зимовки, поскольку они были закреплены за ним издавна. Как заметил С.Гедин, без предварительного соглашения другой аул (аил – прим. Ч.Т.) не имел права вторгаться в эти пастбища[398]. За очень редким исключением, например, в период социально-политической и военной дестабилизации, или когда пастбище отдавалось на некоторое время в аренду другому племени, невозможно было обнаружить племя или род в прежних местах его кочевания.

Перекочевка с зимних пастбищ начиналась ранней весной от начала таяния снегов до начала весенней вегетации трав. Скот содержался на весеннем пастбище 2–2,5 месяцев до тех пор, пока у овец и лошадей не появлялся молодняк. В мае начинался перегон скота на летние пастбища. Как верно заметил Г.Лансдел, перекочевку скота на летнее пастбище начинали с верблюдов и лошадей, потом яловых коров и валухов и, в последнюю очередь, овец с ягнятами[399]. Отметим еще раз, что скорость движения стада была умеренной. Кыргызские скотоводы ориентировались на скорость мелкого рогатого скота, который не должен был проходить в день более 30 км. Дальновидные скотоводы гнали скот не быстрее чем 10–15 км в день[400]. Это было необходимо, чтобы обезопасить домашних животных от дорожных травм и снижения продуктивности, накопленной ими за зиму. На летнем пастбище сородичи, разбивались на более мелкие общины в 3–7 юрт, и такого рода небольшая кооперация была необходима для обеспечения хорошего выпаса, охраны и ухода за молодняком. В середине октября начинался отгон скота на осенние пастбища, а иногда и раньше, поскольку на высокогорных пастбищах уже в конце июля – августа становилось холодно. Спуск в долины и движение скота вниз также имел свой порядок. Для утрамбовки заснеженных дорог сначала перегоняли лошадей, после которых рогатый скот, затем пускали овец и лошадей с вьюками. На осенних пастбищах, кыргызы также занимались серьезной работой. Проводили спаривание и стрижку овец, причем особое внимание придавалось времени стрижки. Шерсть, состриженная в конце сентября, считалась лучшей, и она ценилась дороже весенней. В начале декабря кыргызы начинали перекочевку на зимние стоянки. Выбор зимних пастбищ диктовался удобством содержания разного вида скота в холодное время. Выбирались места с густой и высокой травой и небольшой толщиной снежного покрова, а также такие зоны, где снег сдувался ветром. Учитывались и особенности зимнего солнцестояния, и потому зимой скот выпасали на солнечной стороне, где было меньше снега [401].

Известно, что кыргызы вплоть до начала XX в. специально не строили загонов для скота, а в период окота овец ягнята нередко содержались в юрте, в которой проживали сами кыргызы[402]. Английская путешественница Элла Сайкс писала, что она часто обнаруживала ягнят за юртой и как только она открывала висячую дверь (түүрдук – прим. Ч.Т.), они тут же ее посещали, готовые стать друзьями незнакомой гостье[403]. Лишь некоторые богатые скотоводы держали отдельные юрты, либо сооружали загоны, использовавшиеся в качестве помещения для молодняка.

Если мерилом богатства в западном обществе того периода, да и сегодняшних дней является наличие капитала и его вложение в эффективную и доходную сферу, то для кыргыза количество скота определяло его материальный достаток и социальный статус. Это отмечалось Э.Хантингтоном и другими западными авторами[404]. Англичанка Элла Сайкс писала: «Он (то есть, кыргызский мужчина – прим. Ч.Т.), перечисляя свои владения, первым делом упоминает верблюдов, яков, лошадей, овец и коз, отослав жену и детей в конец»[405]. Будучи в 1898 г. у кыргызов в Кашгаре, леди Макартни, жена британского консула Джорджа Макартни отмечала: «Богатство мужчины измеряется не количеством денег, которое он имеет, а количеством животных, которыми он владеет. И он использует их как деньги при покупке»[406]. Российские путешественники также отмечали материальную ценность скота в мировоззрении кыргызов [407].

Записи Э.Хантингтона также позволяют рассмотреть видовой состав скота кыргызов в начале XX в., который включал овец, лошадей, верблюдов и крупный рогатый скот. Его сведения дополняются записями других исследователей-путешественниц, информативность которых усиливается, благодаря их гендерным особенностям. Если мужчины-путешественники лишь перечисляли разновидность скота и их численность, то женщины-путешественницы отражали детали и характеристики, незамеченные или пропущенные мужским взором. К примеру, английский миссионер Генри Лансдел сухо писал, что «кара-киргизы не так богаты, как казахи Великой и

Малой Орды. Очень мало среди них тех, кто владеет 2000 лошадей или 3000 баранов. Но они выращивают быков, используемых для транспортировки в горах. Их коровы большие, но дают мало молока, зато яки, называемые кудос (прав. Котос – Ч.Т.) дают очень много молока. Овцы принадлежат к курдючной породе»[408]. Наряду с лошадьми, верблюдами, коровами английская путешественница Элла Сайкс отмечала в Оше курдючных овец, вызвавших у нее неподдельное удивление. Она записала, что овцы имели «думба»[409], правильнее «думбӧ», то есть, курдюк [410].

Согласно С.Гедину, численность скота у кочевавших на Восточном Памире кыргызов, выглядела таким образом. Численность скота у 270 кыргызских хозяйств-юрт на Алае составляла 20580 овец, 1703 яков, 383 верблюдов и 280 лошадей, а у кыргызов местности Найза-Таш в районе оз. Ранг-кул, аил которых состоял из 5 кибиток имелось 400 голов овец, 40 яков, 7 верблюдов и 3 лошади[411]. То есть, количественный состав стада у южнокыргызских племен позволяет судить о преимущественном разведении овец и яков, последние в силу хорошей приспособленности к горным условиям Памира-Алая и Тянь-Шаня постепенно вытесняли крупный рогатый скот. Хотя эти данные С.Гедин взял у русских офицеров, но и в этом случае, численность скота может быть заниженной, так как кыргызы не всегда охотно давали информацию о точном количестве скота в стаде, боясь чрезмерного налогообложения или суеверий, таких как сглаз или порча.

История развития овцеводства в Кыргызстане показывает, что кыргызы издавна разводили овец двух пород – курдючных и тонкорунных, или как еще их называли в российских дореволюционных источниках – овец калмыцкой породы. Овцы курдючной породы были менее прихотливы к корму, давали больше мяса и лучше были приспособлены к местным условиям, а овец калмыцкой породы держали ради шерсти[412]. Отметим, что в современном овцеводстве попытки скрещивания тонкорунных овец с неместными породами – типа гиссарских и эдельбейских, а также с

www.bizdin.kg

местными грубошерстными привели к снижению и даже риску исчезновения овец тонкорунной породы [413].

Из записок Э.Хантингтона и других западных авторов, очевидно, что кыргызы преимущественно разводили овец. Их сведения дополняются материалами дореволюционного российского чиновника П.П.Румянцева в обработке современного исследователя Г.Ю.Ситнянского [414].

Состав стада	**Пишпекский уезд (совр.Чуйская область)**	**Пржевальский уезд (совр. Иссык-Кульская и Нарынская области)**
Всего лошадей	209.170	196.369
В т.ч. жеребцов	10.471 (5,01%)	11.433 (5,82%)
Кобыл	13.263 (6, 34%)	9.695 (4,94%)
Меринов	33.565 (16,05%)	32.164 (16,38%)
Кобылок 1-3 г.	75.756 (36,22%)	77.425 (39,43%)
Жеребчиков 1-3 г.	76.015 (36,38%)	63.116 (33,43%)
Всего овец	1.143.723	1.080.772
В т.ч. баранов	19.699 (1,72%)	21.014 (1,94%)
Маток	465.061 (40,66%)	410.091 (37,94%)
Валухов	183.983 (16,09%)	255.347 (23,63%)
Молодняка	474.980 (41,53%)	394.320 (36,49 %)
Всего кр.рог.скота		
В т.ч. быков	3.058 (2,18%)	2.776 (2,73%)
Коров	44.179 (31,56%)	9.453 (9,29%)
Волов	18.533 (13,24%)	18.349 (18,03%)
Бычков 1-2 г.	47.612 (34,01%)	32.297 (31,74%)
Телок 1-2 г.	63.006 (45,01%)	38.884 (38,21%)

Из таблицы видно, что воспроизводство лошадей уступало овцеводству и крупному рогатому скоту, однако именно количество лошадей в стаде

www.bizdin.kg

определяло имущественный и социальный статус кыргызского скотовода. Конь имел огромное значение в хозяйственно-экономической и материально-духовной жизни кыргызов. Он являлся и транспортным средством, и участником военных походов и сражений, а также выступал как самое почитаемое религиозно-ритуальное животное в материальной и духовной практике кыргызского народа[415]. Высочайшая ценность лошади отражена в обычном праве кыргызского народа и в многочисленных кыргызских пословицах. По адату за убийство одной лошади выплачивалось 60 лошадей. До сих пор кыргызы говорят: «Адеби жок жигит жүгүнü жок атка окшойт» (Невоспитанный парень, как конь без узды), «Ат арытмак арзан, журт арытмак кымбат» (Коня истощить легко, а народ изучить трудно)[416]. В стаде богатого кыргыза насчитывалось до 150 голов лошадей, которые с целью получения хорошего приплода делились на косяки численностью по 15–30 голов в каждом. Из таблицы, очевидно, что в Пишпекском уезде, по сравнению с Пржевальским, преобладали лошади. Вероятно, это объясняется тем фактом, что большие ярмарки по продаже живности были сосредоточены в административных центрах Пишпекского уезда, таких как Пишпек, Сокулук и Токмак. Согласно описаниям Г.Маннергейма, русского офицера финского происхождения, совершившего свое путешествие в Центральную Азию в 1906–1908 гг., в Узгене также имелся хороший рынок лошадей [417].

С российской колонизацией и присоединением территории Кыргызстана к России стали завозиться породистые лошади – ахалтекинские, арабские, донские, но они, в основном, содержались в хозяйстве русских и немецких переселенцев. По дороге из Оша в Узген, Маннергейм видел поселения русских и немецких переселенцев. По его мнению, благосостояние немцев было более очевидным[418]. Немцы осуществляли неплохие эксперименты по улучшению лошадей кыргызской породы, смешивая их с англо-донской, орловской и ахалтекинской породами, которых затем они продавали русскому населению и военно-административным структурам местной российской власти [419].

www.bizdin.kg

Количественное превалирование овец в стаде над лошадьми и крупным рогатым скотом было связано и с определенной технологией выпаса скота. Как отмечает современный этнограф Б.Б.Акмолдоева, «...определяющим моментом благоприятного выпаса стада в зимнее время было пропорциональное соотношение лошадей и мелкого скота, которое составляло 1:6, но так как воспроизводство овец и лошадей было неодинаковым, то и наблюдалось резкое повышение поголовья овец, которое регулировалось скотоводами в зависимости от наличия конского»[420]. У казахов удельный вес овец в стаде в среднем составлял 60% всего поголовья скота, а лошадей – более 13%[421]. Также овцы выступали основной экспортной статьей в торговле с Восточным Туркестаном и центрально-азиатскими ханствами. Уровень поголовья овец заметно увеличивался с изменениями социально-политической ситуации в регионе и за его пределами. Так, в связи с прекращением в Восточном Туркестане народно-освободительных выступлений в 60–70-х годах XIX в. и устройством в Кашгаре и Кульдже торговых представительств Российской империи заметно увеличился экспорт кыргызских овец в этот регион [422].

Как заметил Г.Лансдел, коровы, так называемой кыргызской породы, отличались малоудойностью, как впрочем и сейчас. По данным современных кыргызских животноводов эти коровы дают в год по 700–800 л молока[423]. По сравнению с ними яки были более продуктивны в отношении молока. На Памире Элла Сайкс обратила внимание на то, что памирские кыргызы пасли яков, которые были выносливее, и ячье молоко было богаче в сравнении с коровьим [424].

Ценность яка испытана не одним поколением яководов. Сегодня они также, как и в прошлом, незаменимы при транспортировке больших грузов. Их грузоподъемность составляет до 240 кг. Они высокопродуктивны, так как в среднем живая масса ячьего мяса составляет 320–350 кг, они морозостойки и неприхотливы[425]. В 60–70-е годы XX в. поголовье яков в республике, насчитывающее 70 тыс., было самым высоким в Советском Союзе;

некоторая часть яков была вывезена для развития яководства в Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкессию, Чечено-Ингушетию и Северную Осетию (Аланию). Однако на сегодняшний день сложилась иная картина. Несмотря на то, что в 2001 г. правительством Кыргызской Республики была предпринята специальная программа по увеличению поголовья яков и создан международный проект «Мир вокруг яка», численность яков мизерна по сравнению с советским периодом. К примеру, поголовье яков в Алайской долине составляет 3600 голов, в Нарынской области – 8865, где они сосредоточены в основном в Ат-Башинском и Кочкорском районах (4516) и (1978) соответственно[426]. Кстати, в XIX в. для племени Бугу, некоторые рода которого кочевали в районе высокогорного перевала Текес, в Восточном Тянь-Шане, недостаток коровьего молока также восполнялся ячьим [427].

Помимо крупного рогатого скота Э.Хантингтон и другие путешественники отмечали в кыргызских стадах и верблюдов[428], которые служили в качестве транспортного средства и получения верблюжьего молока, шерсти на пошив одежды, обуви и т. д. Верблюдов разводили двух видов: двугорбых и одногорбых драмодеров. Несмотря на кажущуюся количественную неравномерность в видовом и внутривидовом составе стада, все же соблюдался баланс, учитывающий продуктивные способности каждого вида домашнего скота и адаптивный потенциал животных к природно-климатическим условиям и растительно-водным ресурсам горного ландшафта.

В рамках культурной антропологии термин «технология» является культурным знанием, которое необходимо для создания и использования инструментов в добыче и обработке полезных ископаемых[429]. В данном случае, исследование специфики кочевого скотоводства отражает тот факт, что скотоводческое хозяйство кыргызов являлось таким же трудоемким и многооперационным занятием, требующим определенных технологий, знаний и навыков, как и земледельческое. Однако еще раз повторимся, что для Э.Хантингтона и некоторых других путешественников скотоводство

казалось легким и необременительным, и это мнение транслировалось западному читателю и исследователю, закрепляя на долгие десятилетия тезис о малоэффективности труда кочевника и, в целом, отсталости скотоводческого хозяйства по сравнению с земледелием. И лишь только в 1970–1980-х гг. в трудах отдельных западных ученых стала звучать мысль о специфике и продуктивности скотоводческого способа производства в истории народов Центральной Азии и Монголии [430].

Сведения Э.Хантингтона и других западных исследователей отражают тот факт, что в кочевом обществе скот находился в частно-семейной собственности, а пастбище – в общественно-племенном. Данная точка зрения еще с 50-х годов XX в. стала краеугольным камнем, так называемых ревизионистов, которые отвергали официальный тезис о том, что в кочевых обществах именно пастбище являлось основным средством производства материальных благ, а, следовательно, и сутью кочевого феодализма[431]. В постсоветское время данная дискуссия нашла свое отражение в концепциях и подходах современных кочевниковедов, которые попытались рассмотреть специфику кочевнического способа производства, выйдя на позиции, во-первых, уникальности и особого общественного пути развития кочевых народов в отличие от европейских этносов в условиях феодализма; во-вторых, паритетных взаимоотношений кочевников с оседло-земледельческим миром, при которых не только цивилизованные земледельцы получали торгово-экономические и духовно-культурные дивиденды, но и кочевники извлекали не менее эффективную пользу и долгосрочную перспективу от сотрудничества с ними[432]. Если обратимся к истории, то найдем множество фактов, подтверждающих этот тезис. Ведь именно постоянные угрозы кочевников и интересы внешней безопасности Китая вынудили китайских правителей построить Великую Китайскую стену в III в. до н. э. В то же самое время необходимость китайцев в импортной скотоводческой продукции дала толчок для развития торговых магистралей Великого

Шелкового пути и роста оседло-земледельческих поселений и центров в оазисной и степной зоне Центральной Азии.

Таким образом, по мнению Э.Хантингтона, «материальная» и «моральная» жизнь кыргызов, начиная от номадизма, сезонных миграций, одежды, жилища, еды, религии и заканчивая гостеприимством, полностью является отражением их подчиненности существующей окружающей среде, возникшей в результате климатических изменений около 2-х тысячелетий тому назад. Любая трансформация для кыргыза, в особенности в его хозяйственной жизни, почти невозможна и представляет большую трудность. По мнению другого западного экспедитора Г.Лансдела, седентаризация, то есть, оседание кыргызов силой обстоятельств, вероятно, он имел в виду политику изъятия земель в пользу русского переселенческого населения, приведет к упадку жизни кыргызских племен [433].

В целом, западные путешественники были убеждены, что единственно возможным занятием кочевого населения является скотоводство. Однако в центрально-азиатских республиках история советской коллективизации, формирование и развитие национальной промышленности доказали полную ошибочность и несостоятельность их выкладок.

Земледелие. Американский географ, упорствуя в обнаружении фактов для подтверждения своей теории, отрицал наличие земледелия у кыргызов, но, если оно и было, то им занимались бедные сородичи, да и то в мизерных масштабах. «Единственная работа, которую возможно сделать летом – это нажать немного травы для зимы и потому в июле и августе некоторые бедные семьи посылались для этой работы вниз, то есть в долину»[434]. Другой западный путешественник Г.Лансдел усматривал в земледельческих занятиях кыргызов и казахов, которых он считал единым народом, позитивный момент. «Киргизы – по существу народ пастухов и селекционеров рогатого скота, и считают «падением» своей жизни, когда силой обстоятельств они вынуждены обратиться к оседлым занятиям. В таких вынужденных ситуациях они расселяются около городов или деревень, либо нанимаются

чернорабочими в Калбинских и Алтайских шахтах, либо стекаются в крестьянские деревни для сенокоса и сбора урожая, где на них имеется спрос как на дешевую и энергичную рабочую силу. Результатом чего является то, что через поколение или два они становятся цивилизованными, одеваются как русские и называют себя христианами»[435]. Действительно, переселенческая политика царизма одинаково как среди казахов, так и кыргызов усилила процесс их оседания и формирования наемных рабочих, то есть, сельскохозяйственного пролетариата. В отношении мнения Г.Лансдела о христианской идентификации казахов, можно сказать следующее. Наблюдая слабую приверженность казахов и кыргызов к мусульманской религии, вероятно, таким образом, он выражал свою мечту о возможной христианизации кочевого населения. В целом, его идея реализовалась спустя двести лет. Сегодня в регионе этническая база протестантизма полиэтнична и далеко не та, что была в период путешествия Г.Лансдела, которая в то время преимущественно состояла из немцев [436].

Сведения христианского миссионера об успешном развитии земледельческих занятий в Иссык-Кульском регионе, где кыргызы собирали хороший урожай и сеяли такой сорт проса, из которого затем изготавливали спирт, восполняют картину районирования земледельческих занятий на территории Кыргызстана, заметно усилившийся в период российской колонизации. По сравнению с другими районами северного Кыргызстана Прииссыккулье еще с древности являлось зоной оседло-земледельческого населения, а в изучаемый период лучшие пашни находились в восточной части Иссык-Куля. Упомянутое Г.Лансделом просо в XIX в. являлось одним из основных зерновых культур в этом районе и на него приходилось 11,68 десятин поливных и 10 десятин богарных пашен, тогда как на овес – 10,08 и 9,28, на яровые – 9,28 и 7,68, озимые – 9,76 и 8,96 соответственно[437]. Более того, в Семиречье уровень зерновых посевов возрос и в связи с сокращением посевов зерна и развитием хлопководческой индустрии в Фергане. Однако, несмотря на сравнительно значительные масштабы земледельческих занятий

в том или ином районе северного Кыргызстана и сокращение пастбищ в связи с переселенческой политикой царской России, скотоводство оставалось ведущим источником жизнедеятельности кыргызов вплоть до коллективизации в начале XX в. К тому же, существовавшее в кыргызском обществе предубеждение, что земледелие – удел бедных скотоводов, снижал уровень земледельческих занятий среди северян. По этому поводу у Г.Лансдела обнаруживаем: «оседлые и полуоседлые кыргызские семьи имели пашни недалеко от своих летних стоянок и зимних жилищ. Засеяв пашни, они уходили на летние пастбища и оставляли полив и заботу о них нескольким бедным игинчи (вернее, эгинчи – прим. Ч.Т.). Но они выращивают его в том количестве, которое необходимо для употребления в течение года и для сеяния, а излишек обычно продается очень дешево на рынках» [438].

Г.Лансдел путешествовал в 80-е годы XIX в., когда русские колонисты уже основательно обжили север Кыргызстана, а кыргызы, испытывая пастбищный прессинг, были вынуждены вести полуоседлый образ жизни. К примеру, в 1885 г. в Пржевальском уезде у русско-украинского населения посевы пшеницы составляли 301 десятину (1 дес. равна 1,04 га), а в 1892 г. – 338 десятин[439]. Проезжая из Пишпека в Сокулук, Л.Макартни оставила свое наблюдение о ситуации с кыргызскими пастбищами. «Всю дорогу мы ехали по маленьким деревням русских поселенцев, кажется, они захватили землю, которая раньше принадлежала кыргызам. Последних выгнали, и они горько негодовали»[440]. Несмотря на стремление российских властей упорядочить и приостановить стихийную миграцию русского населения в Туркестанский край, каждый год сюда приезжало значительное количество переселенцев, а вместе с ними сокращались пастбищные угодья у кыргызов.

Сведения о земледельческих занятиях кыргызов, расселявшихся на территории современного южного Кыргызстана и Восточного Туркестана, встречаются у Г.Бонвало, И.Данмора, Ф.Янгхазбэнда и Гедина. Так, в местности Ак-Босого (подножие перевала Талдык в Алайской долине) для

www.bizdin.kg

своей экспедиции Г.Бонвало купил муку и фураж для вьючного скота[441], а у И.Данмора обнаруживаем, что сарыколские кыргызы сеют ячмень[442]. Британский агент Ф.Янгхазбэнд также отмечал земледельческие занятия кыргызов в Ферганской и Алайской долинах. Будучи в местности Шахидулла на Южном Памире, он встретил кыргызов, занимавшихся выращиванием мака и его продажей оседлым памирцам [443].

Информацию о состоянии земледелия у кыргызов на Памире оставил и английский исследователь-археолог Аурел Стейн, деятельность которого, прежде всего, была связана с археологическими исследованиями в Восточном Туркестане. В настоящее время обнаруженные им археолого-этнографические находки хранятся в музеях Великобритании, США, Венгрии[444]. В его книге «Внутренняя Азия» (“Innermost Asia”), написанной им в ходе экспедиции в Восточный Туркестан в 1906–1908 гг. содержится информация о развитии земледелия у сарыколских кыргызов. «За недавнее время на равнинах Чатыр-Таша старые террасы были вновь вспаханы кыргызами и на левом берегу реки Кизил-Там был освоен старый канал протяженностью в три четверти милей. На левом берегу местности Кошун-Кор я нашел прямое подтверждение тому, как с тех пор, как я посетил это место в 1906 г., обработка земли здесь возобновилась. Это видно и в местности, называемой Кара-жилга, южная граница обработки земли на Сарыколе в те времена. Мы только начали двигаться с этого места, как я заметил следы древней обработки, и вскоре то же самое заметил на овсяных пашнях, протянувшихся на террасах. Места обработки встречались снова и снова в заграждениях со стенами, служащими зимой, как крыша для скота и для войлочных палаток»[445]. Данная информация отражает преемственность занятий кыргызов террасным земледелием, а также сооружением ограждений для посевов, как в прошлом, так и в период путешествия известного английского археолога, то есть, в начале XX в.

О занятии земледелием в Сарыколе, на Восточном Памире свидетельствуют и названия отдельных районов и территорий. К примеру,

www.bizdin.kg

местность Тегирменсуу была названа так потому, что на реке стояла мельница, а село Алмаян приобрело свое имя в связи с тем, что в этой местности также находилась мельница, где во время обмолота зерна в него добавляли сушеные яблоки[446]. Таким способом кыргызы восполняли потребность в витаминах и белках и способствовали лучшему сохранению муки.

В целом, анализ сведений Э.Хантингтона и других западных путешественников о земледелии кыргызов приводит к следующим выводам. Во-первых, утверждение Э.Хантингтона о том, что земледелие практически невозможное занятие среди кыргызов в силу климата и окружающей среды не имеет своего обоснования. Напротив, на большей части территории Кыргызстана, включающей плодородные долины севера, Алайскую и часть Ферганской долины, годовое количество осадков превышает 400 мм, то есть минимум, необходимый для занятия земледелием[447]. Археологические данные и письменные источники также утверждают обратное. Еще с эпохи бронзы на территории юга Кыргызстана население стало заниматься обработкой земли[448], а на севере страны в период культуры саков в VIII–III вв. до н. э. в разных районах Семиречья – Чуйской долине, на побережье оз. Иссык-Куль появились поселения и хозяйства, основанные на поливном земледелии[449]. Орошаемым земледелием занимались не только в благодатных районах Прииссыккулья, но и в высокогорных долинах Атбаши[450]. Использование кыргызами систем древнего орошения водоотводными каналами из горных речек позволяло им сочетать отгонное скотоводство с полеводством. Посеяв пашню, взрыхленную деревянными сохами (буурсунами), кыргызы укочевывали со скотом на пастбища, а к середине лета, когда наступало время жатвы, перебирались в предгорья и равнины.

Более того, до середины XIX в., то есть, в период господства Кокандского ханства, необходимость заниматься земледелием усиливалось тем обстоятельством, что кыргызы должны были поставлять в кокандские

www.bizdin.kg

гарнизоны зерновые культуры – пшеницу и просо[451]. В том случае, когда кыргызы не выполняли требований кокандцев, с них собирался особый налог «бай-бул», который состоял из 10 лошадей [452].

Климатический детерминизм Э.Хантингтона обнаруживает свою несостоятельность и при рассмотрении сельского хозяйства республики в современное время, в частности, советское, когда организация коллективных и советских хозяйств привела к тому, что занятие скотоводством перестало быть «единственной профессией» и единственным источником материальных благ кыргызского народа. Более того, скотоводство, а правильнее в современных условиях животноводство, стало уделом профессионально подготовленных людей – зоотехников, ветеринаров, дояров. Основное население имело лишь небольшое подсобное хозяйство с малым количеством скота и другой живности. Одним из аргументов против концепции американского ученого выступает и тот факт, когда само животноводческое производство в силу определенных экономических и социально-политических факторов испытало колоссальные изменения, приведшие его к стагнации и упадку. Известно, что в 1990 г. в республике возникла катастрофическая ситуация с пастбищами, истоки которой лежали еще в 1960-х гг. Рост поголовья скота, составивший 10,5 млн. голов, дал нагрузку на пастбища и их урожайность заметно снизилась. Более того, перевыпас скота привел к нарушению не только процесса восстановления травостоя, но и засорению пастбищ ядовитыми и непоедаемыми травами. К примеру, в урочище Каркыра Тюпского района Иссык-Кульской области еще в 1989 г. ядовитые и непоедаемые травы составляли 30–35% травяного покрова, а в 1991 г. – около 70–80%.

Нижеприведенная таблица о количественном соотношении скота и пастбищ в этой области, составленная по материалам Иссык-Кульского областного пастбищного управления[453], нагляднее отражает последствия командно-административного управления в животноводстве за 1990 г. и, возникший в силу этого пастбищный дисбаланс.

www.bizdin.kg

Количество скота на пастбищах Иссык-Кульской области

(голов на 100%)

Районы	Пастбища			
	Летние		Весенне-осенние	
	Норма	Факт.	Норма	Факт
Ак-Суйский	178	502	126	771
Джеты-Огузский	112	308	107	400
Иссык-Кульский	123	600	72	794
Тонский	112	415	85	142
Тюпский	225	500	167	1.229

То есть, вопреки мнению Э.Хантингтона, не в силу климатических изменений, а по причине деятельности человека происходили эти пагубные трансформации.

В постсоветский период в условиях рыночной экономики, напротив, наблюдалось снижение поголовья овец, лошадей, крупного рогатого скота. С целью избежания кризиса в 1991–1998 гг., была проведена реструктурализация сельского хозяйства. Были организованы 54,5 тыс. индивидуальных хозяйств, 367 сельскохозяйственных кооперативов, 318 коллективных крестьянских хозяйств, 47 акционерных обществ и 8 агрофирм, то есть, в сельском хозяйстве создалась экономическая и правовая основа для развития частной собственности[454]. Эти факты и доводы можно приводить до бесконечности, но еще раз они подтвердят нашу мысль о том, что природно-климатический фактор не может быть единственным стимулом в изменении общества, этноса и индивида, как, в свою очередь, социально-экономические, политические и культурные изменения не могут рассматриваться в отрыве от физико-географического и экологического

контекста. Изменения в человеческом обществе происходят в результате совокупного взаимодействия этих факторов.

Таким образом, анализ сведений западных путешественников о скотоводстве кыргызов в изучаемый период позволяет сделать следующие выводы. *Во-первых*, несмотря на то, что их информация была лаконична и описательна в сравнении со сведениями российских путешественников, очевидно, что скотоводство кыргызов продолжало носить экстенсивный характер с постоянной сменой пастбищ. В весенне-летнее время и раннюю осень скот находился в высокогорье на летних пастбищах, а зимой кыргызы спускались в долину на перезимовку. Стадо находилось на естественном подножном корму, и кыргызы не сооружали специальных помещений для содержания скота и не заготавливали корм впрок. Хотя в конце XIX столетия в связи с прибытием русских переселенцев, кыргызы, ощущая дефицит в зимних пастбищах и фуражном зерне, постепенно начинают сооружать из подручных материалов – камней и деревьев – загоны для скота и заботиться о зерновых посевах более серьезно.

Во-вторых, все же западные путешественники рассматривали скотоводство, как единственно возможное занятие кыргызов, причем непродуктивное по своему характеру. Согласно их мнению, жизнь кыргыза вписана в ритм скотоводческих нужд, и многочисленные стада и люди есть одно неделимое целое. Вольно пасущиеся стада, сезонная миграция с одного пастбища на другое с песнопениями, организацией спортивных игр формировали в сознании путешественника идиллическую картину о скотоводстве, при котором отсутствует тяжелый физический труд, особенно мужской, но присутствует полная зависимость кочевника от окружающей среды.

Анализ кыргызского земледелия во второй половине XIX – начала XX вв. в контексте сведений западных путешественников отражает следующие выводы. *Во-первых*, будучи вспомогательной отраслью хозяйства, у кыргызов Прииссыккулья, Внутреннего Тянь-Шаня и Памиро-Алая оно

являлось сравнительно распространенным их занятием, причем еще задолго до присоединения Кыргызстана к России и появления русских крестьян-переселенцев. *Во-вторых*, в конце XIX – начале XX вв. обнаруживается неравномерный характер развития земледельческих работ среди кыргызского населения. Так, на территории севера Кыргызстана начинают выделяться более развитые земледельческие районы, такие как восточное Прииссыккулье, где посевы зерновых культур перерастают рамки внутриплеменного и внутри-аильного потребления и начинают экспортироваться в различные районы Семиреченской области. Но, тем не менее, масштабы земледельческих занятий на севере по сравнению с югом Кыргызстана были скромнее. *В-третьих*, с другой стороны, российская колонизация и аграрная политика царизма определенным образом усилила традиционную установку о непочетности и непрестижности земледельческих занятий. Как верно отмечали путешественники, им занимались бедные скотоводы «эгинчи». Ни один из западных путешественников не отмечал признаков полной оседлости кыргызской семьи или рода ни на севере, ни на юге. Если таковое они заметили бы, то непременно указали бы на это, так как по мнению большинства западных путешественников, Российская империя выступала как актор (от слова «акт» – прим. Ч.Т.) цивилизации и просвещения кочевых народов и племен Центральной Азии. Несмотря на пастбищный дефицит, кыргызы все же неохотно включались в процесс оседания и занятия земледелием и, возможно, эта позиция в определенной мере являлась формой их социального протеста против земельной политики Российской империи.

4.2. Ремесло и торговля

В изучаемый нами период кыргызское хозяйство помимо основных его отраслей – скотоводства и земледелия – не обходилось без домашнего производства, семейного промысла и ремесел, основанных на переработке животноводческого сырья и реже открытых даров природы. Однако

господство патриархально-феодальных отношений обуславливало низкий уровень развития производительных сил, тормозило общественное разделение труда и не способствовало перерастанию домашних промыслов в самостоятельную отрасль – ремесло, как производство по заказу потребителя. При примитивных инструментах и малопроизводительной технологии производились изделия и предметы национально-бытового обихода в основном для хозяйственных нужд внутри рода и племени. Ремесленно-промысловая деятельность кыргызов традиционно характеризовалось гендерной особенностью. Изготовление войлочных изделий, ткачество, шитье, вязание – всем этим занимались женщины, а домашняя выделка овчин и кож, изготовление предметов и изделий из дерева и металла являлись сугубо мужским занятием. Но их объединяло то, что домашнее производство все еще производилось ручным способом и простейшими инструментами, при котором отсутствовала трудовая специализация, и весь процесс изготовления чаще всего осуществлялся одним человеком, либо семьей. С конца XIX – начала XX вв. под влиянием русского переселенческого населения наблюдается применение новых приемов и инструментов, в особенности в деревообделочном ремесле и обработке металла[455], что способствовало пусть незначительному, но выходу из границ «домашней промышленности». Сравнительно высокий уровень наблюдался в изготовлении войлочных изделий различного назначения, и оно приобретало тенденцию к перерастанию в ремесленное производство, ориентированное на рынок.

Западные путешественники, хотя специально не останавливались на промыслах и ремеслах кыргызов, но их описания, зарисовки и фотографии экстерьера и интерьера юрты, приспособлений для ухода за скотом и другие факты дают картину состояния и развития ремесел и торговли у кыргызов во второй половине XIX – начале XX вв. Несколько «прохладное» отношение к «ремесленному креативу» кыргызов, вероятно, объясняется и тем, что западные экспедиторы приезжали с четко заданной целью изучить физико-

географические особенности Тянь-Шаня, Памира, степей и пустынь в зоне уже колониального пространства, и в некоторой степени расспросы о насущных и материальных сторонах жизни местного населения явились бы определенным вторжением путешественника в российские колониальные порядки, затрагивающие интересы хозяев этого пространства. Более того, психологическая установка об отсталости местных народов, а значит и их неспособности производить полезные, а вместе с тем эстетические вещи способствовала аккумуляции несколько одномерного материала.

В записях Э.Хантингтона обнаруживается еще одна попытка утвердить теорию о климатическом детерминизме. «Посуда сделана в основном из кожи и дерева, из самых доступных неломающихся материалов, платье киргизов приспособлено к прохладе и сырости климатических условий, в которых живут люди. Описав эти вещи, мы сразу чувствуем, что они, в свою очередь, ограничивают эстетическое чувство киргизов. Эти люди не могут знать многое об архитектуре или керамическом искусстве; но они могут и действительно пользуются ярко-цветными ковриками и войлочными изделиями, красивыми кожаными коробками, красочными ширмами на дверных проемах, великолепной одеждой или изящно вышитыми женскими головными уборами. Окружающая среда киргизов ограничивает и контролирует, но ни в коем случае не подавляет их эстетическое чувство»[456]. Согласно его мнению, домашняя утварь, одежда, архитектура есть результат суровой горной природы и ее климата. Но в то же самое время, увидев среди них яркие экземпляры, он наделяет кыргызов эстетическим чувством и пониманием прекрасного и, тем самым, противоречит своей теории.

У Э.Хантингтона отсутствуют описания, непосредственно относящиеся к торговле кыргызов, но они имеются у других путешественников. Анализ их сведений обнаруживает то, что экстенсивное скотоводство благоприятствовало меновой, ярмарочной и стационарной внутренней торговле, когда купцы из среднеазиатских ханств, Восточного Туркестана и России производили торг непосредственно в кыргызских кочевьях.

Восточно-туркестанские торговцы, приезжая в кыргызские кочевья и обменивая свои товары на скот и животноводческую продукцию – шкуры, войлок, арканы, получали большую выгоду, так как нередко при такой форме коммерческих сделок не обходилось без своеобразного ростовщичества. Когда осенью торговец менял в долг на молодую овцу, то весной он получал целого барана. Торгово-обменные отношения имели место не только в кыргызских кочевьях, но и в восточно-туркестанских городах, куда кыргызы выезжали для торговли[457]. Во второй половине XIX – начале XX вв. огромную роль в развитии этих видов торговли играло строительство и эксплуатация почтовых трактов и железнодорожных путей, а также развитие скотопрогонных дорог, в частности, одна из таких стала связывать Пишпекский уезд через Кара-Балту с административно-хозяйственным центром казахстанско-степной зоны Аулие-Атой, то есть, современным Таразом.

Скот выступал основной статьей обмена. Овцы и лошади являлись одной из экспортных статей в международной торговле кыргызов с народами Ферганской долины, Восточного Туркестана и Среднего Жуза казахов. Свен Гедин отмечал, что кыргызские овцы пригоняются кашгарскими купцами в Фергану и там продаются по большой цене. От этого купцы извлекают хорошие барыши [458]. На систему спроса и предложения овец во время обмена помимо естественных характеристик – возраста и упитанности – оказывала влияние и внутри- и внешнеполитическая обстановка в кыргызских кочевьях и в Восточном Туркестане. Так, в 70-х годах XIX в., когда несколько сгладилась острота социально-политических противоречий в Восточном Туркестане, стоимость одной овцы возросла от 0,75 тилля до 5 тенге[459]. Очевиден процесс развития специализации восточно-туркестанских городов по купле и перепродаже овец, пригоняемых из Кыргызстана и Среднего Жуза казахов.

Кыргызские скотоводы и сами неплохо знали торгово-караванные пути в города Восточного Туркестана. Западные экспедиторы наиболее часто

упоминали Кашгар и Яркенд, на базарах которых нередко можно было встретить кыргызов. Будучи в Файзабаде (Северный Афганистан), Свен Гедин на базарной улице, среди местных жителей, одетых в халаты, видел женщин в белых «массивных тюрбанах»[460]. Вероятно, он видел кыргызских женщин в элечеках – традиционных головных уборах замужней женщины. О сравнительно широком участии кыргызов в региональной торговле свидетельствуют наблюдения и российских путешественников [461].

В изучаемый нами период Семиреченская область, в которую входило и население севера Кыргызстана, являлась поставщиком скота и скотоводческого сырья на внутреннем рынке. Так, в 1906 г. на Аулие-Атинской ярмарке кыргызы Пишпекского и Пржевальского уездов продали овец и лошадей на 114 тыс. руб., а через 10 лет, в 1916 г., уже более чем на 1,4 млн. руб., что составляло 38% стоимости всего сбытого здесь скота [462].

Второй статьей обмена и продажи являлась продукция, полученная после обработки скотоводческого сырья – шерсти, кожи, конского волоса, кишок домашних животных. Данные по Семиреченской области за 1907–1909 гг. отражают активное вхождение кыргызских и казахских скотоводов в орбиту российской торговли. В 1903 г. в Россию было отправлено 358 тыс. пудов шерсти, конского волоса, кишок, 4400 тыс. штук невыделанных кож, а в 1909 г. соответственно 715 тыс. пудов сырья и 6876 тыс. штук кож[463]. Методом простого исчисления обнаруживаем, что за 2 года товарооборот шерсти возрос на 357 тыс. пудов или 49,9 %, а кожа – на 2476 тыс. штук, или на 36%. Наиболее распространенным было изготовление войлока, который отличался своей белизной и прочностью и имел высокую репутацию в городах Центральной Азии и Восточного Туркестана. Его товарное достоинство подтверждается словами И.Данмора. Он сообщал, что кыргызы производили *numdahs,* или толстые войлочные одеяла и ковры и обменивали их на одежду, обувь, котлы и хлопчатобумажные ткани, изготовленные в России[464]. О выделке хорошего войлока и изготовлении из него одежды упоминал и Ч.Ч.Валиханов. «Из произведений народных рук славится в этой

www.bizdin.kg

орде выделка войлоков, знаменитых своей прочностью. Для домашнего употребления женщины валяют из козьего пуха белые колпаки и бурки, называемые кебенек»[465]. Кебенек, кементай – названия верхней одежды у северных кыргызов. Причем, не только верхняя войлочная одежда, но и валяные шляпы, мужские колпаки ценились покупателями из Бухары и Коканда [466].

Третьей экспортной статьей торговли являлись охотничьи трофеи. В XIX в. возрос спрос на звериные шкурки, и охота стала приобретать определенные черты товарного промысла, хотя и продолжала оставаться преимущественно занятием для простых и бедных скотоводов, а для феодальной верхушки – своеобразным спортивным развлечением и отдыхом. Стоимость лисьих шкур составляла от 21/2 до 21/4 золотых тилля. За три шкуры (волчьих и куницы) отдавали две золотых [467].

Будучи у Кара-кульских кыргызов, Свен Гедин писал: «Каждый вечер в своей юрте я имел прием. Кыргызы приходили из близких и дальних мест и всегда приносили подарки: овцу, куропатку, свежий хлеб, свежее ячье молоко и сметану, за это они получали деньги, одежду, чашки, ножи, которые я купил в Ташкенте для этой цели»[468]. Приведенные Свеном Гединым хозяйственные предметы и вещи: *kazan, chineh, pialeh, tabak, kungan, chugun*, в основном приобретались в Кашгаре, Яги-Гиссаре (Янги-Гиссар – Ч.Т.) и Яркенде[469]. Однако, необходимо отметить, что имелись и национальные кузнецы, плотники и зергеры (ювелиры), которые обеспечивали потребности аильчан в предметах быта. К примеру, железо, добываемое из «шлихового» песка на побережье оз. Иссык-Куль, шло на изготовление наконечников для деревянных сох, ножниц и других необходимых предметов и вещей.

Какая же продукция импортировалась в кыргызские кочевья? В целом, условно ее можно разделить на домашнюю и бытовую утварь, пищевые продукты и текстиль. У Свена Гедина среди перечисленных предметов быта и домашней утвари встречаются слова: «чöгün» – чайник, «казан» – казан.

Металлические изделия завозились из среднеазиатских городов и России, и стоили они недешево, что подтверждается сведениями дореволюционного русского офицера и путешественника М.И.Венюкова: «...Чугунные и железные вещи продаются по произвольно высоким ценам»[470]. Ч.Ч.Валиханов сообщал, что «за котел, в окружности две четверти платят восемь баранов, топор стоит молодого барана, чугунный кувшин также токту (барашка), очаг для котла – барана» [471].

Из продовольственных товаров привозился чай. Хотя Э.Хантингтон не написал в каком именно районе Нарына он находился, но оставил заметку, как сидя в одной юрте с кыргызами, он пил чай с хлебом[472]. Он также не оставил сведений о том, какой сорт чая употреблялся верхушкой кыргызского общества – баями и манапами, но из российских материалов известно, что в центре оптовой торговли чаем – г. Урумчи – реализовывалось пять сортов чая для поставки в другие города Восточного Туркестана и среднеазиатских ханств и, что через Ош и его базар ежегодно проходили от 50 до 80 тыс. лошадиных вьюков чая[473]. Привозился сахар, перец, табак, но, как очевидно из сведений путешественников, их употребляли в минимальных количествах.

Одним из широко распространенных привозных товаров являлись ткани и текстильные изделия, видовой и цветовой ассортимент которых в конце XIX в. выявлял процесс социальной дифференциации в кыргызском обществе, разложение натурального хозяйства и вовлечение кыргызов в систему товарно-денежных отношений.

Дополнительным источником о торговле кыргызов и импорте текстильных изделий и тканей являются зарисовки и фотографии западных путешественников. Известно, что еще до российской колонизации в поставке текстиля существовала географическая и видовая специализация. Так, из Кашгара поступала хлопчатобумажная ткань, называемая «даба», которая использовалась для пошива платьев-рубах, укладки головных уборов-элечеков и т. д. Для верхней одежды использовались плотные и темные ткани

чекмень и тимпаи. Чекмень стоил 20 тенге за отрез, а лучший халат из тимпаи продавался за 4 барана[474]. В Оше имелась специальная группа торговцев, которые, выражаясь современной экономической терминологией, являлись дилерами кашгарских купцов. Часть текстильного товара они продавали на рынке в Оше, а часть – переправляли далее в Фергану.

В кыргызские кочевья наезжали и среднеазиатские купцы со своими товарами, в том числе и с тканями, которые по качеству были лучше, чем кашгарские. Кокандская даба по качеству превосходила кашгарскую, и ее цена варьировалась от 30 пулов до 2,2 тенге[475]. Лучший сорт среднеазиатской ткани «кара-каска» носился кыргызской знатью, центром производства которой являлся Наманган. Стоимость этой ткани варьировалась от 12 до 16 тенге за два куска[476], а кыргызы покупали их за 5 баранов[477]. При курсе, когда 1 тенге равнялся 20 российским копейкам[478], стоимость куска этой ткани возрастала до 100 тенге, то есть вновь видим, завышение цен и определенное ростовщичество. Широко бытовала среднеазиатская набойка, шедшая на подклад для верхней одежды, чапанов. Шелковые ткани в основном носились женами состоятельных скотоводов. Дореволюционные авторы писали: «…здесь совершенно не покупаются, кроме нескольких манаповых жен, и здесь лучший сорт их друя (дуруя – Ч.Т.) стоит, как и в средней орде, 4 барана. В Бухаре, Кокане и Кашгаре за вывоз зекату (зякет – Ч.Т.) платится с 40 штук одна[479], которые шли на пошив платьев и т. д., а шелковая ткань «адрас» бухарского или ходжентского производства употреблялась и для женских халатов» [480].

Российские товары, несмотря на относительно недавнее проникновение в кыргызские кочевья, уже имели спрос у их жителей. Лорд И.Данмор писал: «...Они обменивают эти войлочные нумдахи на хлопок, ткани, ботинки, российские железные чайники и хлопковый ситец»[481]. На долю российского текстиля приходилось 41% всех товаров, завозимых из России в кыргызские и казахские кочевья. Стоимость российских тканей была несколько ниже, чем среднеазиатские и кашгарские, тем более что российские купцы при

продаже своего текстиля в добавок «...сверху в виде поощрения прибавляли один аршин помимо условной мены»[482]. Но, несмотря на это, все же при обмене в выигрыше оставался продавец. «Сукно, стоящее на Ирбитской ярмарке один рубль, аршин они (купцы – Ч.Т.) выменивают на два барана. На барана, который принимается за единицу, дают 4 аршина верверету, 10 аршин нанки, 10 аршин саржи, 8 аршин ситцу и миткаля, которые в Ирбитской ярмарке покупаются в 6 коп.»[483]. Завоз российских тканей в Туркестанский край заметно увеличился после освоения большей части Ферганской долины под хлопковые посевы и развития здесь российских хлопкоочистительных предприятий. По этому поводу у И.Данмора обнаруживаем следующее: «В прошлом году (то есть, в 1891 г. – прим. Ч.Т.) производство хлопка в Русском Туркестане составило 50 тыс. т, или 3 млн. мешков и был продан за цену примерно от 6–8 руб. за мешок. Если даже возьмем 7 руб. за мешок, то доход мог составить 21 млн. фунтов стерлингов. До русской оккупации экспорт хлопка составлял около 100 – 150 тыс. мешков в год и очень плохого качества»[484]. Для реального представления масштабов развития хлопковой индустрии после российской колонизации приведем цифры по Узбекистану, который в настоящее время является вторым производителем хлопка в мире. В 1996 г. республика имела 1,5 млн. т хлопка[485], то есть, с учетом всех технологических и других изменений в производстве хлопка сегодня, все же это всего лишь в 30 раз больше, чем в 1891 г.

Меновая торговля также несла на себе признаки конкурентной борьбы. Между купцами Восточного Туркестана наблюдалась конкуренция за сбыт товаров в кыргызских кочевьях. По сведениям российских экспедиторов, очевидно, что «...все артышские жители занимаются торговлей с дикокаменными кыргызами рода сарыбагыш и ужасные плуты. В бугу в это время (то есть, июль 1858 г.) было много кашгарских торговцев. В дикокаменной орде жили почти месяц, перекочевывая вместе с ними и производя постоянную торговлю, и выменяли 3026 баранов, 6 лошадей, 11

www.bizdin.kg

лисьих шкур и 44 мерлушки»[486]. Но на конкурентную борьбу купцов влияла и позиция кыргызских манапов и биев, в кочевьях которых производился торг. Нередко манапы принуждали караваны кашгарских и среднеазиатских купцов останавливаться в их кочевьях и пользоваться их «гостеприимством», заплатив при этом зякет, то есть, налог за проезд. Усиление торговых связей с Восточным Туркестаном, центрально-азиатскими ханствами и Россией способствовало появлению иных, кроме скотоводства и земледелия видов деятельности, к примеру, работы возчиков, сопровождавших торговые караваны, или оказание услуг по найму вьючного скота, заготовке сена и зерна для почтово-пассажирских станций или экспедиций.

Французский экспедитор Г.Бонвало также подчеркивал торгово-обменные отношения кыргызов и ваханцев южного Памира, предметом обмена которых являлись войлочные изделия, кожа, и иногда одежда, которую кыргызы получали от торговцев в обмен на предоставление яков и верблюдов в качестве транспортного средства[487]. И по сей день кыргызы, проживающие на Большом и Малом Афганском Памире, занимаются скотоводством и яководством и являются поставщиками скотоводческой продукции местному оседло-земледельческому населению [488].

Эквивалентом денег продолжали выступать скот, зерно, пушнина и шкуры диких животных, что в целом, свидетельствует о неразвитости товаро-денежных отношений среди кыргызских племен, хотя на территории Кыргызстана хождение денежных номиналов различного достоинства и происхождения имело место еще с раннего средневековья в VI–XII вв. н. э., то есть, в период расцвета трансконтинентальной торговли – Великого Шелкового пути. Французский путешественник Г.Бонвало сообщал об использовании в качестве денежного эквивалента «жамбы», слитков серебра. «...Мы должны быть в состоянии платить за каждую возможную покупку, или за каждую услугу, которая нам будет оказана, и так как дикари не носят денег, точную цену которым они не знают, мы возьмем очень много туркестанских халатов, чай и сахар, который кыргызы очень любят. Мы

также будем им платить кристально чистой солью, которую будем покупать в Оше вместе с порохом и пулей... В Оше мы также купим хлопчатобумажные вещи, изготовленные в Кашгаре и традиционный китайский чекан, который, вернее будет сказать, является лучшим посредником обмена. Из за отсутствия тканей население Памира, Гинди-Куша и Вахана принимает серебряные пластинки, называемые жамба (прав. жамбы – Ч.Т.). Эти пластинки конической формы и весом 1–2 фунтов. Если вы хотите что-нибудь купить, то вы отрубаете маленький кусочек и взвешиваете его. Туземцы обменивают это серебро на базарах за товары, или делают из них безделушки, и это своего рода путь вклада собственных денег, который имеет большое одобрение среди дикарей, как это было в средние века, когда большинство больших памятников декорировалось драгоценными камнями и минералами, в то же самое время даже сейчас жены африканцев часто одевают на себя 20 фунтов серебра» [489].

Наряду со скотом в качестве денег кыргызское население использовали «жамбы», или слитки серебра различной формы и веса. К примеру, у кыргызов использовались «бөйрөк жамбы», слиток серебра в виде почки человека и «кара кулак жамбы», большой слиток серебра [490].

Из сведений Г.Бонвало очевидно то, что г. Ош являлся одним из крупных административных и торговых центров южного региона азиатской России, где можно было прикупить все необходимые предметы и вещи для экспедиции. Говоря о кыргызах, как о дикарях, Г.Бонвало проявлял имперские взгляды и психологическое насилие. В то же самое время, описание торговли Г.Бонвало и другими путешественниками отражает определенный взгляд на торговлю и рынок как на неотъемлемую часть цивилизации, а также на ситуацию в торгово-экономической жизни самой Европы, которая испытывала разрыв между быстро растущим индустриальным городом и отсталой сельской местностью, рост состоятельного класса и беднеющих слоев капиталистического общества, всесильную власть денег в условиях индустриализации и урбанизации.

Таким образом, анализ сведений западных путешественников позволяет сделать следующие выводы о состоянии и характере домашних промыслов, ремесел и торговли у кыргызов в середине XIX – начале XX вв. Базируясь в основном на животноводческом сырье и использовании открытых богатств природной среды, промыслы и ремесла у кыргызов развивались в рамках домашнего производства и имели тенденцию к специализации. Торговля, при господстве основного вида хозяйственной деятельности кыргызов – скотоводстве и патриархально-феодальных отношениях, преимущественно производилась в меновой форме. Эквивалентом денег выступали скот, продукты скотоводческого хозяйства, зерно и пушнина, а также слитки серебра «жамбы». Торгово-экономические операции производились не только в кыргызских кочевьях, но и за его пределами. Кыргызы нередко сами экспортировали свою продукцию на рынки Восточного Туркестана и оседло-земледельческих районов Центральной Азии и, тем самым, принимали сравнительно широкое участие в международной торговле региона и сопредельных территорий.

Глава V

КУЛЬТУРА КЫРГЫЗОВ В ТРУДАХ ЭЛЛЫ САЙКС И ЛЕДИ МАККАРТНИ

5.1. Жилище, пища и одежда

Традиционное жилище, пища, легенды, предания, сказки, эпосы, песни, и даже знания о том, как создавать материальные артефакты, сегодня определены ЮНЕСКО, как «осязаемое и неосязаемое культурное наследие», подлежащее бережному хранению и всестороннему изучению[491]. Являясь своего рода зеркалом души и духовности народа, они отражают его способность думать, творить, мечтать, и передавать созданные шедевры новому поколению людей. У кыргызского этноса, как и у любого другого народа нашего региона и мира, невероятно огромное количество образцов культуры, которые в XIX в. широко стали записываться и изучаться

дореволюционными путешественниками и исследователями. Впервые об эпосе «Манас», самом объемном эпосе в мире, поведал русскому востоковедению Ч.Ч.Валиханов, назвав его «кочевой Илиадой и народной энциклопедией», а академик В.В.Радлов в 1885 г. перевел один из его эпизодов на немецкий язык и тем самым обогатил мировую тюркологию. Что можно сказать о западных путешественниках и исследователях, каков же их вклад в изучение богатейшего культурного наследия кыргызского народа в прошлом?

Реконструкция материальной и духовной культуры кыргызов второй половины XIX – начала XX вв. возможна благодаря письменному, изобразительному и визуальному наследию дореволюционных путешественников и исследователей – Ч.Ч.Валиханова, П.Кошарова, С.М.Дудина, Ф.А.Фиельструпа и др.[492], которые в совокупности явились и продолжают являться богатейшим источником для серьезных и глубоких исследований современных этнографов и историков о культуре кыргызского народа[493]. Однако вне границ научного исследования, остается другой источник – труды западных путешественников и исследователей. Актуальность их изучения объясняется следующими обстоятельствами. Во-первых, они проводили свои исследования на просторах уже колониальной азиатской России, и по сравнению с российскими путешественниками их исследования более свободны от идеологии колониального господства. Во-вторых, сведения западных экспедиторов акцентируются и на кыргызах, кочевавших в пределах Восточного Туркестана, и анализ этих сведений дополнит не столь многочисленные и недавно начатые исследования об этнокультурной идентификации кыргызов в этом регионе[494]. В-третьих, информация западных экспедиторов о культуре несет на себе гендерный отпечаток. Записки женщин-путешественниц характеризуются особым своеобразием, и в данной главе рассмотрим основные компоненты материальной и духовной культуры кыргызов второй половины XIX – начала XX вв., через призму сведений и наблюдений путешественниц из Европы –

www.bizdin.kg

Эллы Сайкс и Леди Макартни. Их сведения в совокупности с информацией других западных путешественников, а также материалами российских авторов раскроют отдельные компоненты традиционной культуры кыргызов в XIX – начале XX вв. Но, прежде чем обратиться к непосредственной теме, несколько остановимся на социально-политических и культурно-идеологических обстоятельствах, способствовавших выходу западной женщины за пределы семейно-домашней сферы и побуждавших ее предпринимать долгий вояж в неизведанные территории и пространства.

Известно, что в середине XIX – начале XX вв. путешествия из Европы и Америки в другие континенты становятся обычным явлением. Технические возможности для мобильного передвижения – железные дороги и пароходство демократизируют путешествия и придают ему более заметный и динамичный тонус. Они обретают черты массовости и мобильности. Цели путешествий становятся разнообразнее: от деловых (научно-исследовательские экспедиции, миссионерская деятельность, работа в качестве переводчиков, прислуг, учителей) до развлекательных (туризм и охота)[495]. Более того, путешествия становятся не только прерогативой мужчин, но и женщин, которые заражаются духом поиска и приключений вне домашнего пространства и времени. В определенной степени выход женщины в мир путешествий отражал ее побег из традиционной семейно-домашней сферы. Результатом ее прорыва в пространство гендерной самоидентификации и подвижности явился тот факт, что в 1913 г. Королевское Географическое общество Великобритании открыло свои двери женщинам-ученым и исследовательницам [496].

Одни женщины были ведомы, то есть путешествовали, сопровождая мужей или родственников, а другие, к примеру, англичанка Мэри Кингсли (поездка в Западную Африку), ее современница Маргарет Фуллер (в Северную Америку), или Гертруда Белл (путешествующая в начале XX в. в Сирию), становились инициаторами научно-исследовательских экспедиций и самостоятельно пускались в дальние странствия[497]. Маскулинная литература

о путешествиях перестает быть одинокой. Женщины также стремятся запечатлеть свой вояж в виде печатной продукции и активной публичной деятельности. Они издают книги, статьи, выступают с лекциями, дарят уникальные природные и антропологические объекты в музеи. Как и кабинетных женщин-писательниц того периода их волнует проблемы писательской само-презентации и само-авторизации: как они должны писать, какой голос они должны использовать, какое взаимодействие со своими читателями они должны культивировать? И в этом смысле справедлива мысль современной американской исследовательницы Рохан Аманды Мэйтсен[498], что путешественницы-авторы продолжают традиции викторианской эпохи (1837–1901), когда женщины-новелисты дифференцировали себя от категории «историка», фокусировали и интерпретировали виденное в свете персонального опыта. Персонификация отражается даже в названии их книг. К примеру, название книги Леди Макартни звучит так: «Леди Макартни в Китайском Туркестане», а у Эллы Сайкс «Через пустыни и оазисы Центральной Азии»[499]. Однако, в отличие от своих современниц, выезжавших самостоятельно в африканский и американский континенты, Элла Сайкс и Леди Макартни сопровождали своих родных в центрально-азиатскую поездку и в этом плане их деятельность была ведомой.

Как-то известный английский политик и писатель XIX в. Б.Дизраэли сказал: «Восток – это карьера». Десятки тысяч мужчин занимались Востоком, продвигая свои служебные мечты и цели, и если бы сопровождавшие их жены, сестры, дочери, невестки занялись бы описанием Востока, то сегодняшнее международное востоковедение имело бы материалов гораздо больше, чем оно располагает и имеет. Но увы, не у всех женщин было желание и талант это делать. Наши англичанки явились счастливым исключением.

Анализ их работ отражает следующую специфику. Во-первых, их книги можно отнести к автобиографическим эссе-дневникам, так как они

одновременно являлись героями, или точнее героинями действия и собственного писания, наблюдателями и участницами событий, имевших место во время их путешествия. Во-вторых, в отличие от мужчин-путешественников их работы менее амбициозны и в них нет стратегии как можно больше и шире представить последовательную историю кыргызов, связав их прошлое и настоящее. Их наблюдения о кыргызах не изобилуют экскурсами в древнюю и далекую историю, как это отмечается у мужчин-путешественников. Они более естественны и прагматичны, и на некоторые вещи и явления смотрят с точки зрения удобства и необходимости, что в целом, также отражает отсутствие у этих женщин специальных научных знаний и профессиональной подготовки. Но однако, так же как и мужчины, они не лишают себя задачи формирования собственного капитала в открытиях и исследованиях новых земель и народов, и не избегают чувства имперского превосходства и европоцентристского подхода. Путешествие Л. Макартни и Э.Сайкс в роли сопровождающих не означало их изоляцию от традиционных домашних обязанностей, напротив они в определенной степени удваивались в силу издержек дорожной жизни и необустроенности быта. Однако, несмотря на это, во время поездки они нашли в себе силы и терпение соединить домашние обязанности с мобильностью и творческой инициативой.

Хотя их путешествия пришлись на конец XIX – начало XX вв. (путешествия Л.Макартни состоялись в 1898 и 1908 гг., а Эллы Сайкс – в 1915 г.), книги двух англичанок были опубликованы гораздо позже по неизвестным нам обстоятельствам. По структуре и стилю описания они очень сходны между собой; данный факт позволяет нам предположить, что для Л.Маккартни книга Э.Сайкс, вышедшая в 1920 г., то есть на одиннадцать лет раньше, явилась некоторым путеводителем по региону.

В 1898 г. Казер Борланд в возрасте 21 год вышла замуж за Джорджа Макартни, который был британским консулом в Кашгаре с 1890 по 1917 гг., и отправилась из Лондона через Каспийское море, Баку, Андижан,

Самарканд, Ош, перевал Терек-Даван в Кашгар. Будучи женой дипломата, ей пришлось провести в Кашгаре целых семнадцать лет, однако эти годы не прошли для нее даром, так как она была в круговороте многих интересных социально-политических и научных событий. Встречаясь со многими известными путешественниками и исследователями Центральной Азии, такими как Аурел Стейн, Алберт вон Лекок и др., старалась оказать им всяческую помощь. Эта насыщенная жизнь и довольно-таки динамичные поездки с мужем по Восточному и Западному Туркестану дали повод написать книгу, а затем в 1931 г. опубликовать ее в Лондоне под заголовком «Английская леди в Китайском Туркестане». Сравнительно недавно в 1986 г. книга была переиздана с предисловием известного британского историка, автора ряда книг по «большой игре» («Great Game») Питера Хопкирка[500]. Проницательность Леди Макартни проявилась и в том, что еще до Э.Хантингтона[501] она подчеркнула роль номадизма в жизнедеятельности кыргызов. «Очень трудно найти лучший пример, чем номадизм, как результат влияния окружающей среды на состояние и простоту человеческой жизни».

В книге Леди Макартни в главах: «Летний отдых среди кыргызов» и «Путешествие домой через Нарын и Чимкент» содержится информация о кыргызах, кочевавших в местности Бостон-Терек, окрестностях Кашгара и Западном Туркестане, то есть Туркестанском крае царской России. В путешествие они отправились с детьми: сыном Эриком и дочкой Сильвией, няней и шведской миссионерской семьей Хёгберг. Как свидетельствует архивный материал Туркестанского генерал-губернаторства «О разрешениях на приезд в Туркестанский край иностранцев – подданных европейских стран – германцев и англичан и других» путешествия с детьми становились частым явлением в тот период [502].

Другая путешественница Элла Сайкс была сестрой известного военного офицера и исследователя Персии сэра Перса Сайкса, который провел в Персии с 1893 по 1918 гг., то есть около 25 лет своей жизни, и

www.bizdin.kg

написал ряд книг об этой стране[503]. В 1915 г. он был послан в Кашгар, чтобы сменить британского консула Джорджа Макартни. В этот же год они совершили семинедельную поездку по Китайскому (Восточному) и Русскому (Западному) Памиру. В подготовке экспедиции Эллы Сайкс большую помощь оказал известный путешественник и ученый Аурел Стейн.

Э.Сайкс описала жизнь и быт кыргызских кочевников, расселявшихся на Памире, в Восточном Туркестане, и была горда тем, что явилась первой женщиной, побывавшей на крыше мира – Памире. Как и мужчины-путешественники, она была озадачена сбором зоологических и ботанических экземпляров для музеев Европы[504]. Э.Сайкс в Лондоне (в 1920 г.) опубликовала книгу «Через пустыни и оазисы Центральной Азии», которая являлась ее третьей работой после двух первых, посвященных Персии[505]. Таким образом, несмотря на зависимость от родных и обстоятельств, эти пассионарные женщины проявили огромное усердие и талант, чтобы обозначить свой взгляд на Центральную Азию и ее культуру.

В 1898 г. семья Л.Макартни вместе со шведской семьей Хёгберг отправилась в местность Бостон-Терек (Восточный Памир), являвшуюся кочевьем кыргызов. В долине им приготовили юрты, которые были ею описаны следующим образом: «Среди примитивных жилищ рядом с маленькой мечетью мы нашли комфортабельную комнату, которая могла быть детской. Мы поставили большую юрту для нашей спальни и несколько юрт для кухни и прислуги. Миссис и мистер Хёгберг были размещены в маленьком доме, состоящем из маленькой комнаты и зала. Мы тотчас почистили комнаты, чтобы удостовериться в отсутствии скорпионов по углам, и затем распаковали вещи и разложили ковры и походную мебель так, чтобы было как можно комфортнее»[506]. Из этого описания очевидно, что лишь только после секуляризации чужого пространства и его обустройства для собственных нужд, Л.Макартни приступает к исследованию окружающей среды, кыргызов, их жизни и быта, то есть, в этом отношении ее позиция

www.bizdin.kg

адекватна индивидуалистской культуре и подходу мужчин-путешественников.

Она называла юрту белым домом «Ak-Ois». «Их палатки, или Ak-Ois, покрыты толстым войлоком, сделанным из шерсти их животных; деревянный каркас юрт связан между собой лентами из шкур; канаты, используемые для соединения войлока, сделаны из шерсти вручную; и даже топливо, которое они используют для приготовления пищи и обогрева – это помет животных. Мы нашли Ak-Ois различных размеров, некоторые были диаметром в 15 м, а другие меньше. Они чрезвычайно комфортабельны и просторны для жизни, и вертикально могут стоять в разных местах»[507]. По сравнению с привычными для нее стационарными комнатами, которые она решила использовать в качестве детской для своих детей, все же юрта выглядела менее комфортной для европейца. Но как жилище для номада, все части которого, начиная от войлочных покрытий, связанных арканами, деревянного остова, соединенного полосками шкуры, и заканчивая таким специфическим топливом для обогрева и приготовления пищи, как кизяк, юрта просторна и комфортна. Согласно ее описанию, очевидно, что кыргызы этой местности использовали два типа жилища – юрту и стационарные глиняные дома, которые во время ухода кыргызов на летние пастбища пустовали, или вероятно оставлялись бедным родственникам[508]. В местности Ак-Беит, близ Ат-Баши, семье Макартни была приготовлена юрта, в которой были стол, стулья и кровать[509], что свидетельствует о влиянии русской культуры на интерьер кыргызского жилища.

Л.Макартни, описывая юрты кыргызов, расселявшихся в разных районах Восточного и Западного Туркестана, очень слабо и неясно представляет отдельные части деревянной конструкции и войлочных покрытий юрты, ее интерьер и экстерьер. Этот пробел восполняется сведениями Эллы Сайкс и других западных путешественников. Э.Сайкс, назвав юрту «Akhoi» – «ак-ой», «white house» – белый дом и сравнив ее с жилищем туркмен в северной Персии, дала более детальное описание ее

деревянной и войлочной конструкции. «Деревянный ивовый остов юрты высотой 4 футов (кереге, здесь и далее – прим. Ч.Т.) располагается на земле, образуя круг. Изогнутые рейки (уук) вставляются в деревянный обод (tündük) подобный купольному сооружению. Большие войлочные покрытия (жабык) обвязываются вокруг юрты веревками, оставляя свободным верх для того, чтобы пропускать свет, воздух и дым от очага. В случае действительно плохой погоды войлок, может быть отодвинут на открытый круг и снова отведен назад по тому же принципу, как вентиляция в некоторых театрах Лондона. Хорошо резная деревянная конструкция (эшик) расположена между концами решеток и служит, как дверь; она увешивается циновкой, войлоком или ковром. Внутри конструкция полностью закрывается войлоком, наверху решетки я заметила красный войлок с голубым цветочным узором, который покрывал половину юрты, другая часть украшена войлоком с одинаковым дизайном, но краски противоположные. Это жилище может быть куплено за 7 фунтов стерлингов (китайские жамбы), но те, что лучшего качества, часто доходят до 35. Место для еды покрыто коврами, а в центре оставляется углубление для очага. Некоторые старые ковры очень приятны своими мягкими маренами, индиго и зеленью. Любимый дизайн – изображенные цветы, но, увы, большинство из них сожжены искорками, которые попадают от хвороста, используемого для огня. Все путешественники говорят о ценности юрты, и я всегда благодарна ей за ее пространство, и в хорошую погоду за ее комфорт, хотя во время снега или дождя я обнаружила, что она имела некоторые недостатки. К примеру, отверстие наверху дает столько влаги, но если подвинуть войлок, я лишалась света, и если я заворачивала ковровую дверь, то я не имела уединения, и подвергалась яростным порывам ветра, так как стены не имели герметизации. Войлочные покрытия, покрывающие стены были полны дырок, что в дождливый день каждый имел столько дискриминации. Чтобы защитить себя от дождя, брызгающего на мое лицо, не один раз я спала под моим макинтошом, укрывшись с головой»[510]. Такое подробное описание юрты встречается только у Э.Сайкс и

оно изобилует как ценными для нас этнографическими наблюдениями, так и психологическими моментами, раскрывающими ее внутреннее состояние и реакцию Сайкс на неожиданную дорожную ситуацию. Извлечем из ее сравнительно объемных сведений информацию, которая отражает родоплеменные и региональные особенности юрты, бытовавшие среди кыргызов Восточного Туркестана и которые, в целом, сходственны с таковыми у южнокыргызских племен. Ее наблюдение о высоте решетчатых стенок юрты в 4 фута, или 1,2 м отражает региональные и племенные характеристики в изготовлении стенок юрты – кереге, которые бытовали у кашгарских кыргызов, вероятно, у племен Кара-теит и Теит родоплеменной группы Ичкилик. Согласно современным исследованиям, низкие решетки бытовали у кыргызов Памиро-Алая. Стандартная длина решеток составляла от 1,2 до 1,7 м [511]. По всей видимости, в этой юрте не использовался «бакан» – длинный шест, с помощью которого открывали или закрывали купольный войлок. По мнению казахского исследователя Н.Шахановой, бакан юрты также являлся олицетворением мужского начала, плодородия и размножения, и во время родов кыргызская роженица садилась направо от очага лицом к огню и держалась обеми руками за бакан[512]. Вероятно, в этой юрте баканом, выступали веревки, прикрепленные к «tündük» – куполу юрты. У дореволюционных российских авторов не встречается информации об использовании красочных внутренних войлочных покрытий[513]. Вероятно, красочные ленты для подвязывания юрты использовались лишь в быту вышеназванных племен. Заметка о неудобстве юрты и ощущении дискомфорта в ней отражает внутреннее психологическое состояние Сайкс, ее тоску по дому и тяготы дорожной жизни. Такое чувство было знакомо не только английской путешественнице, но и другой иностранке, китаянке по имени Сицзюнь, которая, согласно китайскому поэту Бань Гу, в конце II в. до н. э. была отдана в жены правителю усуней и жаловалась на неуютное «цюнлу», то есть жилище кочевников [514].

www.bizdin.kg

Свое наблюдение Э.Сайкс, прежде всего, адресовала западному читателю и будущим путешественникам, а чтобы им было понятно, она через дефиниции и сравнения: «вентиляционная система лондонских театров», «макинтош», «частное уединение», «дискриминация» дает им установку о необходимости адаптации к неожиданной культурно-пространственной ситуации в среде кочевников. Эта характеристика также отражает тот факт, что в изучаемый нами период даже такие передовые и смелые женщины, как Э.Сайкс, все же чувствовали себя менее уязвимыми именно в пределах дома, чем в границах общества, где они имели определенный авторитет и защиту.

Информация женщин-путешественниц о юрте дополняется наблюдениями мужчин, которые по-своему воспринимали ее. Во-первых, большинство путешественников фиксировали название юрты такими словами, как «tent» – палатка, «kibitka» – кибитка, «felt tent» – войлочная палатка, «white house» – белый дом и реже «oui-üй», «ak-oi» – белый дом, «boz-ui» – «боз-üй» и по всему тексту встречаем первые три артикуляции, в целом, облегчающие восприятие другими путешественниками чужой культурно-пространственной среды и их взгляд на юрту с точки зрения практической функциональности и ее удобства во время путешествия и частого передвижения. Впрочем, такого же мнения придерживались и русские администраторы, которые нередко использовали юрту, как склад для продовольственных запасов и амуниций[515]. Во-вторых, юрта для них нередко выступала знаковым и основным фоном при фиксации людей и других артефактов кочевой культуры. К примеру, Свен Гедин на фоне юрты запечатлел кыргызку с маленькими сыновьями, в некотором роде «кыргызскую мадонну»[516]. С одной стороны, эта фотография отражает использование древней традиции художественной репрезентации женщины, то есть женщины с младенцем[517], олицетворяющей универсальную дихотомию: заботливая мать и хранительница домашнего очага, с другой стороны, Свен Гедин, выбрав юрту в качестве «антуража», очертил

подчиненность кыргызской женщины пространству семейно-домашней сферы.

Фотографии и зарисовки юрты путешественников являются дополнительным источником в реконструкции отдельных деталей в ее экстерьере. Так, на фотографии Свена Гедина можно разглядеть, что верхний край войлочного покрытия юрты имеет орнаментацию[518]. Обычно узор вырезался из красного войлока темной расцветки и нашивался на край верхнего войлочного покрытия, называемого «тутуу», и этот орнамент назывался у кыргызов «тутуу баш». По мнению этнографа К.И.Антипиной, данный орнамент, названный ею трилистником был распространен в восточной части Ошской области[519], а в северном Кыргызстане его называли «карга тырмак», то есть «лапки ворона», который и по сей день является одним из самых распространенных орнаментальных мотивов декоративно-прикладного искусства современных мастериц. По мнению казахского исследователя Чокана Валиханова, внутреннее убранство кыргызской юрты имело нарядный «щеголеватый» вид. Ленты, которыми связывались длинные шесты «ууки», отличались яркостью и богатой орнаментацией[520]. Это наблюдение характеризует локальные особенности северокыргызского племени Бугу, которые использовали узорные ярко-красочные тканые ленты «жел боо» для перевязывания надкупольных жердей юрты[521]. Кочевавшие в юго-западных районах современной Ошской области племена группы Кесек и Жоо-кесек для крепления юрты применяли чисто белые тканые ленты[522]. В любом случае, фотография Гедина расширяет географию использования этого орнаментального мотива у кыргызов, кочевавших в восточной и юго-восточной части Памира, то есть в западной части Китая, которые, по информации бека из местности Су-баши, принадлежали к племени Теит [523].

У американского географа Э.Хантингтона обнаруживаем информацию о юрте, но она нацелена на подтверждение его теории о зависимости кыргыза-кочевника от окружающей среды, а, следовательно, и его жилище, также является продуктом климатических изменений. «Например, жилье

должно быть таким, чтобы его можно было легко переносить с места на место. Все мужчины и богатый, и бедный должны перемещаться одинаково часто и даже самый богатый не может иметь очень большого или роскошного жилья. Материалами для домов являются ивовые палки и шерстяная ткань, потому что они – наиболее легко доступны. Чтобы противостоять тяжелому слою снега и дождю, круглая палатка толстая и упругая. На крыше имеется большое круглое отверстие, которое покрывается войлоком, но чаще остается открытым для того, чтобы выходил едкий дым от сжигания высушенных экскрементов, которые являются единственным доступным топливом. Однако самая существенная особенность жилья – это непринужденность, с которой оно может быть разобрано по частям и перемещаться с места на место»[524]. Легкие и подвижные сборно-разборные деревянные конструкции юрты позволяли женщине участвовать в ее сооружении, и нередко она одна без помощи мужчин могла собрать и разобрать свой деревянно-войлочный дом. Более того, кыргызка нередко становилась во главе кочующей процессии, которая включала соплеменников, многочисленных овец, верблюдов и лошадей, груженных юртами и другим нехитрым скарбом. Как было отмечено выше, будучи у кыргызов в районе Нарына, Э.Хантингтон участвовал в их переезде на летнюю кочевку [525].

По материалам Э.Сайкс и Л.Макартни очевидно, что у кыргызов долины Сарыкол бытовали два типа юрт: одни с невысоким сферическим купольным верхом, так называемые тюркские юрты[526], и юрты с конусообразным верхом, или калмыцкие[527], казавшиеся из-за незначительного сгиба жердей юрты выше и меньше. Современный этнограф С.М.Абрамзон отмечал бытование юрт с уплощенным куполом на юге, в Таласской и Чаткальской долинах Кыргызстана. На севере республики бытовали конусообразные юрты. В середине XIX в. юрты с уплощенным куполом стали использоваться и в северном регионе страны[528], хотя юрты такого типа (тюркские) были известны еще с древнетюркской эпохи (VI в. н.

www.bizdin.kg

э.)[529]. Конусообразные юрты, или калмыцкие, вероятно, стали бытовать в кыргызских кочевьях Прииссыккулья и Центрального Тянь-Шаня со времен нашествий джунгаров в XVII в. В целом, экстерьер и интерьер юрты, ее войлочные покрытия, тканые орнаментальные вещи и изделия были результатом физической и художественной деятельности кыргызской женщины.

У Л.Макартни имеется описание внутренней сегментации юрты: на левую мужскую (эр жак), правую женскую (эпчи жак), напротив очага и двери центральное место для гостей (төр), собственно сам очаг (коломто) и вход (эшик)[530]. Однако путешественница не знала, что эта упорядоченность пространства кочевого жилища и каждая вещь в ней имели не только утилитарное значение, но и несли художественную и религиозно-философскую нагрузку.

В прохладное время кыргызы нередко содержали молодняк в юрте. Английский миссионер Г.Лансдел заметил, что зимой некоторые бедные кыргызы содержали скот в юрте, и дети спали и играли вместе с ним. Э.Сайкс часто обнаруживала маленьких ягнят в юрте за занавеской[531]. Даже в недавнем прошлом, у памирских кыргызов можно было заметить привязь для скота в юрте[532], а у племени нойгут часть юрты для новорожденных ягнят называлась специальным термином «көгөн» [533].

Таким образом, анализ сведений западных путешественниц-женщин Э.Сайкс и Л.Макартни о кыргызской юрте в совокупности с визуальной и письменной информацией о ней мужчин-путешественников: С.Гедина, Г.Лансдела, Э.Хантингтона отражает следующие выводы. *Во-первых*, преобладающим типом жилища для кыргызских племен был не стационарный, характерный для оседло-земледельческого населения, а юрта – переносное жилище кочевников-скотоводов, которое являлось с точки зрения иностранцев комфортабельным жилищем кочевников. *Во-вторых*, кыргызы, в том числе и кашгарские, также использовали два типа юрты: с полусферической формой купола или, так называемая тюркская юрта и

конусообразная, то есть калмыцкая – с более вытянутым верхом, что отражает общенародные черты в конструкции и дизайне юрточного жилища. *В-третьих*, внешний декор юрты кыргызов отличался яркостью своего убранства, а ее внутренний интерьер и размещение утвари определялись их хозяйственно-бытовым назначением, причем без нарушения традиционного правила сегментации пространства юрты на важные зоны: правую женскую и левую мужскую, место для гостей, очаг и вход. *В-четвертых*, западные путешественники, отмечая достоинства юрты, такие как ее мобильность, транспортабельность и неприхотливость, все же смотрели на нее как на жилище, непригодное для европейца, в котором он не в полной мере испытывал личную безопасность и морально-психологический комфорт.

Пища. Пища является одним из важных компонентов материальной культуры любого этноса. Через нее характеризуются не только биологические особенности человеческого организма, но и отражается взаимодействие этнических, социальных, исторических и экологических факторов, обеспечившее сложение и развитие определенной системы и культуры питания у народа. Она также значима для идентичности индивидуума во всех ее проявлениях – биологическом, социальном, психологическом и гендерном[534]. Как у оседло-земледельческих народов и культур, так и у кочевников за многие века сложилась особая специфическая система питания и потребления, которая ни при каких превратностях их исторических судеб кардинально не изменялась и не теряла своих основных качеств, таких как сезонность и мясомолочная направленность. По справедливому мнению Н.Шахановой, «пища номадов Евразии отражает схожесть экологических условий, близость хозяйственно-культурного типа и интенсивность исторического и культурного контактов между номадическими группами в разные периоды истории» [535].

Несмотря на свою краткость, а порой неточность, описания западных путешественников отражают этнокультурные особенности пищи и системы питания, черты застольного этикета и гостеприимства у кыргызов, но вместе

с этим они не избежали демонстрации своего европейского превосходства, открыто удивляясь и даже с некоторым презрением отмечая отдельные моменты и явления.

«Как и следовало ожидать от их среды, пища киргизов очень ограничена в разнообразии, и съедалась самым простым способом (Подч. Ч.Т.). Типичная пища, которую я пробовал, вероятно, покажется неприятной для цивилизованных людей. После хозяина прибыл его сын, который держал в руке тазик и медный кофейник с водой, восточным способом он лил воду на руки гостям один за другим, конечно, сначала он начал с иностранца, как с самого почетного гостя. Когда мытье закончилось, быстро наступил обед – большое количество вареной баранины в огромной деревянной миске. Хозяин махнул своей рукой над миской и крикнул «кушайте», кто-то еще крикнул «кушайте», и затем каждый сидящий по-турецки киргиз, крикнув «кушайте», вытащил свой нож из ножен и бросился на тарелку. Сцена, которая последовала, была похожа на подачу мяса диким животным в зверинце. Каждый человек хватал кость и со своим ножом и зубами разрывал огромные куски мяса или жира и с сильным причмокиванием отправлял их в свой рот. Самые изящные части, голова и печень, предлагались старшим банкета, которые умело выбивали глаза и выдергивали язык сваренного барана. Когда аппетит был несколько успокоен двумя или тремя фунтами мяса и фунтом или двумя жира, большинство гостей начали пить суп, а затем с праздным размахиванием сальных рук и жадными глазами стали наблюдать, как эпикуреец ломал и сосал кость, и как один или два из более квалифицированных резчиков подготавливали легкое рубленое мясо. Жирный хвост, который был действительно восхитительным, отобранная часть печени и хорошие части другого жира и мяса умело были порезаны в прекрасные кусочки и смешаны с супом, оставшимся на дне одной из мисок. Когда смесь была готова, каждый человек умело и шумно отправлял это в широко растянутый рот, или в качестве уважения ложил в рот рядом сидящему соседу. Очень быстро еда закончилась. День за днем их питание

одно и то же, как этот обед, исключая только то, что количество мяса может быть меньше и кумыса больше»[536]. Наблюдение Л.Макартни синхронично сведению Э.Хантингтона. Семья Макартни, будучи у кыргызов в местности Бостон-Терек, близ Кашгара, купила пять овец, абрикосы, хлеб, морковь и рис, чтобы устроить обед в честь посещения этого места и проведения, как писала Макартни, «летних каникул» среди кыргызов. На обед прибыло 100 с лишним кыргызских мужчин с детьми, а женщины остались дома сторожить стадо от волков. Обед готовился самими кыргызами. Увидев, как кушали кыргызы, Л.Макартни воскликнула: «Как они кушали! Я никогда не видела никого, кто бы так пожирал пищу, как они. Они руками рвали мясо на куски, и если испытывали необычайную дружбу к рядом сидящему, то ему толкали в рот лакомый кусочек»[537]. В районе оз. Чатыр-кол кыргызы угостили семью Макартни сахаром и малиновым вареньем; и как писала путешественница, при этом, как дети, испытывали огромную радость[538]. Отметим, что эти продукты были еще редкостью для самих кыргызов, и они припасали их для самых почетных гостей.

Экосистема, как верно заметил Э.Хантингтон, существенно влияла на формирование культуры питания и производство продуктов у кыргызов, но так же, как и сентенция Л.Макартни, его описание полно имперского предубеждения к пищевым обычаям кыргызов. Такая позиция была характерна не только центрально-азиатским путешественникам, но и многим западным экспедиторам, наезжавшим в другие регионы земного шара. В 1786 г. Александр Уолкер, будучи среди местных индейских племен в местности Нутка в Канаде, восклицал: «Слова не могут передать отвратительность народа. Они кушают как свиньи... и пожирают с жадностью отбросы и еду»[539]. Томас Парк, побывавший в экваториальной Африке в 90-х годах XIX столетия, оставил следующее описание африканской манеры питания. «Восемь или десять мужчин кушали из одной тарелки руками, картина скорее была рассчитана на притупление аппетита»[540]. Как отмечает современный исследователь Тим Янг, записи путешественников о питании

племен в Африке амальгамируются отвращением к ним и их еде, и, в целом, это является своего рода «пищевой фальсификацией». В действительности, принижая африканскую пищу и их манеру кушать, путешественники выражали свое отношение к последствиям капиталистической индустриализации и урбанизации, имевших место на Западе в XIX столетии. В этот период в городах Великобритании адаптация к жизни оказывала значительное влияние на культуру питания и продукты. Горожане стали физически меньше прикасаться к продуктам, то есть готовить дома и потреблять домашнюю пищу. Индустрия общественного питания (полуфабрикаты, рост заведений общественного питания, рынки с готовой едой) усиливала различие между городскими и сельскими жителями, разделение между производителем и потребителем. И, по мнению Т.Янга, презрительное отношение к пищевым привычкам африканцев – своего рода деструкция, которую испытывали путешественники в результате утвердившихся последствий индустриального развития и урбанизационных процессов в Европе[541]. Эстраполируя теоретический дискурс Т.Янга на центрально-азиатский путешествующий нарратив о пище, обнаруживаем ту же самую рефлексию путешественников.

Вместе с тем, сведения западных экспедиторов являются зеркалом, отражающим общенародные и родоплеменные особенности кыргызской пищи в изучаемый период. Система питания кыргызов была сезонной. В зависимости от времени года превалировала та или иная совокупность продуктов. В весенне-осеннее время преимущественно употреблялись молочные продукты, а зимой – больше мяса и мясной пищи. По материалам Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., около 80% казахов питались скотоводческой продукцией, а у 18% населения питание состояло из продуктов скотоводческо-земледельческого хозяйства[542]. Тот же расклад был распространен и у кыргызов. Вместе с тем, нельзя не отметить влияния на рацион питания и социального фактора. Байско-манапская феодальная верхушка употребляла разнообразную, преимущественно

мясную пищу, тогда как основная масса – букара питалась крайне скудно и однообразно, в основном, молочными продуктами.

Баранина и конина были основным мясом в питании кыргызов, однако все же лошадь резалась по случаю значительных родоплеменных событий и праздников – свадьбы, рождения ребенка, годовых поминок[543]. Надо отметить, что перед забоем скота, кыргызы произносили слова: «Много дней прошло, много ночей прошло, у тебя вины нет, у нас пищи нет, от врагов и тебе и мне досталось»[544], то есть и эта практика кыргызов имела ритуальное содержание и отражала связь с религиозно-мировоззренческим комплексом. В данных словах проглядывается поклонение тотемному животному и придача ему антропоморфного статуса. В изучаемый период кыргызы усилили и разнообразили обряд жертвоприношения и ритуального принятия пищи инкорпорацией в него мусульманской религии. Э.Хантингтон и Е.Данмор отмечали, что кыргызы перед едой просят благословение у Аллаха[545]. И как было отмечено выше, в большинстве случаев ритуализация забоя скота и употребления пищи были связаны с тремя важными событиями в жизни человека – рождением, женитьбой и смертью. Частью ритуала являлось и мытье рук, которое, как заметил Э.Хантингтон, начинали с самого почетного гостя.

У западных путешественников сложилось мнение, что кыргызы в неограниченном количестве потребляли мясо. Отметим, что не только они, но даже и Ч.Ч.Валиханов, казахский исследователь и русский офицер, который с детства наблюдал обильную мясную пищу в рационе у казахов, будучи у кыргызского манапа племени Бугу Боромбая, удивлялся количеству сваренного мяса, которое сравнивал с Талгарским пиком, с одним из высоких горных хребтов на Северном Тянь-Шане[546]. Как нам кажется, Ч.Ч.Валиханов здесь слукавил. Через свое удивление он хотел продемонстрировать и доказать свою полную адаптивность русской культуре и сопричастность к ней. В реальной жизни мясо овцы или коня не поедалось только одной, нуклеарной кыргызской семьей, оно через упорядоченную

систему дистрибуции справедливо и сбалансированно распределялось между членами расширенной семьи, а нередко и рода. Тем самым кыргызы обеспечивали постоянный и непрерывный прецедент соучастия каждого члена рода в формировании и укреплении внутриродовых и племенных связей. В этой традиции также прослеживается забота о здоровье каждого члена родового сообщества и насыщение его организма белками животного происхождения. И, наконец, этот обряд отражал реализацию принципа социальной справедливости в кыргызском обществе, что было также необходимо для политического управления и безопасности семьи и рода.

Возрастные, племенные, религиозные, социальные и гендерные факторы влияли на дистрибуцию мяса у кыргызов. Так, во второй половине XIX в. среди племени Бугу мясо сваренной овцы распределялось таким образом: крестец и таз отдавали почетному гостю, а голову – «ничтожному», то есть простому человеку[547]. Отметим, что эта традиция до сих пор бытует среди кыргызов северного побережья оз. Иссык-Куль, в частности, у племени Саяк (с. Тору-Айгыр), где самому почетному гостю при угощении бараниной дают «жамбаш» (повздошную кость, бедро туши), а голова отдается младшему по возрасту. Женщинам в возрасте и почетным гостьям отдается куймулчак, копчиковая кость. В районах Центрального Тянь-Шаня, Нарына и Тогуз-Торо, напротив, почетным куском мяса считалась голова [548].

Другой формой дистрибуции мяса, которое вызвало отвращение и у Э.Хантингтона и Л.Макартни, являлось угощение присутствующих гостей кусочками мяса от своего устукана, то есть, от распределенной кости баранины или конины. Происхождение этого обычая связано с существованием патриархально-родового строя у кыргызов, когда еда являлась достоянием и собственностью рода, и равное распределение между сородичами продуктов скотоводства являлось неотъемлемым законом и нерушимым табу в жизнедеятельности кыргызского общества. Этот обычай давал возможность выжить всем и каждому в отдельности. С другой стороны, это было проявлением гостеприимства и высокого уважения гостя.

www.bizdin.kg

Да и сегодня, у кыргызов во время празднеств и похорон в сельской местности, а нередко и в городе можно встретить этот обычай, который трансформировался в дистрибуцию мяса в посуде; он одинаково выражает две ситуации – неизбывное качество кыргыза – гостеприимство и уважение традиции, а также чувство социального единения и солидарности. Вспомним, что обычай, предусматривающий обмен пищи и питья с гостями за трапезой был характерен не только для кыргызов, но и для других народов Центральной Азии. К примеру, у кочевых узбеков был развит реципрокный обмен на уровне не только племенного тождества, но также и международных взаимоотношений. По описанию Махмуда ибн Вали, узбекские ханы, отпив глоток кумыса, передавали кубок кому-либо из присутствующих, в том числе и послу [549].

Путешественники не отмечали какие-то другие блюда, приготовленные из мяса. Хантингтон лишь только описал «нарын», то есть мелко рубленое мясо, заправленное бульоном. Однако известно, что ассортимент мясных блюд был довольно-таки широк. Чучук, казы, быжы – разновидности колбас, жöргöм – кушанье из легких и желудка, и другие блюда приготовлялись кыргызскими женщинами.

Наряду с мясной пищей употреблялась молочная и растительная. Путешественники отмечали, что молоко и сметану они едят свежими, однако Э.Сайкс оставила заметку, что «кыргызы варили молоко в больших сосудах с таким результатом, что оставался едкий дым, и мы находили пиршества и молочные пудинги совершенно несъестными»[550]. Из молочных продуктов они упомянули кислые шарики – курт, курут, который кыргызы изготавливали из отжатого и засушенного творога[551]. А из растительной пищи отмечали хлеб. Несмотря на то, что кыргызы издревле занимались земледелием и переработкой сельскохозяйственных культур, все же выпечка хлеба не была столь распространенной, как у оседлых народов. Так, среди кыргызов местности Бостон-Терек Л.Макартни отмечала, что из близлежащего района Опал для приготовления обеда были принесены рис,

морковь, другой хлеб (подч. Ч.Т.) и абрикосы[552], а, будучи у бека кыргызов Чатыр-куля, семья Макартни отведала свежеиспеченный хлеб с хорошим чаем[553]. Отметим, что только в начале XX в. на юге, в г. Оше переработка культур начинает приобретать товарный характер. В 1903 г. в городе было 52 мельницы, на которых работали 112 рабочих[554]; а в это же время на севере Кыргызстана зерно вместе со скотом и животноводческим сырьем поставлялось на рынки Каракола, административный центр Иссык-Кульского уезда[555]. Э.Хантингтон, будучи у кыргызов Центрального Тянь-Шаня, в частности, в районе оз. Сон-кол, отмечал следующее: «Хозяин на грязную ткань поставил металлический поднос, содержащий маленькие куски хлеба и сахар. Хлеб был в форме кубов половина дюйма в диаметре, такими, какими я видел, когда женщины их готовили, как пончики в горячем жире в огромных железных котлах, единственной посуде для кулинарии. Среди самых сильных кочевников хлеб – большая редкость, и я имел удовольствие угостить детей, которые никогда не пробовали его прежде»[556]. Судя по всему, это – боорсок, кусочки теста, прожаренные в жире. Таким образом, хлеб продолжал оставаться роскошью, и в основном употреблялся кыргызской элитой. Кроме хлеба, путешественники отмечали рис, которым Г.Бонвало запасся в большом количестве для своей экспедиции, а Л.Макартни, будучи у кашгарских кыргызов, отведала плов[557]. Сравнительно широкое употребление кыргызами риса и блюд из него отмечал и Ч.Ч.Валиханов. Как он писал, «рисовое пшено» поставляется в кыргызские кочевья среди широко завозимых товаров, как ткани и котлы. А в крепости Куртка (совр. Нарын), его угостили пилавом, то есть пловом[558]. По мнению современного исследователя С.С.Губаевой в XIX в. на всю Ферганскую долину славился рис из Узгена и Джалал-Абада, где рисовые посевы занимали 47,8% [559].

Однако растительная пища, в целом, сравнительно слабо присутствовала в рационе кыргызов. Это было вызвано тем, что скотоводство являлось основным видом хозяйства, и скотоводческая продукция и продукты в основном полностью покрывали потребности кыргызов, а во-

вторых, известная общенародная установка, что земледельческие занятия – это удел бедных кыргызских семей и родов, снижала их статус в хозяйственной деятельности.

Основными напитками кыргызов являлись молочные и растительные собственного производства. Молочные: кумыс – кобылье молоко, айран – кислое молоко широко бытовали у кыргызов. Правда, не всем путешественникам кумыс приходился по вкусу. «Один глоток кумыса достаточен для меня. Я обнаружила, что он кислый и с запахом дыма, и потому я не имела желание повторять этот опыт», – писала Сайкс[560]. Из пшеницы, ячменя и проса готовили жарму – род похлебки, из дробленого толокна или ячменя – максым, из ячменя, проса, кукурузы и солода (проросшей пшеницы) – бозо[561], который, по мнению В.В.Радлова, употреблялся не с целью захмелеть или утешиться, а как полезный и целебный напиток в зимнее время[562]. Кроме традиционных напитков у состоятельных кыргызов – баев и манапов присутствовал привозной чай. «После того, как поднос был на месте, наш хозяин взял некоторые фарфоровые чашки из сетки в круглой деревянной коробке, и вытер их другой сальной тканью, и заполнил их чаем. Каждый гость выпил три или четыре пиалы», – писал Э.Хантингтон[563]. Наряду с привозным, готовился чай собственного приготовления. Жаренную на масле муку или талкан, то есть толокно, добавляли в молоко, разбавленное водой, заправляли солью и кипятили. Как писал дореволюционный исследователь-врач В.И.Кушелевский, южные кыргызы приготовляли подобным образом чай, называя его «ак-чай», «шир-чай», или калмыцкий чай[564]. Подобная технология приготовления чая имела место и среди северян [565].

Согласно наблюдениям путешественников, употреблялся сахар, перец, соль, но по тому, как сахар бережно хранился в сундуках у кыргызской хозяйки и подавался только гостям, а применение соли было минимальным, или вовсе отсутствовало в мясном бульоне[566], можно заключить, что в конце

XIX в. эти продукты все еще относились к предметам роскоши и употреблялись в минимальных количествах.

Таким образом, резюмируя наше исследование кыргызской пищи в контексте трудов западных путешественников, заключаем, что, *во-первых*, традиционная кыргызская пища, несмотря на российскую колонизацию и изменение социально-политической, экономической и культурной ситуации, все же характеризовалась своей сезонностью и мясомолочной направленностью. Мясо домашних животных – овец и лошадей являлось основным сырьем для приготовления пищи. *Во-вторых*, сведения западных путешественников, хотя и не изобилуют наблюдениями о всех блюдах кыргызской кухни, тем не менее, они реконструируют региональные особенности в питании кыргызов юга и севера Кыргызстана, а также Восточного Туркестана. *В-третьих*, сравнительно-сопоставительный анализ их сведений с информацией о пище колониальной Африки позволяет сделать вывод об общности подходов западных путешественников в презентации системы питания локальных народов и культур, и которые в целом, отражают стратегию фиксации европейского превосходства и имперской власти в чужом пространстве и времени. И, наконец, *в-четвертых*, отношение европейцев к системе и культуре питания местных народов и племен являлось проекцией их поведенческого стандарта в условиях западной индустриализации и урбанизации, приведшей к усилению пропасти между городом и деревней, заметной дифференциации между производителями и потребителями пищевой продукции, началу женской эмансипации на Западе и выходу европейской женщины из домашней сферы.

Одежда. Сведения западных путешественников об одежде кыргызов, как и их рисунки и фотографии в изучаемый период представляют значительный интерес для истории и антропологии. Во-первых, из них видно, что кыргызская одежда, сохранив ряд архаических черт в формах, деталях, покрое и декорации, была удачно приспособлена к кочевому образу жизни и в этом она во многом походила на одежду других кочевников-

степняков, хотя и отличалась своими самобытными чертами и деталями. Во-вторых, их информация отражает взаимоотношения кыргызов с народами Центральной Азии, Восточного Туркестана и России в прошлом и современное им время. В-третьих, хотя их наблюдения, фотографии и зарисовки раскрывают не весь «гардероб» кыргыза, тем не менее, эта информация, реконструируя этническую, утилитарную и эстетическую функцию традиционного костюма, является существенным источником в его классификации и типологии, систематизации и реконструкции, а также в воспроизведении знакового символа в рамках колониальной концепции «мы–они». В-четвертых, в них проявляются трансформации, связанные с российской колонизацией и знакомством кыргызов с культурой русских переселенцев. И, наконец, в-пятых, анализ изучаемого источника отражает эстетические вкусы и наклонности кыргызов, его способы выражения «я» через вещно-материальный мир, частью которого выступала и одежда. Рассмотрим те виды одежды, которые представлены в записях, фотографиях и зарисовках западных экспедиторов.

Известно, что отличительными факторами в традиционной одежде кыргызов являлись возрастные, гендерные, социальные, религиозные и сезонные особенности. Так, верхняя одежда кыргызов – чапан хорошо реконструируется по фотографиям и зарисовкам западных путешественников – Эллы Сайкс, Свена Гедина и Габриэла Бонвало[567]. Однако верхняя одежда кыргызских мужчин и женщин мало чем отличалась друг от друга; единственным отличием являлась отделка воротников, форма и вид застежек или пуговиц. Так, чапан с меховой отделкой, плисовым воротником и с застежкой, декорированной шелковыми шнурами был весьма популярен у кыргызов, да и у других народов Центральной Азии и Восточного Туркестана[568]. Такая импортная одежда носилась только лишь родоплеменной феодальной аристократией.

О слабости гендерной идентификации через верхнюю одежду свидетельствует запись Элсуорса Хантингтона. «Одежда кыргызов

адаптирована к холоду и сырости климатических условий. Описывая эти вещи, мы понимаем, что они (то есть, климатические условия – прим. Ч.Т.) лимитируют эстетические чувства кыргызов. Мужчины были одеты в высокие сапоги, черные конические войлочные шляпы с полями «астрахан» и длинные стеганые халаты (Подч. Ч.Т.), которые так часто были мокрыми и маслянистыми. Женщины так же, как и мужчины, надевают длинные стеганые халаты и высокие сапоги. Однако многие снимали наружную одежду и одевали просторные халаты из белого хлопка, или в случае богатых, из ярко крашенного красного, бордового и желтого шелка. Рукава одежды длиннее рук на 5–6 инчей, то есть на 10–12 см, и заменяют перчатки, защищающие в холод, особенно во время езды верхом» [569].

Обращение Э.Хантингтона к кыргызской одежде неслучайно, так как она еще раз подтверждала его теорию о доминировании окружающей среды в развитии человека и его истории. Именно окружающая природа требовала от кыргызов создания или приобретения такой одежды, главное достоинство которой не ее эстетичность и удобство, а защита и изоляция от климатических условий.

Согласно фотографиям Э.Сайкс и С.Гедина, а также материалам Б.Л.Тагеева (1897), фотоальбому Б.Л.Громбчевского (1898–1899), фотоколлекции С.М.Дудина (1901–1902) очевиден факт широкого распространения среднеазиатских кашгарских и российских тканей, шедших на пошив ярких халатов и других видов одежды. Так, адрас-башаи, полушелковая ткань была очень популярна среди кыргызских женщин, и из них изготавливали халаты, платья, юбки-бельдемчи. Не менее популярна была ткань бекасаб, полушелковая материя с характерными темными полосами. Из нее также изготавливали чапаны. Ткани, привозимые из Кашгара, – тимпа, баранг, тас использовались для пошива повседневного и праздничного костюма[570]. Ткани различных сортов привозились и из России, к примеру, армячина и вельвет шли на пошив верхней одежды[571]. Безусловно, дорогие и красочные ткани использовались кыргызской элитой.

www.bizdin.kg

К примеру, на зарисовках Г.Бонвало проводники его экспедиции были одеты в халаты, ткань которых заметно грубая и простая, тогда как на фотографии С.Гедина кыргызский бек местности Мургаб одет в халат, сшитый из дорогой и красочной материи. Э.Хантингтон отмечал, что яркая одежда из шелка носилась только кыргызской знатью[572]. Эти наблюдения путешественников потверждаются и коллекцией халатов-чапанов Кыргызского исторического музея[573]. Однако заметим, что цветовая атрибуция в одежде маркировала не только социальный статус кыргыза, но и его возраст – красочная одежда предпочиталась в молодом возрасте.

Как было отмечено выше, их фотографии реконструируют этнокультурные и этногенетические связи кыргызов с племенами и культурами давних эпох. Так, на фотографиях Э.Сайкс («Женщины в торжественной одежде», «Кыргыз с дочкой»), С.Гедина («Кыргызский бек аила Мургаб», «Русские и кыргызы в форте Памир»)[574] кыргызы стоят в чапанах с запахом справа налево, известного еще с тюркской эпохи [575].

О более позднем влиянии уже культуры русских переселенцев на традиционный кыргызский костюм свидетельствуют фотография Свена Гедина (на которой он запечатлел кыргызского родоначальника, стоящего среди джигитов и российских военных и одетого в халат-чапан с застежкой в виде косоворотки)[576] и платья–рубахи из Кыргызского национального исторического музея [577]. Вполне очевидно, что для фотографирования кыргызы одевали лучшую, а скорее праздничную одежду, которая являлась «костюмом-символом»[578], заметно отличавшимся от повседневного одеяния.

Гендерная идентификация более ярко и отчетливо проходила через головные уборы кыргызов, семантика которых имеет утилитарно-бытовое, религиозно-философское и эстетическое значение. Так, головные уборы мужчин – колпак и тюбетей реконструируются через описания, фотографии и зарисовки западных путешественниц и путешественников[579]. Э.Хантингтон упоминал о черном войлочном колпаке с полями «астрахан». В словаре К.К.Юдахина слово «астар» иранского происхождения означает подкладку,

www.bizdin.kg

подкладочный материал, а глагол «астарлуу» – одежду на подкладке[580]. Согласно таблице этнографа С.М.Абрамзона «Различия в мужской одежде северных киргизов в XIX в.» и исследованиям К.И.Антипиной [581], по краю колпака подшивалась ткань из бархата или вельвета, и вероятно, слова «астарлуу», «астарлык» Э.Хантингтон неправильно услышав, записал его таким образом.

У кыргызской женщины выделялись три основных вида головных уборов. Первый вид женского головного убора – это девичьи шапочки-тюбетейки, назывались «кеп», «топу». На одном из рисунков французского путешественника Габриэла Бонвало и шведского исследователя Свена Гедина встречаем детей в таких шапочках[582]. Нередко эти шапочки украшались перьями птиц – совы, куропатки, филина, что отражает архетипичные связи с тотемным культом птицы у кыргызов[583]. Известно, что на юге Кыргызстана подобные шапочки шились из недорогой ткани и носились довольно-таки долго, с 12–13 лет и до 40-летнего возраста [584].

Второй вид головного убора назывался «шөкүлө», который надевали во время свадебной церемонии и пиршества. Однако у Г.Лансдела, считавшего кыргызов и казахов племенами одного народа, «саукеле» вместе с кибиткой, конем или верблюдом являлся частью приданого невесты; если семья бедная, то давали жолук[585], то есть платок. «Шөкүлө», высота которого составляла около 50 см, а нижний край оторачивался мехом ценного зверя – лисицы, соболя, куницы и т. д., также украшался перламутром (седеп – кырг.) и кораллами (марджан – кырг.), то есть полудрагоценными камнями, олицетворявшими плодородие. Как нам представляется, своей формой «шөкүлө» напоминало горную вершину, устремленную к верховному божеству «Тенгри», который покровительствовал институту брака и семьи у кыргызов. Безусловно, не забывалось значение женского покровителя Умай-эне, который вступал в свои права чуть позже, как божество семейного благополучия, рождения и воспитания детей[586]. Заостренный верх являлся как бы пиком девичьей зрелости и красоты, олицетворяя готовность девушки

к важной жизненной вехе – стать верной женой, заботливой матерью и хранительницей домашнего очага. В философско-этическом смысле он означал предел ее беззаботной девичьей жизни, и переход в пространство новых поло-ролевых обязанностей и функций.

После замужества «шөкүлө» сменялся на «элечек», головной убор замужней женщины. Для изготовления элечека необходимо было два куска хлопчатобумажной или шелковой материи длиной около 10–20 м. Одна часть покрывала шею и плечи, а другая часть укладывалась в несколько слоев на голове, образовывая, как заметил Э.Хантингтон, «прекрасно сконструированный цилиндр», а по мнению Л.Макартни, «громадный кокон»[587]. Обращаясь вновь к фотографиям Свена Гедина, обнаруживаем на одной из них группу женщин в элечеках с надлобным выступом [588].

Такая же вариация была распространена у некоторых родов племени Адигине, расселявшихся на Памиро-Алае. На фотографии Э.Сайкс женщины также в элечеках с массивным надлобным выступом, а у молодой кыргызки на него накинута лента, имитирующая кереге юрты. Вероятно, этот элемент отражал ее недавнее замужество и обретение семейного положения и статуса. Надлобный выступ защищал от солнца. Имелся и другой вариант укладки элечека – с выступом налево и направо, бытовавший в Прииссыккулье[589]. Как верно отметила Л.Макартни, форма и цвет этого женского головного убора зависели от племени[590]. Современные исследователи усматривают в элечеке некоторую архаику, когда он еще не укладывался в столь массивный тюрбан и являлся олицетворением вступления девушки в брачный и материнский статус[591]. Женские чалмообразные головные уборы, сначала в виде повязки, имевшие место среди оседлых согдийцев[592], а затем более массивной конструкции среди женщин кочевых тюрок трансформировались, улучшались и к XIX в. среди кыргызов имели место вышеописанные вариации и особенности. В целом, этот вид головного убора, зафиксированный западными путешественниками, дополняет и обогащает комплекс элечеков, обнаруженный этнографом

www.bizdin.kg

К.И.Антипиной по материалам дореволюционных российских путешественников и собственных экспедиций по Кыргызстану[593]. Под «элечек» надевали шапочку «кеп-такыя», которая в области затылка имела вертикальное к низу узкое полотно, прикрывающее косу. Как нам представляется, философская эстетика этого головного убора заключалась в том, что он полностью защищал первостепенную красоту женщины – ее длинные и черные волосы от чужого мужского взгляда и влиял на формирование величественной осанки. Он являлся своего рода щитом, предохраняющим кыргызку от природно-климатических воздействий и от преждевременного старения.

Одним из атрибутов, подчеркивавших женскую красоту, ее индивидуальность и принадлежность к той или иной родоплеменной и социальной иерархии, являлись ювелирные украшения, которые несли в себе художественно-декоративную и ритуально-магическую нагрузку. К сожалению, подобно российским исследователям[594] западные путешественники и исследователи не вдавались в их детальное описание, а лишь только упомянули некоторые из них. Элсуорс Хантингтон писал: «Из-под головного убора, покачиваясь до пят, висят черные косы, на концах которых одна или две серебряные монеты и ключи от семейных сундуков»[595]. Вероятно, Э.Хантингтон видел женское украшение, называемое «чолпу», широко бытовавшее у кыргызок в Чуйской долине, на Иссык-Куле и Внутреннем Тянь-Шане. Подобное описание встречается у Л.Макартни для кыргызок Восточного Туркестана[596]. Это украшение отличалось характерным подвязыванием серебряных монет к концам кос[597]. На одной из зарисовок француза Г.Бонвало можем увидеть кыргызскую девочку лет 10–13 с височным украшением «Сöйкö – желбüрöч», а в описании Э.Сайкс это украшение выглядит так: «Все вещи сделаны грубо, но эффектно выглядящие ожерелья из кораллов и серебра с длинными подвесками, имели серебряные кнопки и пуговицы. Некоторые (кыргызки – прим. Ч.Т.) имели прекрасно вышитые шапочки с серебряными пуговицами и

www.bizdin.kg

заканчивающимися утолщенными цепочками, висящие над ушами»[598]. Особенность этого украшения заключалась в том, что оно свисало в районе висков до плеч и исполнялось особой техникой филиграни [599].

Инкрустация драгоценными и полудрагоценными камнями, такими как коралл, сердолик, бирюза, опал и др. была широко распространена среди кыргызских зергеров, мастеров по металлу. По поверьям ряда народов Центральной Азии, в том числе и кыргызов, кораллы обладали магическим свойством давать его обладательнице большое потомство, предохраняя от злых духов и напастей. В лечебных целях они использовались как лекарство от язвы желудка и как кровоостанавливающее средство. Сердолик также считался камнем-оберегом от нечистых сил[600]. И даже в советское время, время господства атеизма, женщины промышленных городов Сулюкты и Кызыл-Кия носили бусы из коралла и перламутра[601]. В орнаментации ювелирных украшений встречались растительные и зооморфные мотивы, геометрические формы и фигуры, а позже стали встречаться также охранные надписи на арабском языке, свидетельствующие о проникновении мусульманских традиций в декоративно-прикладное искусство кыргызов.

Таким образом, очевидно, что анализ традиционной одежды кыргызов в письменной и визуальной информации западных путешественников приводит к следующим выводам. *Во-первых*, одежда, адаптированная к условиям окружающей среды и нуждам кочевой деятельности кыргызов, имела много общих черт по крою, манере ношения, запаху с одеждой народов всего центрально-азиатского региона и Восточного Туркестана. *Во-вторых*, одежда кыргызов, кочевавших по территории современного Кыргызстана и в пределах Синьцзяна, отражала общность этнического происхождения и проявление единых народных и регионально-племенных черт в ней. И, наконец, *в-третьих*, кыргызская одежда не была консервативной и неизменчивой. В связи с новыми социально-экономическими и культурными изменениями, пришедшими с Российской

колонизацией, она также испытывала новые технологические тенденции и дизайнерские веяния.

5.2. Религия, традиции и обряды

Духовная культура кыргызов второй половины XIX – начала XX вв. также отражается в работах западных путешественников. С нашей точки зрения, хотя их сведения не так уж широки и детальны, тем не менее, как и информация российских исследователей, ставшая первоклассным источником для современных ученых и специалистов[602], они раздвигали на Западе горизонты знаний о духовной культуре Центральной Азии; во-вторых, через их информацию реконструируется взаимодействие и взаимовлияние домусульманских верований и культов с исламом в широком географическом пространстве; в-третьих, ими зафиксированы кыргызские легенды и предания, которые не встречаются у российских исследователей, а, следовательно, они малоизучены, а вполне и возможно, что еще не введены в научный оборот отечественной фольклористики. Рассмотрим те компоненты духовной культуры кыргызов, которые представлены в их трудах – религию, обряды и традиции.

Религия – одна из значимых идеологических конструктов культуры этноса. Возникнув на заре человеческой цивилизации как проявление слабости и страха человека перед природой, со временем она превратилась в мощный инструмент влияния и власти в человеческом социуме. Не явилось исключением и кыргызское общество, в котором во второй половине XIX – начале XX вв., религиозная система, включавшая в себя различные верования, такие как шаманизм, тотемизм, культ сил природы и предков и набирающий духовные обороты ислам, являлась социальным регулятором и управляющей силой.

В списке задач экспедиции С.Гедина значится пункт – изучение религиозных верований и лингвистических особенностей полудиких племен[603]. Но схожей задачей был одержим не только шведский географ, но

и другие путешественники. Их интересовал ислам, степень его влияния и распространения среди кыргызов. Как нам представляется, этот аспект духовной культуры привлекал их внимание неслучайно. Российская колониальная администрация отчасти поддерживала мусульманство в Центральной Азии, как один из идеологических и практических инструментов реализации собственной имперской политики и власти; и путешественники стремились понять, насколько позитивно и успешно для Российской колонизации продвигался этот проект[604]. Как отражают сведения западных, да и российских путешественников, распространение и влияние ислама среди кыргызов не было одинаковым в региональном и племенном контексте. Будучи в 1873 г. на севере Кыргызстана, Ю.Шуйлер подчеркивал, что «кыргызы также, как и кыргыз-кайсаки, номинальные магометане; но хоть бы несколько человек слышало о существовании Мухамеда, они по-прежнему не знают никаких молитв, или как практиковать какие-нибудь ритуалы этой веры»[605]. Аналогичное мнение обнаруживается у Э.Сайкс, но только в отношении восточно-туркестанских кыргызов, о которых она писала, что кыргызы номинально следуют Пророку и они – номинальные сунниты. Они придают небольшое значение обрядам, и не соблюдают Рамазан, но это не повод беспокоиться, так как они имеют нескольких мулл, которые могут показать им правильный путь[606]. Действительно, среди кыргызских племен деятельность мусульманских проповедников (мулл, молдо) была одним из существенных и эффективных средств инкорпорации ислама в их религиозное мировоззрение. Татарские священнослужители, посылаемые царской администрацией с целью снижения влияния центрально-азиатских, в частности, бухарских мулл на кочевое население[607], обучали взрослых и детей Корану и мусульманской ритуальной практике. Л.Макартни, пребывая в местности Бостон-Терек, близ Кашгара, напротив, отмечала, что все кыргызы мусульмане. О сравнительно широком влиянии ислама на южнокыргызские племена и его проникновении в брачно-семейную сферу обнаруживаем в сведениях Свена Гедина. Проведение

семейных праздников не обходилось без муллы, то есть мусульманского служителя. Рождение ребенка сопровождалось празднествами и угощениями. На третий день ребенку мулла давал имя из Корана. К имени добавлялось слово оглы, например, Кенче-Сатовагды-оглы[608]. Вероятно, Кенже Сатывалды. Известно, что у кыргызов тюрское слово «оглы», как приставка к имени не употреблялась. К имени новорождённого использовали приставку «уулу», или «кызы», обозначающую сын или дочь. Вероятно, ошибка произошла из-за неправильного перевода с кыргызского на русский язык.

О распространении ислама в южнокыргызских племенах свидетельствует и другое наблюдение западных путешественников. Молитва читалась до и после принятия пищи[609]. И.Данмор, будучи у памирских кыргызов, заинтересовался легендой о происхождении племени Калта-Байтал[610]. Вполне возможно, что легенда впервые зафиксирована И.Данмором, так как она не встречается у российских исследователей. Факт, что с приходом ислама и усилением его влияния, традиционные кыргызские легенды стали впитывать в себя и мусульманские сюжеты и объяснения. Как писал Ю.Шуйлер, легенда о происхождении кыргызов от красной собаки и сорока девушках позднее трансформировалась в легенду о сорока девушках и морской пене, которая была создана и послана Пророком [611].

Однако в целом, во второй половине XIX – начале XX вв. мусульманизация кыргызов не была столь широкой и глубокой, как среди узбекского или таджикского населения.

Труды западных экспедиторов также отражают присутствие в системе религиозных воззрений кыргызов и культа святых, ритуальная практика которого была связана с мазарами. Мазарами выступали не только могилы святых, но и географические объекты: горы, реки, перевалы. В начале XX в. в Туркестане насчитывалось 1211 мазаров[612]. С.Гедин упоминал, что на перевале Кызыл-арт (правильнее – Кызарт) есть могила святого (святых?), пригорок из камней, украшенный рогами козлов и кусочками ткани; в этом месте его проводники стали усердно молиться, прося Аллаха о безопасном

переходе через перевал[613]. Известна легенда, по которой в один прекрасный день сорок девушек решили прогуляться из одного аила в другой, но на перевале из-за внезапного бурана потеряли дорогу и замерзли. Спаслась лишь только одна бедная девушка, одетая в тулуп. 39 девушек были похоронены здесь, и с тех пор это место называется Кызарт[614]. Кыргызы до сих пор поклоняются мазарам. В 1996 г. американский исследователь Д.Ву, посетив перевал Ат-Бел (3500 м) на Восточном Памире, видел мазар, украшенный рогами горных козлов и хвостами яков на длинных шестах[615], то есть, очевидна практика так называемого народного ислама, вобравшего в себя как языческие культы, так и мусульманство.

Культ духов был тесно связан с шаманством – одной из древнейших форм религиозной деятельности народов Центральной Азии и Сибири[616]. Вот что писал Ю.Шуйлер о шаманизме кыргызов: «Они сохраняют свой шаманизм. Согласно Бардашеву, обряд огня празднуется ночью в четверг, жир бросается на огонь, вокруг которого горят девять ламп. Здесь читаются молитвы, в течение которых богослужители изнемогают, так как больше никто не умеет их читать. Их шаманы имеют длинные волосы, шапки, рукава с лебединым пухом внизу»[617]. Информатором Ю.Шуйлера выступал не только Бардашев, но и Ч.Ч.Валиханов, так как он одним из первых в дореволюционной тюркологии стал изучать шаманство у казахов и кыргызов и посвятил ему свою работу «Следы шаманства у киргизов». Его заключение о возникновении шаманства среди кочевых народов в результате поклонения силам природы в обстановке кочевого хозяйства, несомненно, является важным научным словом в дореволюционном кочевниковедении[618]. К этому можно добавить заслуги Ч.Ч. Валиханова в выявлении некоторых особенных черт шаманства, изменившихся под влиянием ислама. «Онгон стали называть арвахом, куктенгри аллахом или худаем, духа земли шайтаном, пери, дивана (дивы) джином, а идея осталась шаманская»[619]. У кыргызов для обозначения духов употреблялось слово «арбак». И именно от состояния «арбака» – духа зависело общественно-материальное положение кочевника в мирской жизни.

www.bizdin.kg

Причем шаманство включало в себя веру в духов – добрых и злых, в сношениях с которыми якобы и состоит сила шаманов. Хотя происхождение термина «шаман» связывают с монгольским словом «грамотный»[620]. В изучаемый период функции шамана значительно разнообразились: народный сказитель, лекарь, музыкант, поэт[621], а порой шаманом становились и кыргызские родоправители. К примеру, манап племени Сарыбагыш Уметалы носил это почетное прозвище [622].

Культ огня был распространен не только у кыргызов, но и у многих народов Центральной Азии, Алтая и Сибири. Огонь использовался в лечебных и семейно-культовых религиозных целях. К примеру, при переходе с одного кочевья на другое устраивали два костра, между которыми должен был пройти скот и люди, и этот обряд очищения назывался «аластоо». Кстати, античные авторы сообщали, что у древних римлян существовал обряд прохождения пастуха со стадом через огонь[623]. Другой пример распространяется на брачно-семейную сферу кыргызов. В доме тестя невеста усаживалась перед очагом и в огонь бросали жир, женщины нагрев руки над огнем водили ими по лицу невесты[624]. Такой ритуал существовал и у алтайцев и хакасов. Алтайцы «в честь духов огня» брызгали жир на огонь, обмакивая жиром указательный палец правой руки[625]. Обожествление огненной стихии присутствовало и в системе религиозных культов хакасов. Дух огня олицетворялся с женским образом «Отине» и перед едой полагалось бросать три кусочка жира или три ложки масла в огонь, чтобы богиня огня сохраняла в семье покой и благополучие [626].

Западные путешественники придавали большое значение обрядам и традициям кыргызов, которые отражали специфику кочевого образа жизни, социальную и имущественную стратификацию в кыргызском обществе. В изучаемый период калымная купля–продажа женщины, выдача замуж малолетних девочек, умыкание являлись органичной частью кыргызского патриархально-феодального общества, и насколько живучи были описанные

www.bizdin.kg

путешественниками явления, свидетельствуют годы, ушедшие на раскрепощение женщины в Кыргызстане советского периода [627].

У С.Гедина обнаруживаем сведение, что родоначальник сарыкольского племени Кара-теит – Коат-бек (вероятно, Куват – прим. Ч.Т.) имел четырех жен, которые в разное время были им куплены в Кашгаре[628]. Семейно-брачная обрядность отражала социальную и имущественную дифференциацию. Как писала Л.Макартни, в Восточном Туркестане калым бедных кыргызов составлял 5–10 овец, а у богатых семей он состоял из лошадей и верблюдов, количество которых определялось возрастом и красотой невесты. Приданое состояло из скота и украшений [629].

Более подробно свадебную обрядность кыргызских племен отразила Э.Сайкс. По ее сведениям, восточно-туркестанские кыргызы платили внушительный калым за невесту. «В сравнении с мусульманскими женщинами в других частях мира, кыргызки имели лучшее положение, несмотря на то, что и их жизнь была напряженной и наполненной непрерывной работой. Из-за того, что женщины составляют меньшинство на Памире, они очень ценятся, и мужчина, имеющий нескольких дочерей, считает себя богатым. Как мне сказали, сотни овец или 5 китайских жамбы (35 фунтов стерлингов) – приемлемая цена за невесту. В нашем лагере вождь сказал мне, что он отдал за свою жену живность и денег общей стоимостью 500 фунтов стерлингов. С другой стороны, девушка приносит приданое, состоящее из верблюдов, лошадей, яков, одежды и ювелирных украшений, которое должно быть равно тому, что получил ее отец от жениха. Свадьба влечет за собой расходы немного меньше, чем похороны»[630]. Отметим, что не всегда размер калыма, или выкуп за невесту был равен по стоимости приданому.

Л.Макартни, помимо задач писательской и научной само-презентации, должна была заботиться о своих двух маленьких детях, которые путешествовали вместе с нею. И от взгляда семейной женщины не ускользнуло то, что семьи у кыргызов небольшие. Причиной тому, как она

считала, являлась высокая смертность среди детей из-за холодных зим в горах и плохого ухода за ними. Но в тоже самое время она заключала, что суровый климат способствовал развитию выносливых кыргызов, которые редко болели [631].

Относительно погребально-поминальной обрядности кыргызов информация единичная. Так, у Э.Сайкс отмечается, что «кыргызов погребают на кладбище племени, расположенном на возвышенности. Их могилы, купола которых издалека похожи на юрты, строятся для важных людей. Когда они умирают, на большой праздник приглашаются родственники, где также организовываются конные скачки, и в которых победители хорошо вознаграждаются. Идея такова – такое обильное угощение устраивается в честь умершего для того, чтобы рассеять богатство, в котором он не нуждается; кыргызы не заботятся о накоплении богатства для тех, кто придет после»[632]. Безусловно, ошибочное мнение Э.Сайкс, сопряженное опять-таки с демонстрацией европейского превосходства, также являлось результатом и краткого пребывания среди кыргызов и ее отдаленностью от целей этнографического изучения. По справедливому мнению американского антрополога Б.Малиновского, глубина познания этнографии этноса возможна лишь при погружении исследователя в этническую среду [633].

Кыргызы так же, как и другие народы, имели свое представление о богатстве, мерилом которого выступали скот и пастбищная земля, существовала своя система накопления этого богатства и его передачи по наследству. «Энчи» – доля, «энчиле» – выделить для кого-либо, «энчилеш» – сонаследник, получающий свою долю в наследстве, «жер энчи» – вотчина – вот неполная терминология, отражающая существование практики наследования скота, земли и имущества у кыргызов. В кыргызском фольклоре имеются множество подтверждений того, что кыргызы заботились о материальном достатке своих детей: «Эркек болсо кулуну, энчилейин балама» (Если жеребенок будет мужского пола, я выделю его своему сыну),

«Эзелден кыргыз элимден энчилеген жери экен» (Земля, которой мой кыргызский народ исконно владеет по наследству) [634].

Кыргызский народ издавна богат своими национальными играми, однако западные путешественники упоминали лишь об одной игре: «улак тартыш» или «көк бөрү», то есть козлодрание, которое устраивалось в честь их приезда к ним. Это еще раз подчеркивает гостеприимность кыргызов и проявление высокого уважения к гостю. В их работах этот вид игры встречается как «байге», «баргай», то есть приз. Как писала Л.Макартни, кыргызы по случаю их приезда устроили «баргай» – «это их спортивная игра на лошадях с убитым козленком или теленком. Один игрок, имея козленка на своих коленях, скачет от всех остальных игроков. Другие игроки скачут за ним, чтобы захватить козленка. Победитель завязывает кусок материи на свой ремень, показывая, что он выиграл один раунд, затем выкидывает его на другое место и драка начинается снова. Во время драки, игроки камчу или поводья держат в зубах, чтобы держать руки свободными. Это была очень возбуждающая и полная трепета игра и все беспокоились, возможно ли кому-нибудь выйти из нее живым. Здесь случилось несколько потерь, и мистер Хёгберг оказал первую помощь, но на удивление их было мало. Лошади тоже вошли в дух игры, и казалось, точно понимали, что надо делать»[635]. В этой игре на севере Кыргызстана преимущественно использовали козленка, а на юге – бычка[636]. Как видим, сведения Л.Макартни отражают то, что у южнокыргызского племени, вероятно Теит, использовался тот и другой вариант игры.

Э.Сайкс наблюдала «baigu», «байге» среди кыргызов местности Сарыкол, Восточный Памир. Описание «байге» у нее более подробно. «В один день кыргызы показали «байгу», или игру с козленком, которая является национальным видом спорта. Козленка убили, и после этого его голову, внутренности, кости удалили, а шкуру сшили, и она была брошена в центр группы мужчин на маленьких лошадях, которые начали схватку. Один мужчина смог захватить шкуру и положить под свое бедро. Он поскакал, за

ним поскакали остальные, чтобы поймать его. Если он управлялся так, чтобы удерживать свой трофей и проскакать вокруг флага и возвратиться к цели, то это означало, что он выиграл первый раунд, и игра возобновлялась снова. Наездники часто держали свои плетки во рту, для того чтобы освободить правую руку, когда они будут пытаться с седел схватить козленка, но из-за короткого стремени они не очень хорошо сидели, и это казалось не так уж и легко. Мы смотрели игру, сидя рядом с речкой, но каждый раз должны были отходить назад; некоторые исполнители могли нырнуть в воду, сильно брызгая и затем скакать вне себя от ярости»[637]. Э.Сайкс отмечала, что игры проводились как в период празднования событий, так и во время проведения поминок[638]. Сходное описание этой игры обнаруживается у Г.Маннергейма, центрально-азиатское путешествие которого финансировалось Российской академией наук. Он считал, что эта национальная игра более зрелищна, чем футбол или поло в Европе [639].

Описания двух женщин едины в том, что этот эпизод из кыргызской жизни, в котором они приняли участие, с одной стороны, являлся отражением их женского самоутверждения в собственных глазах, с другой, сцена, прежде всего, была рассчитана на западного читателя, интерес которого необходимо было усилить некой интригой, в данном случае интригой опасности для собственной жизни. Хотя путешественники в силу краткости своего пребывания и разности задач экспедиции отмечали не все кыргызские игры, но известно, что они классифицировались на мужские, молодежные и детские, которые в своей совокупности были подвижны, зрелищны и динамичны.

Помимо игр сравнительно широкие сведения имеются о музыке кыргызов. Ю.Шуйлер, заимствовав у Ч.Ч.Валиханова информацию об эпосе Манас, тем не менее, подчеркивал, что кыргызы больше, чем казахи, любят музыку и поэзию, то есть эпосы. «Они даже более любят музыку и поэзию, чем киргиз-кайсаки, и один из любимых видов их отдыха – это слушать певцов эпических баллад, которых можно найти в каждом лагере и с каждой

экспедицией. Они владеют эпосом Манас, часть из которого записана Валихановым и Радловым. Валиханов сказал, что это энциклопедическая коллекция всех мифологических рассказов и традиций, сгруппированных вокруг великого Манаса, являющаяся своего рода Илиадой степи»[640]. На фотографии Э.Сайкс мужчина запечатлен с дочерью, держащей в руке комуз[641], кыргызский традиционный трехструнный музыкальный инструмент. В местности Гунды (Гунт – прим. Ч.Т.), на Восточном Памире, когда один из проводников С.Гедина разбил ртутный барометр, и он очень сильно расстроился, кыргызы устроили ему концерт. «В утешение мне люди вечером устроили концерт. Один из киргизов уселся посередине моей юрты и сыграл на «кобусе» – трехструнном инструменте; струны перебираются пальцами. Музыка эта уныла и монотонна, но полна чувства и чисто азиатского настроения, так что я охотно прислушивался, особенно когда к ней присоединялся аккомпанемент завывания бури и треска огня. Сколько раз за эти годы предстояло мне еще прислушиваться к звукам этого примитивного струнаго (струнного – прим. Ч.Т.) инструмента, сколько темных и одиноких вечеров предстояло скоротать, слушая непритязательную музыку. Я скоро привык ней, и она доставляла мне такое наслаждение, как туземцам. Любил я ее потому, что под эти звуки так сладко мечталось о родине, а хорошо иногда всласть потосковать о родине! Много раз убаюкивали меня на ночь эти рокочущие струны, аккомпанируя какой-нибудь азиатской песне»[642]. Вновь очевидна концентрация путешественника на собственных ощущениях и чувствах, который долгое время не был дома и единственная ремарка о кобусе, то есть комузе, трехструнном инструменте дает западному читателю представление о его распространении среди кыргызов, который в отличие от двухструнных щипковых инструментов народов Центральной Азии – домбры и дутара, имел три струны, гриф без ладов и особую технику игры[643]. Безусловно, унизительные эпитеты «монотонная», «примитивная», «унылая», «непритязательная» не передают своеобразие кыргызской музыки, которое, по мнению первоклассного

www.bizdin.kg

исследователя В.Виноградова, заключается в том, что «она эпически сдержанна, часто даже сурова, по-своему скромна, наивна, по строю художественных образов жизненно конкретна, предметна. Ей несвойственна нега, пряность, изощренность, терпкость, острая экспрессия – все те признаки, которые обычно ассоциируются с представлением о «восточной музыке» [644].

Таким образом, анализ сведений западных путешественников о духовной культуре кыргызов, приводит к следующим выводам: *во-первых*, несмотря на их лаконичность, все же в них обнаруживаются как общенародные черты, так и родоплеменные признаки, в целом, отражающие закономерность эволюции духовной культуры кыргызского народа в условиях номадического хозяйства и быта. *Во-вторых*, в своей оценке путешественники не избежали чувства европоцентризма и имперского превосходства, по сути закономерного подхода в изучении традиционной культуры народов и племен в период колониализма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В XI – начале XX вв. произошли крупнейшие изменения в экономике, политике и культуре не только индустриальных стран, но и традиционных обществ и культур. Взлет экономической мысли вызвал ускоренное развитие промышленности и сельского хозяйства на основе инновационных для того времени технических и научных изобретений и технологий. Борьба за передел мира и установление монопольного влияния и господства в той или иной части земного шара, сформировала у политиков крупнейших стран того времени особые навыки политического управления и лидерства. Расширение территориального, а вслед за ним и информационного пространства инвестировало накопление и систематизацию знаний о новых этнических культурах, а затем и становление, и развитие новых научных направлений и

дисциплин, таких как востоковедение, этнография, археология, историческая география, антропология. Все эти колоссальные изменения индустриального общества осуществлялись конкретными людьми, с динамичной и неуемной энергией и которых известный историк Л.Н.Гумилев назвал «пассионарными личностями». Они мыслили с большой долей прагматизма, когда речь шла о достижении результата, его качества и количества, они поступали смело и предприимчиво, когда дело касалось индивидуального интереса и общественной выгоды. К таким индивидуальностям относятся и западные путешественники и исследователи Центральной Азии второй половины XIX – начала XX вв.

Через их труды и описания возможна реконструкция прошлого кыргызского этноса, изучение и обогащение культурологических, философских и гуманитарных аспектов диалога и взаимодействия восточной и западной культур. Нами собраны, переведены, изучены, систематизированы, проанализированы сведения и информации о кыргызской этнической истории, экономике, социально-политическом положении, материальной и духовной культуре кыргызов во второй половине XIX – начале XX вв. в трудах западных путешественников и исследователей – Т.Гордона, Ф.Янгхазбэнда, Г.Лансдела, И.Данмора, А.Стейна, Э. Сайкс и Л.Макартни (из Великобритании), Г.Бонвало (из Франции), С.Гедина (из Швеции), Ю.Шуйлера и Э.Хантингтона (из США). Достоверность их сведений выявлена на основе междисциплинарных подходов и методов сопоставимости с данными научных разработок других авторов, осуществленных по отдельным вопросам изучаемой проблемы.

На Западе сбор сведений и изучение Кыргызстана и региона носили постоянный характер; и они не прерывались с античной эпохи (V в. до н. э.). Однако, несмотря на то, что изучение региона имеет давние традиции, тем не менее, до сих пор в отечественной и центрально-азиатской историографии нет специального и самостоятельного исследования о кыргызах и Кыргызстане в контексте трудов западных путешественников ни в раннее

время, ни в более позднее, то есть, во второй половине XIX – начале XX вв. Анализ историографии изучения трудов западных путешественников отражает тот факт, что в ней наблюдается три периода, отчасти связанных между собой в концептуально-теоретическом и практическом отношении и характеризующихся своими особенностями и общими чертами.

В дореволюционном периоде, хронологически охватывающем вторую половину XIX – начала XX вв., труды западных путешественников рассматривались как недостоверный и незначительный исторический источник. Российские исследователи практически не прибегали к их исследованиям о регионе, тогда как для европейцев, напротив, труды и консультации россиян являлись авторитетными изданиями и серьезным вкладом в развитие централоазиатоведения. «Индифферентность» дореволюционных российских авторов объясняется тем обстоятельством, что соперничество за центрально-азиатский регион проявлялось не только в торгово-экономической сфере, но, безусловно, и научно-исследовательской практике.

Относительно советского периода очевидны следующие выводы: *во-первых,* анализ трудов и записок западных путешественников и исследователей о Кыргызстане и Центральной Азии отражают преемственность методологических подходов и традиций дореволюционной историографии; *во-вторых*, к данной характеристике присоединяется и идеологический подход. Западные путешественники расцениваются как агенты буржуазной разведки и дипломатии. Работы, освещающие геополитические и торгово-экономические аспекты соперничества Великобритании и России в изучаемый период изобилуют эпитетами: «агент буржуазии», «разведывательная деятельность путешественников», «агент международной разведки» и т. д.

Постсоветская историография в изучении истории и культуры кыргызов в контексте трудов западных экспедиторов отражает зарождение позитивных моментов. В связи с распадом СССР и образованием новых

независимых государств, для отечественных историков и этнографов появилась определенная возможность поработать в архивах и библиотеках Европы и США. Были опубликованы работы, отражающие деятельность западных путешественников и исследователей в Казахстане, Таджикистане, Кыргызстане и Восточном Туркестане. Вышли библиографические указатели о путешественниках и путешествиях по Казахстану и Центральной Азии. Однако в прошлое еще не канула идея о второстепенности путешествующего нарратива, что существенным образом влияет на степень его вовлечения в корпус письменных источников по истории и культуре Кыргызстана и Центральной Азии, а при необходимости и других территорий, где в указанный период располагались кочевки кыргызов (Восточный Туркестан и Северный Афганистан). Более того, на сегодняшний день до сих пор нет специального исследования, посвященного анализу истории и культуры кыргызов в контексте трудов западных исследователей, и данная работа является первой научной попыткой дать этой категории исторических знаний научный анализ и оценку.

Этногенез кыргызского народа и его родоплеменная система также представляли определенный интерес для западных экспедиторов. В их работах наблюдается два подхода в интерпретации кыргызского этногенеза. Первый подход отражается в том, что путешественники адаптировали этот материал из российских источников, полагаясь на их достоверность и целостность. Однако, компилируя российские материалы, которые все еще не были научно выверенными построениями, они транслировали западному читателю унизительные названия, такие как «дикокаменные», «черные» кыргызы, и тем самым, продолжали развивать конструкт об отсталости и дикости кочевого мира в сравнении с оседло-земледельческими цивилизациями. Второй подход проявлялся в том, что, прибегая к компиляции и используя вышеназванные этнотермины, в то же самое время они инвестировали «топоэтнонимы», через которые, прежде всего, отражали границы физического проникновения и распространения

европоцентристского сознания в чужом этнокультурном пространстве и времени. Так, встречаются такие топоэтнонимы, как памирские, сарыколские, каракулские, сонколские, иссыккулские, алайские кыргызы.

На основе сведений о названии и численности родов и племен, зафиксированных западными путешественниками, а также российскими исследователями Ч.Ч.Валихановым, Н.А.Аристовым и современным историком, профессором С.А.Аттокуровым, нами сделана сравнительно-сопоставительная таблица с целью выявления достоверности сведений западных экспедиторов. Анализ данной таблицы отражает то, что не все путешественники интересовались родоплеменной структурой кыргызского народа. В целом, они зафиксировали названия крупных племен правого и левого крыла и группы Ичкилик в родоплеменной системе кыргызов, хотя их соотнесение к тем или иным крыльям, вслед за российскими авторами не всегда правильно. Их сведения реконструируют наличие в этническом сознании кыргызов двух уровней этнической идентификации. Одна проявлялась на уровне племенного тождества, а другая – на уровне этноса. На уровне межплеменного взаимодействия и контактов племенная идентичность была первична. В случае межэтнических взаимоотношений, вырисовывалась общенародная идентичность, при которой кыргызы артикулировали свою этничность через этнотермин «кыргыз».

Стратификация кыргызского общества в изучаемый период в контексте сведений западных исследователей отражает факт существования традиционных сословий – манапов, биев, баев и современной, появившейся в связи с российской колонизацией социальной страты – волостных, избираемых из бийско-манапской элиты. В целом, с одной стороны, в вертикальной схеме управления волостные были задействованы в административном аппарате царской России, а беки и аксакалы – в чиновничьей администрации китайского императора в Восточном Туркестане, с другой стороны, в горизонтальной плоскости они осуществляли руководство племенем и многочисленными родами,

способствуя внутриплеменной интеграции в собственных интересах и интересах имперской власти.

Анализ сведений о хозяйстве кыргызов – скотоводстве и земледелии в контексте концепции о климатическом детерминизме американского исследователя Э.Хантингтона и сведений других путешественников отражает следующие выводы. Э.Хантингтон – американский географ, создатель теории климатического детерминизма, суть которой состояла в том, что климат изменяется в результате солнечной пульсации, а изменение климата, в свою очередь, приводит к изменению человеческой истории. Так, скотоводство возникло в результате влияния на предков современных ему кочевых народов определенного ландшафта и климата. Согласно мнению Э.Хантингтона, все аспекты жизнедеятельности кыргызского скотовода – жилище, пища, одежда, поведение, гостеприимство, религия являлись следствием горного ландшафта и сухого климата, в условиях которого позволительно заниматься лишь только скотоводством и в небольшом количестве земледелием. Однако в советский и постсоветский периоды преобразования в области кыргызского животноводства и земледелия подтверждают тот факт, что человеческие истории и цивилизации трансформируются и в силу социальных, технологических и культурных изменений.

По сведениям западных путешественников, земледелие было широко распространено среди кыргызов еще до их присоединения к Российской империи. Кыргызы выращивали просо, ячмень, пшеницу. Однако на интенсивность земледельческих занятий влияла конкретная социально-политическая ситуация внутри кыргызских кочевий и за ее пределами. Так, в период господства Кокандского ханства среди северокыргызских племен занятие земледелием усилилось в связи с необходимостью поставки фуража для скота в кокандские гарнизоны, а в условиях российской колонизации Восточное Прииссыккулье стало лидировать в производстве проса, которое поставлялось на рынки Семиреченской области. Как верно отмечали путешественники, все же среди кыргызов земледелие не было столь

почетным, как скотоводство, и им преимущественно занимались бедные скотоводы или сородичи, которых называли «эгинчи».

Рассмотрение социально-политической ситуации среди кыргызских племен в период «большой игры», то есть соперничества России и Великобритании за Центральную Азию в контексте сведений западных путешественников отражает наше заключение о том, что кыргызы активно участвовали в международной политике XIX в. Кочевая родоплеменная верхушка еще до присоединения к российской империи, умело используя политику лавирования и компромисса, находилась в номинальной зависимости от кокандских ханов и цинского Китая. Наряду с буферными странами – Афганистаном, Персией и Китаем кыргызы также позиционировали свои интересы в этой политике, в особенности это наглядно проявляется в сведениях западных путешественников о южнокыргызских племенах, кочевавших в Ферганской долине, в пределах Восточного Туркестана и Южного Памира. В определенной степени от интересов кыргызской элиты зависела социально-политическая ситуация, расстановка и группировка этно-племенных сил, характер международных взаимоотношений и связей. И одной из целей западных путешественников являлось выяснение легенд и преданий у кыргызских родоначальников, которые выступали свидетельством долгожительства кыргызов в этих территориальных пределах. Другой момент, который также был небезынтересен путешественникам, являлось выяснение обстоятельств и степени зависимости кыргызских номадов от Китая и Коканда. В случае зависимости кыргызских племен от Коканда, Российская империя имела полное право на эти территории, как победитель в русско-кокандском противостоянии во второй половине XIX в. Как свидетельствуют их записи, восточнотуркестанские кыргызы, как и южнокыргызские и северокыргызские племена, номинально зависели от китайских и кокандских властей, практически не выплачивая дань или налоги. Таким образом, границы кочевания кыргызов и их юридический и политический статус

определяли легитимность притязаний противоборствующих сторон на ту или иную территорию, в частности, на Восточном и Южном Памире.

Изучение идеологии имперского насилия в основном осуществлялось применительно к путешествующей литературе колониальной Африки. И данный анализ является первой попыткой рассмотрения аспектов имперского насилия применительно к центрально-азиатскому путешествующему нарративу о кыргызах и Кыргызстане. Западные путешественники отражали, либо сами позиционировали акты насилия с целью установления имперской власти и европоцентристского превосходства. Безусловно, акты насилия, условно разделенные нами на физические и психологические, не столь динамичны и разнообразны, как в колониальной Африке, что было связано с разностью реализации колониальных проектов и социально-политической ситуацией в этих регионах. К физическим актам насилия, которые непосредственно совершались самими путешественниками, относятся: принуждение, угроза насилия, простое битье. Иногда этот вид насилия делегировался преданным проводникам или российским властям. Другой вид насилия, обозначенный нами, как психологический, совершался при оказании псевдомедицинских манипуляций, дарении подарков кыргызской элите, предоставлении им рекомендательных писем, а также в конструировании ошибочных образов и стереотипов о кыргызском народе. Практически, ни один из путешественников не обладал медицинским образованием, но простейшие знания медицины и показания к применению тех или иных медицинских препаратов давали им право выступать в роли лекаря среди кыргызов. Таким образом, путешественники, прежде всего, конструировали комфортный морально-психологический климат для собственного европоцентристского господства и гегемонии, продвижения интересов и целей своей империи в азиатских колониальных фронтирах Российского государства. Иерархия образов от характеристики физического облика – «ужасный», «похожий на гориллу», «безобразный» до

психологического портрета – «хитрый», «ленивый», «вульгарный» проявляла психологическое насилие путешественников по отношению к кыргызам.

Сведения западных путешественников о культуре кыргызов, не столь объемны, как в российских исследованиях. Однако, несмотря на лаконичность, с одной стороны, они все же отражают общенародные закономерности и родоплеменные характеристики юрты, пищи, одежды, религиозных воззрений, обрядов и традиций кыргызов в изучаемый период, с другой стороны, эволюцию отдельных её компонентов в широкой хронологической ретроспективе и обогащают имеющийся этнографический и фольклористический материал. Так, в описаниях и визуальной информации о юрте отражаются особенности ее интерьера и экстерьера, которые были характерны для отдельных родов и племен Центрального Тянь-Шаня, Памиро–Алая и Восточного Туркестана. Описание одежды, их фотографии и зарисовки раскрывают, помимо родоплеменных и общенародных черт, и поздние заимствования, появившиеся в результате знакомства кыргызов с русской культурой.

Информация о кыргызской пище ценна тем, что в ней раскрываются особенности гостеприимства и культуры питания кыргызов, которые не всегда понимались адекватно западными путешественниками. Прием пищи руками, гора сваренного мяса, традиционная система его дистрибуции среди сидящих за трапезой – ими рассматривались, как признаки варварства и нецивильности кыргызов. Подобные описания допускались и по отношению к местным народам в колониальной Африке. Всеобщность такого подхода, безусловно, объясняется идеологией европейского превосходства и имперской гегемонии западного путешественника в пространстве чужой культуры и самобытности.

Хотя сведения путешественников о духовной культуре кыргызов отражают не всё ее богатство, тем не менее, западные путешественники зафиксировали основные ее компоненты: религию, обряды и традиции, музыку и игры. В изучаемый период религиозная система кыргызов отражала

симбиоз домусульманских верований и ислама, распространение которого, как верно отмечали путешественники, в территориально-племенном отношении было неравномерным. Среди северокыргызских племен влияние мусульманской религии было более слабым, чем среди южнокыргызского населения. В обозначении брачно-семейных обрядов проглядывается гендерная особенность. Женщины-путешественницы детально описали свадебный обряд кыргызов, включавший несколько ритуалов: сватовство, свадьбу и проводы невесты в дом жениха. В честь приезда путешественника они устраивали спортивные игры «улак-тартыш», который ими записан как «байге», «баргай».

В целом, в характеристике культуры кыргызов очевидным образом проявляется отпечаток эгалитарной европейской культуры, при котором отражается репрезентация собственного европейского превосходства по отношению к культурной инаковости других народов и племен. В рамках колониальной теории «мы – они» отношение европейцев к чужой культуре являлось скрытой проекцией их поведения в условиях западной индустриализации и урбанизации, развитие которых привело к усилению пропасти между городом и деревней, заметной дифференциации между производителем и потребителем, началу женской эмансипации и выходу западно-европейской женщины из домашней сферы.

Таким образом, были найдены «превосходные материалы», принадлежащие перу западных путешественников и исследователей, которые, без сомнения, являются бесценным источником, отражающим и дополняющим, а где-то и существенно восполняющим историю и культуру кыргызов не только в пределах современного Кыргызстана, но и Центральной Азии и Восточного Туркестана во второй половине XIX – начале XX вв.

www.bizdin.kg

ПРИМЕЧАНИЕ

Предисловие.

[1] См.: *Старр Ф.* Партнерство для Центральной Азии. Дефицит внимания? // Новая Большая игра в Большой Центральной Азии. Мифы и реальность. – Бишкек, 2005. – С.6–20.

[2] *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Международные отношения,2003; Новая Большая игра в Большой Центральной Азии. Мифы и реальность. – Бишкек, 2005.

[3] *Нарочницкая Н.* Грузия без Абхазии и Южной Осетии никому на Западе не нужна! // Комсомольская Правда. – 2008. – 13 августа. – С.6–7.

[4] *Бжезинский З.* – Указ. раб. – С. 199.

[5] Romantic Geographies. Discourses of Travel 1775–1844 /ed.by A.Gilroy. – Manchester&New York: Manchester University press, 2000. – Introduction. – P.1.

Глава первая

[6] См.: *Маслова О.* Обзор русских путешествий и экспедиций в Средней Азии. – Ташкент: Фан, 1971.

[7] См.: *Юнусалиев Б.М.* Киргизская лексикология: Учеб. пособие по кирг. яз. Для студентов филол. фак-тов вузов. – Ч.I. – Фрунзе: Кыргызучпедгиз, 1959 *Усенбаев*

К.У. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства. – Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1961; *Антипина К.И.* Особенности материальной культуры и прикладного искусства Южной Киргизии. – Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1962; *Айтбаев М.Т.* Социально-экономические отношения в киргизском аиле в XIX – начале XX вв. – Фрунзе: Илим, 1962; *Джамгерчинов Б.Д.* Добровольное вхождение Киргизии в состав России. – 2-е изд. – Фрунзе: Киргизгосиздат, 1963; *Плоских В.М.* Киргизы и Кокандское ханство. – Фрунзе: Илим, 1977; *Галицкий В., Плоских В.* Старинный Ош. – Фрунзе: Илим, 1987; *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические историко-культурные связи. – Фрунзе: Кыргызстан, 1990; *Молдобаев И.Б.* Манас – историко-культурный памятник кыргызов. – Бишкек: Кыргызстан, 1995 и др.

[8] Конволют (термин от лат. Convolutes – свернутый, сплетенный) означает сборник, составленный из ранее изданных самостоятельных произведений печати (или рукописей), переплетенных в один том. – Советский энциклопедический словарь. – М.: Советская Энциклопедия, 1979. – С.624.

[9] *Алымбаев Ж.* Завоевание Средней Азии Россией в русскоязычных источниках // Источники: история и перспективы изучения / Ред. Ч.Дж.Турдалиева. – Бишкек: 2003. – С. 178.

[10] Работа с «Туркестанским сборником» значительно облегчается и систематизируется, если исследователь использует указатель ташкентских авторов Н.Н.Бенедиктовой и Е.К.Бетгер «Киргизия на страницах «Туркестанского сборника». Библиографический указатель / Составители: Н.Н.Бенедиктова, Е.К.Бетгер. – Ташкент, 1946.

[11] См.: *Семенов-Тян-Шанский П.П.* Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах. – М.: ОГИЗ, 1946. – С. 36; *Валиханов Ч.Ч.* Очерки Джунгарии // Собр. соч. в 5-ти томах. – Т. III. – Алма-Ата, 1985. – С. 326, 328; *Аристов Н.А.* Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. –Бишкек: Илим, 2001. – С. 43, 60, 73, 486–487, 532.

[12] *Северцов Н.А.* Путешествие по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня / Под ред. и вступ. статьей Р.Л.Золотницкой. – М.: ОГИЗ, 1947. – С. 167.

[13] См.: Русские ученые-исследователи Средней Азии. Докладная записка Н.А.Северцова К.П.Кауфману об исследовании Ферганской долины и Памира. От 2 апреля 1876 г. // Н.А.Северцов. Сборник документов / Под ред. Е.П.Коровина. – Ташкент, 1958. – С. 8, 106.

[14] *Постников А.В.* Схватка на крыше мира. – М.: Памятники исторической мысли. – С. 34.

[15] *Грумм-Гржмайло Г.Е.* Описание путешествия в Западный Китай. – М.: ОГИЗ, 1948. – С. 218, 223–224.

[16] *Пржевальский Н.М.* От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-Нор / Вступит. статья Эд.М.Мурзаева. – М.: ОГИЗ, 1947.

[17] *Аристов Н.А.* Указ. работа. – С. 552.

[18] *Маанаев Э.Ж.* История и этнография кыргызов по трудам Н.А.Аристова. – С. 5.

[19] Там же. – С. 486–487.

[20] *Atkinson W.T.* Oriental and Western Siberia; a Narrative of Seven Years' Exploration and Adventures in Siberia, Mongolia, the Kirghis Steppes, Chinese Tartary, and Part of Central Asia. – New York: Harper, 1858.
[21] *Younghusband F.* The Heart of a Continent. A Narrative of Travels in Manchuria, Across the Gobi Desert, Through the Himalayas, The Pamirs, and Hunza 1884–1894. – New Delhi&Madras, 1993; *Gordon T.E.* The Roof of the World. – New Delhi, 1994.
[22] *Bonvalout G.* Through the Heart of Asia: Over the Pamir to India. – 2 Vols. – London: Pitman, 1889. – Vols.2; Ujfalvy de Mezo-Kovesd, Ch.E.Expedition scientifique francaise en Russie, en Siberie et dans le Turkestan. –Vols.5. – Paris: E.Leroux, 1879.
[23] *Гедин С.* В сердце Азии. Памир-Тибет-Восточный Туркестан. – Т.I. – СПб.: Изд-е Деврена, 1899.
[24] *Schuyler E.* Turkestan: Notes of a Journey in Russian Turkistan, Kokand, Bukhahra and Kuldja.2 vols. – London: Sampson, 1876; *Hantington E.* The Pulse of Asia. A Journey in Central Asia illustrating the Geographic Basis of History. –Boston: Houghton, 1907.
[25] *Waugh D.* The Physical and Human Geography of Inner Asia in the Early 1920 s. Through the Eyes and Lens of C.P. Skrine // Cultural Interaction and Conflict in Central and Inner Asia / Ed. by M.Gerves. – Toronto: University of Toronto, 2004. – P. 87–100.
[26] К примеру, путешествия английского путешественника Ф.Янгхазбэнда в Центральную Азию в 1884–1894 гг. при его жизни увидели два издания: первое в 1896 г. в Лондоне, а другое – в 1904 г. См.: *Younghusband F.* The Heart of a Continent. A Narrative of Travels in Manchuria, Across the Gobi Desert, Through the Himalayas, The Pamirs, and Hunza 1884–1894. – New Delhi&Madras, 1993.
[27] Источниковедение. Учеб. пособие / И.Н.Данилевский, В.В.Кабанов, О.М.Медушевская и др. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. – С. 10.
[28] Центральная Азия глазами одного французского эрудита XVII в. (отрывки). – Ташкент, 2003. – С. 8, 28.
[29] *Гедин С.* В сердце Азии. Памир-Тибет-Восточный Туркестан. – Т.I. – С. 137.
[30] *Wood J.A.* Journey to the Source of the River Oxus. – London: Murray, 1872. – LXXXIV–LXXXV.
[31] *Schuyler E.* Turkistan. – Vol. 2. – P. 141–142.
[32] См.: *Федченко А.П.* Сборник документов / Под ред. Е.П.Коровина. –Ташкент: Госиздат Узб. ССР, 1956. – С. 28.
[33] Там же. – С. 50.
[34] *Пржевальский Н.М.* От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-Нор / Вступит. статья Е.М.Мурзаева. – М.: ОГИЗ, 1947. – С. 9.
[35] *Schuyler E.* Turkistan. – Vol 2. – P. 1.
[36] *Лунин Б.В.* Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. – Ташкент: Фан, 1965. – С. 86–87, 90–91.
[37] *Постников А.В.* Схватка на крыше мира. – С. 110–111.
[38] См.: *Рожкова М.К.* Экономические связи России со Средней Азией. – М., 1963. – С. 95; *Искенова С.* Проникновение английской и российской торговли в Кокандское ханство и Кашгар (середина XIX в.) // Матер. XII научн. конф. проф.-преп. состава. – Кирг. гос. ун-та. – Фрунзе, 1964. – С. 25–28; *Галицкий В., Плоских В.* Старинный Ош. – Фрунзе, 1987. – С. 49, 140.
[39] См.: *Хидоятов Г.А.* Современная английская и американская буржуазная литература о Великой Октябрьской революции и гражданской войне в Туркестане

// История СССР. – 1961. – №3. – С. 198–209; Критика буржуазных фальсификаций современной действительности Советского Киргизстана. – Фрунзе, 1988; *Киютин В.* Развитие Советской Киргизии и мифы буржуазных советологов. – Фрунзе, 1986.

[40] *Хидоятов Г.А.* Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60–70-х гг.). – Ташкент: Фан, 1969. – С. 147.

[41] *Валиханов Ч.Ч.* О состоянии Алтышара или шести восточных городов Китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии) в 1858–1859 годах // Собр. соч. в 5-ти томах. – Алма-Ата, 1985. – Т. III. – С. 175–193.

[42] См.: *Постников А.В.* Схватка на крыше мира. – С. 192–199.

[43] Там же. – С. 114–118. Более подробно о роли Тригонометрической службы в Британской Индии, готовившей агентов из индусов-мусульман см.: *Waller D.* The Pundits. British Exploration of Tibet and Central Asia. – Lexington: The University Press of Kentucky, 1990.

[44] *Юлдашбаева Ф.* Политика Англии в Афганистане и Средней Азии. –Ташкент: Фан, 1965. – С. 8–15, 73.

[45] *Халфин Н.А.* Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX в.). – М., 1960; *его же.* Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). – М.: Наука, 1965; *его же.* Политика России в Средней Азии (1857–1868). – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1960.

[46] *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). – С. 420.

[47] *Киняпина Н.С.* Внешняя политика России первой половины XIX в. – М.: Высшая школа, 1963; *Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1984.

[48] *Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. – С. 316.

[49] *Маанаев Э.Д., Плоских В.М.* На «Крыше мира»: Исторические очерки о памиро-алайских киргизах / Под ред. Н.А.Халфина. – Фрунзе: Мектеп, 1983.

[50] Там же. – С. 64–74.

[51] Там же. – С. 65.

[52] *Лунин Б.В.* Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. – Ташкент, 1965; *его же.* Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. – Ташкент, 1979; *его же.* Жизнь и деятельность академика В.В.Бартольда. – Ташкент, 1981.

[53] *Лунин Б.В.* Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. – С. 26, 94.

[54] Там же. – С. 47.

[55] *Hopkirk P.* The Great Game. The Struggle for Empire in Central Asia. – New-York, 1992. – P. 123–124.

[56] *Huntington E.* The Pulse of Central Asia. – P. 126.

[57] *Акрамов Н.М.* Вопросы истории, археологи и этнографии народов Памира и Припамирья в трудах Б.Л.Громбчевского. – Душанбе, 1974. – С. 18–19.

[58] *Постников В.А.* Схватка на крыше мира. – С. 173.

[59] *Левтеева Л.Г.* Присоединение Средней Азии к России в мемуарных источниках. – Ташкент: Фан, 1986.

[60] *Вайнштейн О.Л.* Иностранные путешественники о Киргизии 60–70-х годов XIX в. // Учен. записки Киргос. ун-та. – Вып. V. – 1958. – С. 34–57.

[61] *Молдокасымов К.* Кокон хандыгы жана тарых чындыгы // Изучение древнего и средневекового Кыргызстана. – Бишкек: Мурас, 1998. – С. 54.
[62] Киргизия на страницах «Туркестанского сборника» / Библиогр. указатель сост. Н.Н.Бенедиктова, Е.К.Бетгер. – Ташкент, 1946; *Амитин-Шапиро З.Л.* Аннотированный указатель по истории, археологии, этнографии Киргизии. – Фрунзе, 1958. – С. 49, 55, 67.
[63] *Свет Я.М.* По следам путешественников и мореплавателей Востока. –М.: Географгиз, 1955. – С. 3.
[64] Путешественники об Азербайджане. – Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1961.
[65] Путешественники об Азербайджане. – С. 5.
[66] ЦГА Респ. Уз-н. – Ф.1, оп. 32, д. 298, л. 275–275 об.
[67] В честь празднования 2200-летия кыргызской государственности была проделана значительная переводческая и публикационная работа. См.: Кытай императорлорунун Кыргыз кагандарына жазган каттары. – Бишкек: Учкун, 2003; Хрестоматия по истории Кыргызстана. – Бишкек: Раритет-Инфо, 2004.
[68] *Есмагамбетов К.Л.* Что писали о нас на Западе? – Алма-Ата: Казах университеті, 1992; *Бырбаева Г.Б.* Центральная Азия и советизм: концептуальный поиск евро-американской историографии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005.
[69] *Лаумулин М.Т., Бейсембиев Т.К.* Зарубежные исследователи Средней Азии и Казахстана. – Алматы, 1994.
[70] *Кляшторный С.Г., Колесников А.А., Басханов М.К.* Восточный Туркестан глазами европейских путешественников. – Алма-Ата: Гылым, 1991.
[71] *Есмагамбетов К.* Что писали о нас на Западе? – С. 83–84.
[72] *Кронгардт Н.К.* Кыргызстан в трудах дореволюционных немецких исследователей. – Б.: Илим, 1999; *Кригер В.* Рейн-Волга-Иртыш: из истории немцев Центральной Азии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006.
[73] *Кронгардт Н.К.* Кыргызстан в трудах дореволюционных немецких исследователей. – С. 67.
[74] В настоящей работе мы не использовали немецкоязычную путешествующую литературу, но надеемся, что в дальнейших наших исследованиях прибегнем к ней, хотя уже имеются некоторые попытки в этом направлении. – См.: *Кокоджанов А.К.* К актуальности изучения Туркестана конца XIX – первой трети XX вв. В восприятии немецких современников // Сб. статей аспирантов и соискателей НАН Кырг. Республики. – Бишкек, 1995. – С. 36–40.
[75] *Постников В.А.* Схватка на крыше мира. – С. 71–75.
[76] Там же. – С. 50–57, 85.
[77] *Жумабаев Б.М.* Южный Кыргызстан глазами российских путешественников (вторая половина XIX – начало XX вв.). – Бишкек, 1999.
[78] Там же. – С. 25.
[79] *Пирумшоев Х.* Российско-среднеазиатские отношения XVI – середины XIX веков в русской историографии. – Душанбе, 2001. – С. 31–32, 21.
[80] *Турдалиева Ч.Д.* История и культура кыргызов в трудах Ч.Ч.Валиханова. – Бишкек:Эркин-Тоо, 2000.
[81] *Ремнев А.В.* Ориенталистский дискурс и российская имперская практика (к постановке проблемы) // Степной край Евразии: историко-культурные

взаимодействия и современность. Межд. Евразийский форум. III научн. конф. / Под ред. А.П.Толочко. – Омск, 2003. – С. 83–86, 84.

[82] *Муканов С.* Промелькнувший метеор. – Алма-Ата: Жазушы, 1983; *Стрелкова И.* Валиханов. – М.: Молодая гвардия, 1983; *Маргулан А.Х.* Шокан жане Манас. – Алма-Ата: Жазушы, 1971; *Илюсизов К.М.* Экономические воззрения Чокана Валиханова. – М.: Соцэкгиз, 1960; *Атишев А.* Социологические и государственно-правовые взгляды Ч.Ч.Валиханова. –Алма-Ата: Мектеп, 1974; *Сегизбаев О.* Исследователь-мыслитель. – Алма-Ата: Казахстан, 1974; *Сулейменов Р.Б., Моисеев В.И.* Чокан Валиханов –востоковед. – Алма-Ата: Наука, 1985; *Галицкий В.Я.* Художественное наследие Ч.Валиханова как результат экспедиции 1956 года // Сан-Таш–140. – Бишкек, 1996. – С. 87–91; *Турдалиева Ч.Дж.* История и культура кыргызов в трудах Ч.Ч.Валиханова. – Бишкек: Эркин-Тоо, 2000.

[83] *Германов В.А.* Завоевание Средней Азии Российской империей как взаимовторжение Запада и Востока в представлении о времени и пространстве // Восприятие пространства и времени в культурах Центральной Азии // Матер. межд. конф. – Ташкент, 2004. – С. 1–33.

[84] *Алымбаев Ж.* Завоевание Средней Азии Россией в русскоязычных источниках // Источники: история и перспективы изучения / Ред. Ч.Турдалиева. – Бишкек, 2003. – С. 177.

[85] *Schuyler E.* Turkistan. – Vol. 2. – P. 135–136.

[86] *Акишев А.* Путешествие Юджина Шуйлера и Стивена Грэхама по Русскому Туркестану (1873, 1914) // Материалы I и II научных чтений памяти В.П.Юдина. – Алматы: Дайк-Пресс, 1999. – С. 35.

[87] Там же. – С. 35–37.

[88] См.: *Осмонов К.Э.* Древние тюрки в скифском мире. – Бишкек, 2002. – С.34–35.

[89] Древние авторы о Средней Азии. – Ташкент, 1940. – С. 22; *Пьянков И.В.* Средняя Азия в античной географической традиции: Источниковедческий анализ. – М.: Восточная лит-ра РАН, 1997.

[90] *Петров В.Г.* К истории современных названий гор Кыргызстана и о древних памятниках Сары-Джаза // Государственность и религия в духовном наследии Кыргызстана / Ред. В.М.Плоских. – Бишкек: Илим, 2003. –С. 56–63.

[91] *Рубрук Г.* Путешествие в восточные страны. – СПб., 1911. – С. 103.

[92] *Waller D.* Pundits. British Exploration of Tibet and Central Asia. – P. 62.

[93] *Есмагамбетов К.Л.* Указ. работа. – С. 18.

[94] См.: *Постников А.В.* Схватка на «Крыше мира». – С. 44–45.

[95] Материалы по истории киргизов и Киргизии. – М., 1973. – Вып. I.

[96] См.: Центральная Азия глазами одного французского эрудита XVII века (отрывки). – Ташкент, 2003. – С. 9, 25; БСЭ (в 30 томах) / Гл. ред. А.М.Прохоров. 3-е изд. – М.: Совет. энциклопедия, 1971. – Т. V. – С. 390.

[97] Там же. – С. 19, 28.

[98] Там же. – С. 88–98.

[99] Там же. – С. 96.

[100] *Ахмедов Б.А.* Путешествие в Среднюю Азию Антони Дженкинсона // Источниковедение Узбекской ССР. – Ташкент, 1965. – С. 194.

[101] *Абдуманапов Р.А.* К вопросу о происхождении кыргызского племени кангды // Известия Томского политех. ун-та / Под ред. П.И.Шерстовой. –Томск, 2002. – Вып. VII. – С. 3–19.

[102] *Псянчин А.В.* Этническое картографирование Центральной Азии и прилегающих территорий (XVII до начала XX вв.) // Источники: история и перспективы изучения / Ред. Ч.Дж.Турдалиева. – Бишкек, 2003. – С. 149.
[103] *Умурзаков С.У.* Очерки по истории географических открытий и исследований Киргизии. – Фрунзе: Кирг. гос. изд-во, 1959. – С. 133–137.
[104] *Pratt L.M.* Imperial Eyes. Travel Writing and Transculturation. – London- &New York: Routledge, 1992. – P. 115, 117.
[105] *Семенов-Тян-Шанский П.П.* Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах // Вступ.слово Н.Г.Фрадкина. – М., 1946. – С. 168.
[106] *Чернявский В.И.* Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский и его труды по географии. – М., 1955. – С. 109.
[107] *Риттер К.* Землевладение Азии: география стран, входящих в состав России или пограничных с нею Сибири, китайской империи, Туркестана, независимой Татарии и Персии. – СПб., 1877. – Т.IV. Предисловие.
[108] *Юлдашбаева Ф.* Указ. работа. – С. 73.
[109] *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России. – С. 20.
[110] *Beveridge A.J.* The Russian Advance. – N-Y&L, 1862; *Boulger D.Ch.* Central Asian Questions. Essays on Afghanistan, China and Central Asia. – London, 1885; *Curzon G.N.* Russia in Central Asia in 1889 and Anglo-Russian question. – N-Y&L, 1889; *Marvin Ch.* Reconnoitering Central Asia. – London, 1886.
[111] *Rawlinson H.* England and Russia in the West: A Series of Papers on the Political and Geographical Condition of Central Asia. – London, 1875.
[112] *Мак-Грегор.* Оборона Индии: Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Ч. I. – СПб., 1891.
[113] Там же. – С. 204.
[114] *Fraser-Tytler W.K.* Afghanistan. A Study of Political Developments in Central Asia. – London, 1950; *Pierce R.A.* Russian Central Asia. 1867–1917. – Berkeley, 1960.
[115] *Fraser-Tytler W.K.* Afghanistan. A Study of Political Developments in Central Asia. – P. 80–81.
[116] *Pierce R.A.* Russian Central Asia. 1867–1917. – P. 4.
[117] *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России. – С. 47.
[118] *Allworth E.* Central Asia. 130 Years of Russian Dominance. A Historical Overview. – Durham and London: Duke University Press, 1994.
[119] *Allworth E.* Central Asia. – P. 2.
[120] См.: История Киргизской ССР. – Т. II. – С. 239–243.
[121] *Allworth E.* Central Asia. – P. 130.
[122] *Hopkirk P.* Foreign Devils on the Silk Road. – Massachusetts: The University of Massachusetts Press, 1980; Trespassers on the Roof of the World. The Race for Lhasa. – London, 1982; The Great Game. The Struggle for the Empire in Central Asia. – New-York: Kodansha, 1994.
[123] *Hopkirk P.* Foreign Devils on the Silk Road. – P. 6.
[124] *Keay J.* Explorers of the Himalayas. – London, 1996. – P. 121–212, 235.
[125] *Waller D.* The Pundits. British Exploration of Tibet and Central Asia. –Lexington: University Press of Kentucky, 1990. – P. 42.
[126] *Walker A.* Aurel Stein. Pioneer of the Silk Road. – Seattle: University of Washington Press, 1995.
[127] *Whitefield S.* Aurel Stein on the Silk Road. – Chicago: Serindia Publications, 2004.

[128] *French P.* Younghusband. The Great Last Great Imperial Adventurer. –London, 1994.
[129] *Gorshenina S.* La Haute-Asie Telle Qu'ils L'ont vue. Explorateurs et Scientifiques de 1820–1940. – Geneva: Editions Olizane, 2003, La Route De Samarcande. L'Asie Centrale Dans L'Objectif Des Voyageurs D'Autrefois. – Geneve: Editions Olizane, 2000.
[130] *Franey E.L.* Victorian Travel Writing and Imperial Violence: British Writing on Africa, 1855–1902. – New York: Palgrave Macmillan, 2003.
[131] *Pratt L.M.* Imperial Eyes. Travel Writing and Transculturation. – London&New York: Routledge, 1992.

Глава вторая.

[132] *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the origin and spread of nationalism. – L.: Verso; *Ranger T.* The invention of tradition. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983; *Hobsbaum E.J.* The age of Revolution: 1789–1948. – New-York: Nal-Datton, 1964.
[133] Международные и региональные конференции, посв. 2200-летию кыргызской государственности в вузах республики: Государственность и религия в духовном наследии Кыргызстана / Отв. ред. академик В.Плоских. – Бишкек-Лейпциг: Илим, 2003; Источники: история и перспективы изучения / Ред. Ч.Турдалиева. – Бишкек, 2003; Экспедиции на Алтай и Хакасию в 2003–2004 гг. (рук. д. и. н., чл-корр. НАН КР. А.А.Асанканов).
[134] О западных путешествиях XIX в. См.: сборник матер. конф. Источники: история и перспективы изучения. – Бишкек, 2003, была организована секция «Путешествующая литература Центральной Азии и Кавказа» на междунар. конф. Евроазиатского общества в Бостонском Университете, США, 2005.
[135] *Маанаев Э.Ж.* История и этнография кыргызов по трудам Н.А.Аристова // Вестн. Кырг. гос. пед. ун-та им. И.Арабаева. – Бишкек, 1998. – С. 6–23.
[136] См.: *Валиханов Ч.Ч.* Записки о киргизах. – Т. II. – С. 52–56; *Аристов Н.А.* Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: Очерки истории быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. –С.137–198.
[137] См.: *Осмонов О.Дж.* История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней). – Бишкек, 2008. – С. 169.
[138] *Hedin S.* Through Asia. – Vol. 2. – N-Y&London: Harper, 1899. – Vol. 1. –P.168.
[139] *Lansdell H.* Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. – N-Y: Adamant Media Corporation (1885), 2003. – Vol.1. – P. 6.
[140] *Lansdell H.* Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. – Vol. 1. – P. VI–VII.
[141] *Ibid.* – P. 302.
[142] *Lansdell H.* Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. – Vol. 1. – P. 302.
[143] См.: История Казахстана: народы и культуры: Уч. пособие / Э.Масанов и др. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – С. 57.
[144] См.: *Бичурин Н.Я.* /О.Иакинф/ Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Отв. ред. С.П.Толстов. – Т.1–2. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950; *Левшин А.И.* Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей. – СПб., 1832. – Ч.2. Исторические известия. Ч.3. Этнографические известия; *Валиханов Ч.Ч.* Собр. соч. в 5-ти томах. – Алма-Ата:

www.bizdin.kg

Гл. ред. Каз. сов. энциклопедии, 1985; *Семенов П.П.* Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах // Вступ. ст. Н.Г.Фрадкина. – М.: ОГИЗ, 1946.

[145] *Bennıgsen A.* Panturkism and Panislamism in History and Today // Central Asian Survey. – 1984. – Vol. 3. – P. 39–49.

[146] *Shahrani M.N.* From Tribe to “Umma”: Comments on the Dynamics of Identity in Muslim Soviet Central Asia // Central Asian Survey. – 1984. – Vol. 3.–33. –P.27–38.

[147] *Асанканов А.А.* Кыргызы-ламаисты Тарбагатая // Этносоциальные и этнокультурные процессы в Кыргызстане с древнейших времен до наших дней / Ред. А.А.Асанканов. – Бишкек, 2007. – С. 102.

[148] *Лунин Б.В*. Указ. работа. – С. 34.

[149] *Lansdel H.* Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv.– Vol.1. – P. 290.

[150] *Бичурин Н.Я.* Описание Джунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. – Спб., 1950. – Ч. 1.

[151] *Маанаев Э.Ж.* Этническая история кыргызского народа. – Бишкек, 2008. – С.12–22; *Каратаев О.К.* Кыргыздардын этномаданий байланыштарынын тарыхынан. – Бишкек: Бийиктик, 2003. – С. 57.

[152] *Ibid.* – P. 304.

[153] *Баялиева Т.Дж.* Домусульманские верования и их пережитки у киргизов. – Фрунзе: Илим, 1972. – С. 20.

[154] *Валиханов Ч.Ч.* Записки о киргизах. – Т. II. – С. 46–47.

[155] *Винников Я.Р.* Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии // Тр. Кирг. археол.-этногр. экспедиции. – М., 1956. – Т.I. – С. 136–181; *Абрамзон С.М.* Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии // Тр. Кирг. археол.-этногр. экспедиции. –М., 1960. – Т.IV. – С. 3–137; *Аттокуров С.А.* Кыргыз санжырасы. – Бишкек: Кыргызстан, 1995.

[156] *Lansdel H.* Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. – Vol.1. – P. 305.

[157] *Левшин А.И.* Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей. – СПб., 1832. – Ч.2. – Исторические известия.

[158] *Lansdell H.* Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. – Vol.1. – P. 305.

[159] История Казахстана и Центральной Азии: Уч. пособие / Ред. М.Х.Абусеитова. – С. 249–254.

[160] Ujfalvy de Mezö Kövesd Ch.Expedition Scientificue Française en Russie, en Siberie, et dans le Turkestan. – Paris: E.Leroux, 1878. – Vol. 6.

[161] *Тудоряну Н.* Отношения США и России в начале XX в. по российским архивным документам // Новая и новейшая история. – 1998. – № 2. – С. 43.

[162] Биографию Юджина Шуйлера более подробно см.: *Coleman M.* Eugene Schuyler: Diplomat Extraordinary from the United States to Russia 1867–1876 // Russian Review. – 1947. – Vol.7. – P.33–48; *Акишев А.А.* Путешествие Юджина Шуйлера и Стивена Грэхама по русскому Туркестану (1873, 1914 гг.) // Материалы I и II научн. чтений памяти В.П.Юдина, 1993–1994 гг. –Алматы: Дайк-Пресс, 1999. – С. 31–52.

[163] *Schuyler E.* Turkistan. Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. – 2 Vols. – New York: Scribner, 1876. – Vol.1. – P. 136–137.
[164] *Ibid.* – P. 135–136.
[165] Киргизско-русский словарь / Сост. К.К.Юдахин. – М.: Советская энциклопедия, 1965. – Кн.1. А-К. – С. 345–346.
[166] *Coleman M.* Eugene Schuyler: Diplomat Extraordinary from the United States to Russia. 1867–1876. – P. 33.
[167] *Schuyler E.* Turkistan. – Vol.2. – P. 137.
[168] *Huntington E.* The Pulse of Central Asia. – P. 106.
[169] Подробная родоплеменная структура кыргызов встречается у Ч.Ч.Валиханова, Н.А.Аристова. – См.: *Валиханов Ч.Ч.* Записки о киргизах. – Алма-Ата: Гл. ред. Каз. совет. энциклопедии, 1985. – Т.II; *Аристов Н.А.* Усуни и киргизы или кара-киргизы. Очерки истории и быта населения Западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. –Бишкек: Илим, 2001.
[170] *Schatz E.* Modern Clan Politics. The Power of “Blood” in Kazakhstan and Beyond. – Seattle: University of Washington Press, 2004. – P.26; *Эйкельман Д.* Что такое племя? Ближний Восток и Центральная Азия: Антропологический подход. – 3-е изд. – Нью Жерси: Прентис Холл, 1998. – С. 1.
[171] *Schatz E.* Modern Clan Politics. – P. 26.
[172] *Васильев Л.С.* История Востока. – М.: Высшая школа, 2005.
[173] *Эйкельман Д.* – Указ.работа. – С. 1.
[174] *Каратаев О.К.* Кыргыз этнонимиясы / тарыхый-лингвистикалык изилдоо: Автореф. дис….канд. ист. наук. – Бишкек, 1994. – С. 16.
[175] *Валиханов Ч.Ч.* Очерки Джунгарии. – Т. III. – С. 344.
[176] *Джамгерчинов Б.Д.* Очерк политической истории Киргизии XIX века. –С.83–84; *Плоских В.М.* Очерки патриархально-феодальных отношений в Южной Киргизии (50–70-е годы XIX в.). – Фрунзе: Илим, 1968. – С. 12–13.
[177] История Казахстана: народы и культуры: Уч. пособие / Ред. Н.Э.Масанов. – С.142–164; Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости // Р.М.Абдуллаев. – Ташкент: Шарк, 2000. – С. 5–18.
[178] *Есмагамбетов К.Л.* Указ. работа. – С. 52.
[179] *Pratt L.M.* Imperial Eyes. Travel Writing and Transculturation. – P. 69–85, 111–143.
[180] Wevers, Lydia. Country of Writing Travel. Travel Writing and New Zealand 1809–1900. – Auckland: Auckland University Press, 2002. – P. 3–4.
[181] *Эйкельман Д.* Указ. работа. – С. 125.
[182] *Dunmore E.* The Pamirs; a Narrative of Year’s Expedition on Horseback and on Foot Through Kashmir, Western Tibet, Chinese Tartary, and Russian Central Asia. 2 Vols. – London: John Murray, 1893.
[183] *Аттокуров С.* Кыргыз санжырасы. – Бишкек: Кыргызстан, 1995.
[184] *Турдалиева Ч.Д.* Указ. работа. – С. 20–36.
[185] “Umbrella clans” было употреблено в отношении казахских номадов до русской колонизации, но понятие также допустимо и к кыргызской родоплеменной структуре. – См.: *Schatz E.* Modern Clan Politics. The Power of “Blood” in Kazakhstan and Beyond. – P. 27.

www.bizdin.kg

[186] См.: *Постников А.В.* Схватка на крыше мира. – С. 161.
[187] Там же. – С. 196.
[188] *Dunmore E.* The Pamirs. – P. 114–115.
[189] *Ibid.* – P. 114–115.
[190] *Загряжский Г.С.* Очерки Токмакского уезда // Туркестанские ведомости. – 1873. – №10; Хрестоматия по истории Кыргызстана: Учеб. пособие / Сост. В.А.Воропаева / Ред. В.М.Плоских. – 2-е изд. – Бишкек: Раритет Инфо, 2004. – С. 249.
[191] *Schuyler E.* Turkistan. – Vol. 2. – P. 137.
[192] См.: *Бактыгулов Дж.С., Момбекова Ж.К.* История кыргызов и Кыргызстана с древнейших времен до наших дней. – Бишкек: Кыргызстан, 1999. – С. 192.
[193] См.: Россия: полное географическое описание нашего отечества: Ностальгия и дорожная книга / ред. П.П.Семенова-Тян-Шанского. – СПб.: Издание А.Ф.Деврена, 1913. – С. 345.
[194] *Батырбаева Ш.Ж.* Население Кыргызстана в 20–50-е годы XX века: Историко-демографический анализ. – Бишкек, 2003. – С. 232.
[195] *Bonvalot G.* Through the Heart of Asia. – Vol. 2. – P. 127.
[196] *Гедин С.* В сердце Азии. – С. 126.
[197] *Костенко Л.Ф.* Военно-научная экспедиция на Алай и Памир // Военный сборник. – 1877. – № 4; *Жумабаев Б.М.* Южный Кыргызстан глазами российских путешественников. – С. 50.
[198] *Гедин С.* Через Азию. – С.128; *Зайцев В.Н.* Памирская страна – центр Туркестана // Ежегодник Ферганской области. Новый Маргелан. – Т.II. – СПб, 1903. – С.74; *Жумабаев Б.М.* Указ. работа. – С. 57.
[199] Об отводе для кочевок свободных земель в Ферганской области киргизам, переходящим из Кашгарских пределов, и о включении их в население области. 23 марта 1879 г. // ЦГА Респ. Узбекистан. – Ф.1, оп. 14, д. 345.
[200] *Крадин Н.Н.* Кочевники Евразии. – Алматы: Дайк-Пресс. – С. 30–31.
[201] *Гедин С.* Через Азию. – С. 127–128.
[202] *Lansdell H.* Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. – Vol.1. – P. 302, 309 –310.
[203] *Ibid.* – P. 302, 309–310, 139.
[204] *Аристов Н.А.* Указ. работа. – С. 522.
[205] *Валиханов Ч.Ч.* Записки о киргизах. – Т. II. – С. 38.
[206] *Усенбаев К.У.* Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства. – С.119; *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические историко-культурные связи. – С.169; *Плоских В.М.* Киргизы и Кокандское ханство. – С. 247.
[207] История Киргизской ССР. – Т. II. – С. 179.
[208] *Schuyler E.* Turkistan. – Vol. 2. – P. 137–141.
[209] Степной закон. Обычное право казахов, киргизов и туркмен / Сост. А.А.Никишенков / Под ред. Ю.Т.Семенова. – М.: Старый сад, 2000.
[210] *Schuyler E.* Turkistan. – Vol. 2. – P. 137, 140–141.
[211] *Северцов Н.А.* Путешествие по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня. – С. 126.

www.bizdin.kg

[212] *Macartney L.* An English Lady in Chinese Turkestan. – P. 162.
[213] *Schuyler E.* Turkistan. – Vol.2. – P. 137 –141.
[214] *Хазанов А.* Кочевники и внешний мир. – Алматы: Дайк-Пресс, 2000. – С.133–148; *Кляшторный С.Г.* Рабы и рабыни в древнетюркской общине (по материалам рунической письменности Монголии) // Древние культуры Монголии / Отв. ред. Р.С.Васильевский. – Новосибирск, 1985; *Крадин Н.Н.* Кочевые общества. – Владивосток: Дальнаука, 1992. – С.110–111; *его же.* Кочевники Евразии. – Алматы: Дайк-пресс, 2007. – С. 15.
[215] *Усенбаев КУ.* Указ. работа. – С. 124–125.
[216] *Усенбаев К.У.* О щедром манапе, смелом батыре // Слово Кыргызстана. – 1991. – 5 янв. – С. 6.
[217] *Загряжский Г.С.* Заметки о народном самоуправлении у кара-киргизов. – Ежегодник. Материалы для статистики Туркестанского края. – Вып.III. –СПб., 1874. – С. 363.
[218] *Dunmore E.* The Pamirs. – Vol.2. – P. 117–118.
[219] *Асанканов А.А., Осмонов О.Дж.* История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней). / Учеб. для вузов. – Бишкек, 2002. – С. 245–246.
[220] *Толыбеков Е.Е.* Кочевое общество казахов в XVII – начале XX вв. –Алма-Ата, 1977. – С. 508.
[221] *Sykes E.* Through the Deserts and Oases of Central Asia. – P. 126–127.
[222] *Bonvalot G.* Through the Heart of Asia. – 2 Vols. – London:Chapman, 1889.
[223] *Ibid.* – Vol.2. – P. 48–54.
[224] См.: Tzarina of the Mountains, Kurmanjan and her Times / Ed.A.Kakeev, V.Ploskikh. – Bishkek: Ilim, 2002. – P. 97–98.
[225] Талдык, перевал через восточную часть Алайского хребта между верховьем р. Гульча и Алайской долиной в Кыргызстане. Высота 3615 м.
[226] *Тагеев.* Царица Алая // Нива. – 1898. – №4. – С. 68–71.
[227] Tsarina of the Mountains, Kurmanjan and her Times. – P. 83.
[228] *Bonvalot G.* Through the Heart of Asia. – Vol.2. – P. 113.
[229] *Hedin S.* Through Asia. – Vol.1. – P. 114.
[230] *Гедин С.* В сердце Азии. – С. 81.
[231] История Киргизской ССР. – Т. II. – С. 101.
[232] *Гедин С.* В сердце Азии. – С. 96–97, 104, 120.
[233] *Sykes E.* Through Deserts and Oases of Central Asia. – P.115–116; *Huntington E.* The Pulse of Central Asia. – P. 114–115.

Глава III

[234] *Hopkirk P.* The Great Game. The Struggle for Empire in Central Asia. – P.1, 66–76.
[235] *Said E.W.* Orientalism. – P. 1–2.
[236] *Джамгерчинов Б.Д.* Добровольное вхождение Киргизии в состав России. –2-е изд. – Фрунзе: Киргиз Госиздат, 1963; *Плоских В.М.* Очерки патриархально-феодальных отношений в Южной Киргизии (50–70-е годы XIX в.). – Фрунзе: Илим, 1968; *Ходжаев А.* Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан (колониальная политика Цинского Китая во второй половине XIX в.). – М.:

Наука, 1979; *Боотаева Б.* Кыргызы между Кокандом, Китаем и Россией. – Бишкек: Илим, 1995.
[237] *Said E.* Orientalism. – New York: Random, 1978; *Pratt L.M.* Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation. – London&New York: Routledge, 1992.
[238] *Hopkirk P.* The Great Game. The Struggle for Empire in Central Asia. – Introduction.
[239] *Ключевский В.О.* Соч., в 9-ти томах. – Т. IV. Курс русской истории / Под ред. В.Я.Янина. – М.: Мысль, 1989. – С. 112.
[240] Там же. – С. 112–113.
[241] См.: *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России. – С. 67.
[242] *Неболсин Г.П.* Статистическое обозрение внешней торговли России. – Ч.1–2. – СПб., 1850. – С. 22–23; См.: *Халфин Н.А.* – Указ. работа. – С. 68.
[243] *Хевролина В.М.* Внешнеполитические взгляды славянофилов конца XIX в. // Новая и новейшая история. – 1998. – № 2. – С. 37.
[244] *Hopkirk P.* The Great Game. The Struggle for Empire in Central Asia. – P. 4.
[245] См.: История России: проблемы, события, люди. – М.: Изд-во центр гуманит. образования, 2000. – С. 171.
[246] *Ключевский В.О.* Указ. работа. – Т. IV. – С. 32–33.
[247] См.: История России: проблемы, события, люди. – С. 217.
[248] *Schuyler E.*Turkistan. –Vol. II. – P. 151.
[249] *Тудоряну Н.* Отношение США и России в начале XX в. по российским архивным документам // Новая и новейшая история. – 1998. – № 2. – С.43, 53.
[250] См.: *Юлдашбаева Ф.* Из истории английской колониальной политики в Афганистане и Средней Азии. – С. 46.
[251] *Dunmore E.* The Pamirs. – Vol. II. – P. 309.
[252] *Неболсин Г.П.* Статистическое обозрение внешней торговли России. – С. 22–23; См.: *Халфин Н.А.* Указ. работа. – С. 68.
[253] Central Asia. – P. 257.
[254] *Хидоятов Г.А.* Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX века (60–70-е гг.). – С. 41.
[255] *Бжезинский З.* Указ. работа. – С. 31.
[256] Поццо-ди-Борго-Нессельроде, 11/23 X 1938 г. Цит. по *Ф.Мартенс*. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. – Т. XII. – СПб., 1899. – С. 74; См.: *Хидоятов Г.А.* Указ. работа. – С. 58.
[257] См.: *Хидоятов Г.А.* Указ. работа. – С. 80.
[258] *Терентьев М.А.* Россия и Англия в борьбе за рынки // Туркестанский сборник / Сост. В.И.Межов. – СПб., 1873. – Т. 93. – С. 50.
[259] *Постников А.В.* Указ. работа. – С. 113.
[260] *Жумабаев Б.М.* Южный Кыргызстан глазами российских путешественников (вторая половина XIX – начало XX вв.). – С. 25.
[261] *Северцов Н.А.* Путешествие по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня по поручению императорского Русского географического общества. – СПб., 1873. – С. 9.
[262] *Кляшторный С.Г., Колесников А.А., Басханов М.К.* Восточный Туркестан глазами европейских путешественников. – С. 44.

[263] *Goreshenina S.* La Haute-Asie Telle Qu'ils L'ont vue. Explorateurs et Scientifiques de 1820–1940. – Jeneve: Editions Olizane, 2003; La Route De Samarcande. L'Asie Centrale Dans L'Objectif Des Voyageurs D'Autrefois. – Geneve: Editions Olizane, 2000.

[264] Статистические и математические методы применяются в исторических исследованиях с 70-х годов XX столетия. См.: *Кащенко С.Г.* Статистические методы в исторических исследованиях (Статистическое описание): Уч. пособие. – Л., 1989. – С. 14–16; см.: Математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях. – М.: Наука, 1989.

[265] Разность значения признака принято называть вариантами. У нас получаются такие значения, которые поставлены в ранжированный ряд по убыванию: 44, 44, 36, 35, 35, 34, 23, 14, 13, 11, 0, –15. Два значения показателей повторяются дважды. Это – 44 и 35. В списке российских исследователей: 30, 30, 41, 41, 37, 37, 32, 31, 31, 28, 26, 16. Повторяются 30, 41, 37, 31. Число повторений вариантов называется частотой. Таким образом, если пронумеровать все варианты (обозначим их X) и поставить их в соответствие с частотой (обозначим N), то получается таблица, которая называется вариационным рядом. Если разделить каждую из частот на сумму элементов в совокупности (сумму всех частот), то получим относительную величину, называемую частотностью.

[266] *Sykes E.* Through Deserts and Oases of Central Asia. – P. 133.

[267] О пересмотре правил посещения иностранцами Туркестанского края // ЦГА Респ. Узбекистан. – Ф. 1, оп. 4, д. 1255, л. 7–10.

[268] Переписка о поездке в Туркестанский край французских подданных Уйфальви с женой, Капус и Бубало для научных исследований // ЦГА Респ. Узбекистан. – Ф. 1, оп. 32, д. 466, л. 5, 6, 6/об.

[269] О пересмотре правил посещения иностранцами Туркестанского края // ЦГА Респ. Узбекистан. – Ф. 1, оп. 4, д. 1255, л. 18.

[270] Там же. – Л. 63.

[271] О разрешениях на приезд в Туркестанский край иностранцев, подданных европейских стран – германцев и англичан, и других // ЦГА Респ. Узбекистан. – Ф. 1, оп. 32, д. 298, л. 275–275/об.

[272] Там же.

[273] По ходатайствам иностранцев о разрешении проживать в Туркестанском крае. 9 февраля 1888 – 11 марта 1889 // Ф. 1, оп. 12, д. 38, л. 84.

[274] О пересмотре правил посещения иностранцами Туркестанского края // ЦГА Респ. Узбекистан. – Ф. 1, оп. 4, д. 1255, л. 42.

[275] *Xantington E.* The Pulse of Asia. – P. 111–112.

[276] См.: *Юлдашбаева Ф.* Указ. работа. – С. 63–57.

[277] *Постников А.В.* Указ. работа. – С. 160.

[278] Актор от англ. слова «Act» – действие, действовать, в настоящее время термин широко используется в социально-политических науках. См.: *Raeff M.* Patterns of Russian Imperial Policy toward the Nationalities / Soviet Nationalities Problems. – New York–London: Free Press, 1971. – P. 22–42.

www.bizdin.kg

[279] *Мак-Грегор С.М.* Оборона Индии. – Ч.1. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – СПб., 1891; *Тухтаметов Т.Г.* Россия и Бухарский эмират в начале XX века. – Душанбе: Ифрон, 1977; *Юлдашбаева Ф.* Из истории английской колониальной политики в Афганистане и Средней Азии (70–80 годы XIX в.). – Ташкент, 1963; *Постников А.В.* Схватка на крыше мира. Памятники исторической мысли. – 2001.
[280] *Грулев М.* Соперничество России и Англии в Средней Азии. – СПб., 1909. – С. 7.
[281] *Турдалиева Ч.Дж.* История и культура кыргызов в трудах Ч.Ч.Валиханова. – С. 37–53.
[282] Кокандское ханство // Туркестанский сборник. – Т. XXIII. – С. 59.
[283] *Lansdell H.* Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. – P. 360.
[284] История Киргизской ССР. – Т. II. – С. 106.
[285] *Schuyler E.* Turkistan. – Vol. II. – P. 126.
[286] *Macartney L.* An English Lady in Chinese Turkestan. – P. 166.
[287] *Ibid.* – P. 16.
[288] *Жумабаев Б.М.* Указ. работа. – С. 28–32.
[289] *Bonvalout G.* Through the Heart of Asia. – Vol. II. – P. 179.
[290] *Ibid.* – P. 179.
[291] *Gordon T.E.* The Roof of the World. – P. 133.
[292] *French P.F.* Younghusband. The Last Great Imperial Adventurer. – London: Harper, 1994; Introduction. – P. XX; О биографии Янгхазбэнда см.: *Seaver G.* Francis Younghusband. K.C.S.I., K.C.I.E. 1863–1942. Explorer and Mystic. – London, 1952; *Fleming P.* Bayonets to Lhasa. – London, 1974.
[293] Автор в рамках исследовательских проектов CARI (2002–2004) Fulbright (2005) имел возможность работать в библиотеке университета.
[294] IOLR. PSLEF. I/60. S.87. India, 14 July, 1890: Instructions to Youghusband. – P. 961; IOLR. MSS. Eur. F197/70; *Younghusband.* Miscellaneous papers…Sheet 10; См.: *Постников А.В*. Указ. работа. – С. 212–213.
[295] *Younghusband F.* The Heart of the Continent. – P. 186–192.
[296] *Bonvalout G.* Through the Heart of Asia. – Vol. II. – P. 181.
[297] *Постников А.В.* Указ. работа. – С. 244.
[298] IOLR. MSS. Eur. F.111/113: Correspondence in regard to the Pamir frontier. Confidential (6131), 1890–1891, Inc. 8 in No. 4. – Captain Younghusband to the Government of India. – Kashgar, Nov. 23, 1890. – P. 16–17; См.: *Постников А.В*. Указ. работа. – С. 214.
[299] IOLR. MSS. Eur. F111/70: Russian advances in Asia. No.VII.1890–1895; prepared in the intelligence division of the War Office by Capt. W.A.Macbean, Sheet 10 back-side; см.: *Постников А.В*. Указ. работа. – С. 223–224.
[300] *Гедин С.* В сердце Азии. – Т. I. – С. 76.
[301] ЦГИА России. – Ф. 19, оп. 1, д. 7897, л. 11; д. 4157, л. 2, 90, 28, 175; см.: *Губаева С.С*. Указ. работа. – С. 73–74; см.*: Mannergehm G.* A Cross Asia. – P. 37; *Bonvalout G.* Through the Heart of Asia. – P. 53–55.

www.bizdin.kg

[302] РГВИА 846, оп. 1, № 115, л. 169–174; см.: *Постников А.В*. Указ. работа. –С. 272.
[303] *Dunmore E.* The Pamirs. – P. 167.
[304] *Ibid.* – P. 167.
[305] *Younghusband F.* The Heart of the Continent. – P. 264.
[306] *Постников А.В.* Указ. работа. – С. 246.
[307] *Джамгерчинов Б.Д.* Очерк политической истории Киргизии XIX века. – Фрунзе: Илим, 1966; *Айтбаев М.Т.* Социально-экономические отношения в киргизском аиле в XIX – начале XX вв. – Фрунзе: Илим, 1962; *Галицкий В.Я.* История города Пишпека (1878–1917). – Фрунзе: Илим, 1980.
[308] Под выражением «контактная зона» американский исследователь Мэри Пратт понимает пространство, в котором культуры, разделенные географически и исторически, находятся в контакте и во взаимодействии // *Pratt Mary L.* Imperial Eyes. Travel Writing and Transculturation. – P. 5–6.
[309] *Franey E.L.* Victorian Travel Writing and Imperial Violence. British Writing on Africa, 1855–1902. – P. 60.
[310] О физическом насилии в колониальной Африке. См.: *Drummond H.* Tropical Africa. – London: Hodder and Stoughton, 1888; *Du Chaillu P.* A Journey to Asango-Land and Further Penetration into Equatorial Africa. – London: Murray, 1861; *Kingsley, Mary H.* Travels in West Africa: Congo Francais Coirsco and Cameroon. – 5th ed. – London: Viargo, 1982.
[311] *Franey E.L.* Victorian Travel Writing and Imperial Violence. – P. 53.
[312] *Bonvalout G.* Through the Heart of Asia. – Vol. II. – P. 99.
[313] *Гедин С.* В сердце Азии. – Т. I. – С. 107.
[314] Там же. – С. 97.
[315] *Bonvalout G.* Through the Heart of Asia. – Vol. II. – P. 46.
[316] *Schuyler E.* Turkistan. – Vol. II. – P. 305.
[317] *Валиханов Ч.Ч.* Записки о судебной реформе. – Т.IV. – С. 97.
[318] Там же. – С. 97.
[319] *Аристов Н.А.* Усуни и кыргызы или кара-кыргызы. – С. 512.
[320] *Маев Н.А.* От Ташкента до Верного. Путевые заметки // Материалы для статистики Туркестанского края / Ежегодник. – Вып. II. – 1873. – С. 336–350; *Талызин Н.А.* Пишпекский уезд. Исторический очерк (1859–1868 гг.) // Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета 1898 год. – Верный, 1898. – С. 25–41 и др.; см.: *Усенбаев К.У.* Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства (XIX век до присоединения Киргизии к России). – С. 112–115.
[321] *Schuyler E.* Turkistan. – Vol. II. – P. 305.
[322] *Ibid.* – P. 305.
[323] Степной закон. Обычное право казахов, киргизов и туркмен. – С. 5–7.
[324] *Нарочницкая Н.* Указ. работа. – С. 7.
[325] О командировании отряда войск на защиту рода богу от нападения рода сарыбагышцев и кокандцев // ЦГА Респ. Казахстан. – Ф. 3, оп. 1, д. 51, л. 3; Дело о враждебных отношениях между киргизскими родами богу и сарыбагыш

и о посылке отрядов для примирения их // ЦГА Респ. Казахстан. – Ф. 3, оп. 1, д. 348, л. 11, 29, 32.
[326] *Schuyler E.* Turkistan. – Vol. II. – P. 205–206, 241.
[327] *Ibid.* – P. 237.
[328] История Казахстана. Народы и культуры. – С. 186.
[329] *Гедин С.* В сердце Азии. – Т. I. – С. 63.
[330] *Schuyler E.* Turkistan. – Vol. II. – P. 233.
[331] По жалобе от имени киргиза Семиреченской области Джалаучи Уаликова на старшего чиновника особых поручений при Военном губернаторе Семиреченской области статского советника Пантусова на злоупотребление его по должности // ЦГА Узбекистан. – Ф. 1, оп. 4, д. 419. О сопротивлении, оказанном киргизами 1 июля 1909 г. в Нарынской области царской администрациии во время переучета кибиток. – Ф. 1, оп. 4, д. 1390, 12 л/в.
[332] *Schuyler E.* Turkistan. – Vol II. – P. 279–280.
[333] История Киргизской ССР. – Т. II. – С. 83.
[334] *Xantington E.* The Pulse of Asia. – P. 126.
[335] *Bonvalout G.* Through the Heart of Asia. – Vol. II. – P. 46.
[336] *Macartney L.* An English Lady in Chinese Turkestan. – P. 168.
[337] *Hedin S.* My Life as an Explorer. – Washington: National Geographic Society, 2003. – P. 91.
[338] *Bonvalout G.* Through the Heart of Asia. – Vol. II. – P. 78, 106.
[339] *Северцов Н.А.* Путешествие по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня. – С. 174.
[340] Там же. – С. 79.
[341] *Гедин С.* В сердце Азии. – Т. I. – С. 60, 149.
[342] Там же. – С. 94–102.
[343] *Pratt M.L.* Imperial Eyes. Travel Writing and Transculturation. – P. 61.
[344] *Atabaki T.* Beyond Essentialism. Who Writes Whose Past in the Middle East and Central Asia. Inaugural lecture by Dr. T. Atabaki, Extraordinary Professor of the Social History of the Middle East and Central Asia in the University of Amsterdam, delivered on Friday, 13 December 2002. – Amsterdam, 2003. – P. 4.
[345] *Lansdell H.* Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. – Vol. II. – P. 302, 306.
[346] *Huntington E.* The Pulse of Central Asia. – P. 146.
[347] *Gordon T.E.* The Roof of the World. – P. 32.
[348] *Xantington E.* The Pulse of Asia . – P. 133.
[349] *Younghusband F.* The Heart of the Continent. – P. 262.
[350] *Bonvalout G.* Through the Heart of Asia. – Vol. II. – P. 81, 98, 157.
[351] *Huntington E.* The Pulse of Central Asia. – P. 126–127.
[352] *Youngs T.* Travelers in Africa. British Travelogues 1850–1900. – Manchester: Manchester University Press, 1994. – P. 94.
[353] *Dunmore E.* The Pamirs. – Vol. II. – P. 118.
[354] *Валиханов Ч.Ч.* Дневник поездки на Иссык-Куль. – Т. I. – С. 34–35.
[355] Некоторые кыргызские женщины-лекари проводят сеансы народного лечения камчой (кнутом). – См.: *Помаскин Б.* К вопросу об особенностях ислама

в Кыргызстане // Государственность и религия в духовном наследии Кыргызстана / ред. В.Плоских. – Бишкек–Лейпциг: Илим, 2003. – С. 183–184.

[356] *Мокрынин В.* По следам прошлого. – Фрунзе: Кыргызстан, 1986; *Шер Я.* Каменное изваяние Семиречья. – М.: Наука, 1966.

[357] *Тугельбаева Б.* Международный опыт продвижения законодательства по предотвращению насилия в семье // Государственность и религия в духовном наследии Кыргызстана / ред. В.Плоских. – Бишкек–Лейпциг: Илим, 2003. – С. 79.

[358] *Huntington E.* The Pulse of Central Asia. – P. 128–129.

[359] *Хазанов А.* Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // Кочевая альтернатива социальной революции. – М.: ПМЛ Института Африки РАН, 2002. – С. 39.

[360] См.: *Валиханов Ч.Ч.* Записки о киргизах. – Т. II. – С.30; Тысяча кыргызских пословиц и поговорок из собрания академика К.К.Юдахина / Сост. Д.Т.Давлетбакова. – Бишкек: Переплетчик, 2000. – С. 63, 19.

[361] *Parsons T., Bales S.R.* Family, Socialization and Interaction Process. – New York: The Free University Press, 1955.

[362] *Валиханов Ч.Ч.* Записки о киргизах. – Т. II. – С. 74.

[363] Чапан с крупными бордовыми цветами. – ЭФ. – Инв. №46, чапан мужской, серого цвета, вышивка. – ЭФ. – КП №29. Инв. №70, чапаны женские. – ЭФ. –КП №55. Инв. №67. – Инв. № 64, платье женское с вышитой тесьмой на груди (у южных кыргызов). – ЭФ. – КП №31. Инв. №92, платье женское с вышивкой на рукавах. – ЭФ. – КП №31. Инв. №31/1, мужской калпак. – ЭФ. –КП 2471/2. Инв. №429, 327, чач кеп с вышивкой, нач. XX в. Ошская обл. –ЭФ. – КП №320. Инв. №730.

[364] *Валиханов Ч.Ч.* Записки о киргизах. – Т. II. – С. 74.

[365] *Dunmore E.* The Pamirs. – Vol. II. – P. 9, 118.

[366] *Hedin S.* Through Asia. – Vol. II. – P. 278.

[367] *Пужоль К.* Центрально-Азиатское пространство и время: между разрывом и непрерывностью // Общественное мнение. Права человека. – 2001. – №1. – С. 60–63.

[368] *Валиханов Ч.Ч.* Дневник поездки на Иссык-Куль. – Т. I. – С. 36.

[369] См.: *Hedin S.* Through Asia. – P. 278; *Кляшторный С.Г., Колесников А.А., Басханов М.К.* Восточный Туркестан глазами европейских путешественников. – С. 107.

[370] Women's Position in Uzbekistan before and after Independence // Gender and Identity Construction: Woman of Central Asia, the Caucasus and Turkey/ed.by Feride Acar&Ayse Gunes-Ayata. – Leiden-Boston-Këln-Brill, 1999. – P. 299.

[371] *Фиельструп М.* Из обрядовой жизни киргизов. – М.: Наука, 2002.

[372] *Валиханов Ч.Ч.* Дневник поездки на Иссык-Куль. – Т. I. – С. 36.

[373] Там же. – С. 38.

[374] Перламутровые бусы и пуговицы имели большую ценность, как элемент украшения. См.: *Dunmore E.* The Pamirs. – Vol. II. – P. 9, 118.

www.bizdin.kg

Глава четвертая

[375] См.: *Есмагамбетов К.Л.* Что писали о нас на Западе. – С. 82–83.
[376] Kreutzmann H. Ellsworth Huntington and his perspective on Central Asia. Great Game experiences and their influence on development thought // Geographic Review. – Vol. 59. – 2004. – № 4. – P.335–337; *Кабанова Т.* Хантингтон и кыргызы // Мээрим. – 2000. – №.3. – С. 23–26.
[377] *Chappell J.E.* Climatic Change Reconsidered: Another Look at "The Pulse of Asia" // Geographical review. – Vol. 60. – 1970. – №.3. – P. 353–354.
[378] Американскому профессору Пумпелли содействие в организации экспедиции на оз. Иссык-Куль // ЦГА Респ. Узбекистан. – Ф. 1, оп. 32, д. 218, л. 8.
[379] *Harper L.* Solitary Travelers. Nineteenth-Century Women's Travel Narratives and the Scientific Vocation. – P. 24; *Pratt L.M.* Imperial Eyes. Travel Writing and Transculturation. – P.47; *Крадин Н.* Кочевые общества (Проблема формационной характеристики). – Владивосток: Дальнаука, 1992. – С.12 –27; *Khazanov A.* Nomads and the Outside World. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
[380] См.: *Есмагамбетов К.Л.* Указ. работа. – С. 56–57.
[381] *Huntington E.* The Pulse of Central Asia. – P. VII–XXI.
[382] *Kreutzmann H.* Указ. работа. – С. 335.
[383] *Huntington E.* The Pulse of Central Asia. – P. 6.
[384] Там же. – P. 380.
[385] *Тойнби А.* Постижение истории. – М.: Айти-Пресс, 2002.
[386] *Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности номадного общества). – Алматы: Социнвест, 1995. – С. 222–224.
[387] Conformity and conflict: readings in cultural anthropology / J.Spradley, D.W McCurdy.-10th ed. – Needham Heights: Allyn&Bacon, 2000. – P. 5.
[388] Huntington E. The Pulse of Central Asia . – P. 109.
[389] *Валиханов Ч.Ч.* О кочевках киргиз. – Т. IV. – С.107; *Гродеков Н.И.* Киргизы и кара-киргизы Сырдарьинской области. – Ташкент, 1889; *Волконский А.* От Нового Маргелана до границ Бухары // Вестник Европы. – 1894. – №7. – С. 98–138.
[390] *Валиханов Ч.Ч.* О кочевках киргиз. – Т. IV. – С. 107.
[391] *Huntington E.* The Pulse of Central Asia. – P. 110.
[392] По данным современного кыргызского этнографа М.Т.Айтбаева в прошлом веке летние пастбища Кыргызстана могли прокормить 25 млн. скота, осенние – 15 млн., весенние – 10, а зимние – 5–8 млн. См.: *Айтбаев М.Т.* Социально-экономические отношения в киргизском аиле в XIX – начале XX вв. – Фрунзе, 1962. – С. 16.
[393] История Киргизской ССР. – Т. II. – С. 106–107.
[394] *Huntington E.* The Pulse of Central Asia. – P. 110.
[395] Там же. – P. 114.
[396] *Lansdell H.* Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. – Vol. I. – P. 318–321.
[397] Записки о киргизах. – Т. II. – С. 34.
[398] Hedin S. Through Asia. – Vol. I. – P. 413.

[399] *Lansdell H.* Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. – Vol. I. – P. 318–321.
[400] *Ситнянский Ю.Г.* Сельское хозяйство киргизов. Традиции и современность. – М.: Ин-т этнологии и антропологии, 1998. – С. 54.
[401] Там же. – С. 54–56.
[402] *Shahrani N.* The Kirghiz and Wakhi of Afghanistan. – Seattle: University of Washington Press, 2002. – P.90–91; *Антипина К.И.* Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. – Фрунзе: Изд-во Академии наук Кирг. ССР, 1962. – С. 169.
[403] *Sykes E.* Through Deserts and Oases of Central Asia. – P. 124.
[404] *Huntington E.* The Pulse of Central Asia. – P.108–114; *Lansdell H.* Russian Central Asia including Kuldja, Bokhahra, Khiva and Merv. – P.318; *Hedin S.* Through Asia. – Vol. I. – P. 98.
[405] *Sykes E.* Through Deserts and Oases of Central Asia. – P. 122.
[406] *Macartney L.* An English Lady in Chinese Turkestan. – P. 145.
[407] *Валиханов Ч.Ч.* Записки о киргизах. – Т. II. – С.30; *Ошанин В.Ф.* Каратегин и Дарваз. – СПб., 1881. – С. 20.
[408] *Lansdell H.* Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. – Vol. I. – P. 318.
[409] Sykes E. Through Deserts and Oases of Central Asia. – P. 26.
[410] Киргизско-русский словарь / сост. Юдахин К.К. – Кн.1. – С. 202.
[411] *Hedin S.* Through Asia. – Vol. I. – P. 278; *Гедин С.* В сердце Азии. – Т. I. – С.146–147.
[412] *Ситнянский Г.Ю.* Современное состояние традиционных отраслей сельского хозяйства в горной Киргизии // Этногр. обозрение. – 1993. – №1. – С.43.
[413] *Назаркулов А.* Не только мясо, но и молоко // Слово Кыргызстана. – 11 июня 2008. – С. 3.
[414] См.: *Ситнянский Г.Ю.* Сельское хозяйство киргизов // Традиции и современность. – С. 77.
[415] *Акмолдоева Б.Б.* Коневодство в системе традиционного хозяйства киргизов (конец XIX – начало XX вв.: Дис. ...канд. ист. наук. – М., 1983. – С.182–188; *Жапаров А.З.* Некоторые вопросы традиционного коневодства // Вестник КГНУ. – 1997. – Вып. III.– С. 138.
[416] Тысяча кыргызских пословиц и поговорок из собрания академика К.К.Юдахина. – Бишкек, 1999. – С. 17.
[417] *Mannergeim C.G.* Across Asia. From West to East in 1906–1908. – OOsterhout N.B.: Anthropological Publications, 1969. – P.20. Биографию Г.Маннергейма, написанную недавно, см.: *Вейо М.* Карл Густав Маннергейм – маршал Финляндии / пер. на русск. А.Афиногеновой. – М.: Новое литературное обозрение, 1997.
[418] *Ibid.* – P. 20.
[419] *Кригер В.* Рейн-Волга-Иртыш: из истории немцев Центральной Азии. – С.29.
[420] См.: *Акмолдоева Б.Б.* Указ. работа. – С. 47.
[421] История Казахстана: народы и культуры. – С. 84.

www.bizdin.kg

[422] *Валиханов Ч.Ч.* О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии) в 1858–1859 годах. – Т. III. – С.210.
[423] *Ситнянский Г.Ю.* Сельское хозяйство киргизов. Традиции и современность. – С. 43.
[424] *Sykes E.* Through Deserts and Oases of Central Asia. – P. 123.
[425] Домашние животные Киргизии. – Фрунзе, 1988. – С. 189.
[426] См.: *Сатыбеков Э.* Вы чье, Ячье? // Вечерний Бишкек. – 13 июня 2008 г. – С.14.
[427] *Валиханов Ч.Ч.* Записки о киргизах. – Т. II. – С. 31.
[428] *Huntington E.* The Pulse of Central Asia. – P.115; *Sykes E.* Through Deserts and Oases of Central Asia. – P. 123.
[429] *Spradley J., McCurdy D.W.* Conformity and Conflict. Readings in Cultural Anthropology. – P. 153.
[430] *Gellner E.* State and Society in Soviet Thought. – Oxford: Oxford University Press, 1988; *Fletcher J.* The Mongols: ecological and social perspectives // Harvard Journal of Asiatic Studies. – 1986. – № 46(1). – P.11–50.
[431] См.: *Крадин Н.Н.* Кочевники Евразии. – С. 11–58.
[432] См.: *Barfield T.* The Nomadic Alternative. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1993; *Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов. – Алматы: Социнвест, М.: Горизонт, 1995; *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. – 3-е изд. – Алматы: Дайк-Пресс, 2000; *Крадин Н.Н.* Кочевники Евразии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007.
[433] *Lansdell H.* Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. – Vol. I. – P. 318.
[434] *Huntington E.* The Pulse of Central Asia. – P. 127.
[435] *Lansdell H.* Russian Central Asia including Kuldja, Bokhahra, Khiva and Merv. – P. 315.
[436] *Галиева З.* Проблемы и противоречия современного поликонфессионализма в Кыргызстане // Государственность и религия в духовном наследии Кыргызстана / Ред. В.М.Плоских. – Бишкек: Илим, 2003. – Вып.Ш. – С .160.
[437] *Ситнянский Г.Ю.* Сельское хозяйство киргизов. Традиции и современность. – С. 80.
[438] *Lansdell H.* Russian Central Asia including Kuldja, Bokhahra, Khiva and Merv. – Vol. I. – P. 315.
[439] *Джаманкараев А.* Из истории торговых связей Киргизии в конце XIX века // Из истории дореволюционного Кыргызстана / Ред. К.Усенбаев. – Фрунзе: Илим, 1986. – С. 106–115.
[440] *Macartney L.* Lady Macartney in Chinese Turkistan. – P. 172.
[441] *Bonvalot G.* Through the Heart of Asia. – Vol. II. – P. 63.
[442] *Dunmore E.* The Pamirs. – Vol. II. – P. 115.
[443] *Younghusband F.* The Heart of a Continent. – P. 133.
[444] *Whitefield S.* Aurel Stein on the Silk Road. – Chicago:Serindia Publications, 2004.
[445] *Stein A.* Innermost Asia. – New Delhi: Cosmo, 1981. – P. 54, 847.
[446] Сарыкол легендалары. – Мургаб, 2007. – С. 16.

www.bizdin.kg

[447] *Ситнянский Г.Ю*. Сельское хозяйство киргизов. Традиции и современность. – С. 172.
[448] *Береналиев О.Б*. Следы древней ирригации Киргизии // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. – Фрунзе: 1975. – С. 148.
[449] *Заднепровский Ю.А*. Узловые проблемы этнической истории кочевников Кыргызстана древнего периода // Кыргызы: этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии / Ред. А.А.Асанканов. – Бишкек, 1996. – С. 151.
[450] *Валиханов Ч.Ч*. Кашгарский дневник I. – Т. III. – С. 28.
[451] См.: *Плоских В.М*. Киргизы и Кокандское ханство. – С. 225–226.
[452] *Валиханов Ч.Ч*. Записки о киргизах. – Т. II. – С. 81.
[453] *Ситнянский Г.Ю*. Сельское хозяйство киргизов. Традиции и современность. – С. 162.
[454] *Асанканов А.А., Осмонов О.Дж.* История Кыргызстана с древнейших времен до наших дней. – С. 481–482.
[455] История Киргизской ССР. – Т. II. – С. 140–142.
[456] *Huntington E*. The Pulse of Central Asia. – P. 111–112.
[457] *Ходжаев А*. Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан. – М.: Наука, 1979. – С. 24.
[458] *Гедин С.* В сердце Азии. – Т. I. – С. 139.
[459] *Федоров М*. Отчет Ч.Ч.Валиханова о путешествии как источник по ценам и торговле в Восточном Туркестане, Киргизии и Казахстане // Известия АН Кирг. ССР. – 1991. – №1. – С. 61.
[460] *Hedın S*. Through Asia. – P. 278.
[461] См.: *Галицкий В., Плоских В*. Старинный Ош. – С.118 –121; *Захарова А.Е.* Памятники жилой и культовой архитектуры старинного Оша // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. – Бишкек, 1999. – С. 57.
[462] История Киргизской ССР. – Т. II. – С. 173.
[463] Там же. – С. 173.
[464] *Dunmore E*. The Pamirs. – Vol. II. – P. 116.
[465] *Валиханов Ч.Ч*. Записки о киргизах. – Т. II. – С. 33.
[466] Очерки Средней Азии // Туркестанский сборник / сост. В.И.Межов. – СПб., 1873. – Т. XXIII. – С. 9.
[467] *Валиханов Ч.Ч.* О состоянии Алытшара. – Т. III. – С.212; Тилля являлась золотой монетой в Кокандском ханстве достоинством 3 руб. 80 коп. по курсу второй половины XIX в. См.: *Троицкая А.Л.* Каталог архива кокандских ханов XIX в. – М.: Гл. редакция вост. лит-ры, 1968. – С. 564.
[468] *Hedın S*. Through Asia. – P. 295.
[469] *Ibid*. – P. 417.
[470] См.: *Усенбаев К.У.* Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства. – С.80.
[471] *Валиханов Ч.Ч*. Записки о киргизах. – Т. II. – С. 34.
[472] *Huntington E*. The Pulse of Central Asia. – P. 117–118.
[473] *Валиханов Ч.Ч.* О состоянии Алтышара... – Т. III. – С. 205.
[474] *Валиханов Ч.Ч*. Записки о киргизах. – Т. II. – С. 33–34.

www.bizdin.kg

[475] *Федоров М.* Указ. работа. – С. 60.
[476] Там же. – С. 60.
[477] *Валиханов Ч.Ч.* О состоянии Алтышара… – Т. III. – С. 210.
[478] *Троицкая А.Л.* Указ. работа. – С. 564.
[479] *Валиханов Ч.Ч.* О состоянии Алтышара… – Т. III. – С. 211.
[480] *Валиханов Ч.Ч.* Дневник поездки на Иссык-Куль. – Т. I. – С. 337.
[481] *Dunmore E.* The Pamirs. – P. 116.
[482] *Валиханов Ч.Ч.* Записки о киргизах. – Т. II. – С. 34.
[483] Там же. – С. 34.
[484] *Dunmore E.* The Pamirs. – P. 309.
[485] Central Asia / ed.K.John. Hawtorn:Lonely Planet Pablications, 1996. – P. 257.
[486] *Валиханов Ч.Ч.* Кашгарский дневник. – Т. III. – С. 41– 44, 55.
[487] *Bonvalot G.* Through the Heart of Asia. Over the Pamir to India. – Vol. II. –P.179.
[488] *Мукашев К.* Сто лет одиночества // Вечерний Бишкек. – 13 июня 2008. – С.3.
[489] *Bonvalot G.* Through the Heart of Asia. – Vol. II. – P. 46, 55.
[490] Киргизско-русский словарь. – В 2-х кн. / Сост. К.К.Юдахин. – Кн.1. – С.225.

Глава пятая

[491] Preface by the Director–General of UNESCO, Koichiro Matsura // Museum International. – 2004. – № 221–222. – С. 4.
[492] *Валиханов Ч.Ч.* Соч. в 5-ти томах. – Алма-Ата, 1984–1985; *Дудин С.М.* Киргизский орнамент // Восток. – Л., 1925; *Фиельструп Ф.А.* Из обрядовой жизни киргизов начала XX века / Отв. ред. Б.Х.Кармышева, С.С.Губаева. –М.: Наука, 2002.
[493] *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи / Вступ. ст. С.Т.Табышалиева. – Фрунзе: Кыргызстан, 1990; *Антипина К.И.* Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. – Фрунзе: Изд-во Академии наук Кирг. ССР, 1962; *Айтбаев М.Т.* Социально-экономические отношения в киргизском аиле в XIX – начале XX вв. – Фрунзе: Илим, 1962; *Баялиева Т.Дж.* Доисламские верования и их пережитки у киргизов и их преодоление. – Фрунзе: Илим, 1981; *Асанканов А.А.* Кыргызы: рост национального самосознания. – Бишкек: Кыргызстан, 1997; *Алымбаева Б.* Юрта киргизов в прошлом и настоящем // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана / Отв. ред. Г.П.Васильева. – М.: Наука, 2000. – С. 92–106.
[494] *Антипина К.И.* Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. – Фрунзе: Изд-во Академии наук Кирг. ССР, 1962; *Абрамзон С.М.* Очерки культуры киргизского народа. – Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1946; *Асанканов А.А.* Кыргызы-ламаисты Тарбагатая // Этносоциальные и этнокультурные процессы в Кыргызстане с древнейших времен до наших дней / Ред. А.А.Асанканов. – Бишкек: 2007. – С. 102–113.
[495] ЦГА Респ. Узбекистан. – Ф. 1, оп. 32, д. 298, л. 275–275/об.
[496] *Blanton C.* Travel Writing: the Self and the World / by Casey Blanton. – New York: Routledge, 2002. – P. 22.
[497] *Kingsley M.H.* Travels in West Africa: Congo François, Corisco and Cameroons. – London, 1897; *Fuller M.* At Home and Abroad or Things and Thoughts in America

and Europe. – Boston: Crosby, 1856; *Bell G*. Syria: The Desert and the Sown. – London: William Heinemann, 1907.
[498] *Maitzen R.A.* Gender, Genre, and Victorian Historical Writing. – New York: Garland, 1998. – P. 33–60.
[499] *Macartney L.* An English Lady in Chinese Turkestan. – London: Ernest Benn, 1931; *Sykes E.* Through Deserts and Oases of Central Asia. – London: Macmillan, 1920.
[500] *Macartney L.* An English Lady in Chinese Turkestan, with an introduction by Peter Hopkirk. – Oxford: Oxford University Press, 1986.
[501] *Huntington E.* The Pulse of Central Asia. – P. 106–136.
[502] ЦГА Респ. Узбекистан. – Ф. 1, оп. 32, д. 298, д. 295, л. 102, 275.
[503] *Sykes P.* Ten Thousand Miles in Persia. – London: John Murray, 1901, A History of Persia. – Vol. II. – London: Macmillan, 1930.
[504] *Sykes E.* Through Deserts and Oases of Central Asia. – P. 104–106, 131, 145;
[505] *Sykes E.* Through Deserts and Oases of Central Asia. – London: Macmillan, 1920; Through Persia on Side Saddle. – London: Innes, 1898; Persia and its People. – London: Methuen, 1910.
[506] *Macartney L*. An English Lady in Chinese Turkestan. – P. 143.
[507] *Ibid*. – P. 144–145, 148–149.
[508] *Macartney L.* An English Lady in Chinese Turkestan. – P. 144–145, 148–149.
[509] *Ibid*. – P. 161–162.
[510] *Sykes E.* Through Deserts and Oases of Central Asia. – P. 115–116.
[511] *Васильева Г.П.* Юрта – переносное жилище народов Средней Азии и Казахстана (опыт сравнительной характеристики конструктивных особенностей) // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана / Отв. ред. Г.П.Васильева. – М.: Наука, 2000. – С. 25.
[512] *Шаханова Н.* Мир традиционной культуры казахов (Этнографические очерки). – Алматы: Казахстан, 1998. – С. 30.
[513] *Валиханов Ч.Ч.* Записки о киргизах. – Т. II. – С. 36.
[514] *Крюков М.В., Курылев В.П.* К ранней истории юрты (по китайским источникам III в. до н. э. – XIII в. н. э.) // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана / Отв. ред. Г.П.Васильева. – М.: Наука, 2000. – С. 11.
[515] *Гедин С.* В сердце Азии. – Т. I. – С. 139.
[516] *Hedin S.* Through Asia. – Vol. II. – P. 279, 193.
[517] Статуэтки богини-матери с младенцем из Вавилона, Бактрии, Греции III–I тыс. до н. э. отражали их культово-религиозное значение. См.: *Мандельштам А.М.* К вопросу хронологической классификации древних терракот Согда // Искусство таджикского народа. – Душанбе: Дониш, 1960. – С. 147–148.
[518] *Hedin S.* Through Asia. – Vol. I. – P. 279.
[519] *Антипина К.И.* Указ. работа. – С. 30.
[520] *Валиханов Ч.Ч.* Записки о киргизах. – Т. II. – С. 36.
[521] *Алымбаева Б.* Поселения и жилища кетмень-тюбинских киргизов // Культура и быт кетмень-тюбинских киргизов. – Фрунзе: Илим, 1979. – С. 70–72.
[522] *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – С. 129.

www.bizdin.kg

[523] *Гедин С.* В сердце Азии. – С. 76.
[524] *Huntington E.* The Pulse of Asia. – P. 111.
[525] *Ibid.* – P. 111–112.
[526] В характеристике юрты тюркского типа Г.П.Васильева выделяет два типа юрт, имеющих, в свою очередь, несколько вариантов. Более подробно см.: *Васильева Г.П.* Юрта – переносное жилище народов Средней Азии и Казахстана (опыт сравнительной характеристики конструктивных особенностей) // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. – С.30–32.
[527] *Валиханов Ч.Ч.* Записки о киргизах. – Т. II. – С. 36.
[528] *Абрамзон С.М.* Указ. работа. – С. 128.
[529] *Вайнштейн С.И.* Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // Советская этнография. – 1976. – № 4. – С. 56.
[530] *Macartney L.* An English Lady in Chinese Turkestan. – P. 144–149.
[531] *Lansdell H.* Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. – P. 310; *Sykes E.* Through Deserts and Oases of Central Asia. – P. 124.
[532] В конце 70-х годов Н.Шахрани наблюдал у кыргызов, проживающих в районе Ваханского коридора на Южном Памире, особенно у небогатых скотоводов привязь для скота в юрте. См.: *Shahrani M.N.* The Kirghiz and Wakhi of Afghanistan. – Seattle: Washington University Press, 2002. – P. 90–91.
[533] *Антипина К.И.* Указ. работа. – С. 169.
[534] *Youngs T.* Travelers in Africa. British Travelogues.1850–1900. – P. 58.
[535] *Shakhanova N.* The System of Nourishment Among the Eurasian Nomads the Kazakh Example in Ecology and Empire // Nomads in the Cultural Evolution of the Old World / Ed.by G. Seaman. – Los Angeles: University of Southern Carolina, 2005. – P. 111.
[536] *Huntington E.* The Pulse of Asia. – P. 119–120.
[537] *Macartney L.* An English Lady in Chinese Turkestan. – P. 150.
[538] *Ibid.* – P. 158.
[539] *Archer I.C.* Omnia Mecum Porto: European Explorers' (Mis) Perceptions of North Pacific Peoples // Pacific Encounters: The Production of Self and Other / ed.by E.Kröller, A. Smith. – Vancouver: The University of British Columbia Press, 1997. – P. 24.
[540] *Parke T.* My Personal Experiences in Equatorial Africa as Medicine Officer of the Emin Pasha Relief Expedition. – London: Sampson Low, 1891. – P. 138.
[541] *Youngs T.* Travelers in Africa. British Travelogues, 1850–1900. – P. 54–56.
[542] История Казахстана: народы и культуры. – С. 84.
[543] *Абрамзон С.М.* Указ. работа. – С. 159; *Айтбаев М.Т.* Указ. работа. – С. 18; также выступ. проф. Дж.Легранда на межд.конф. «Мир номадизма: прошлое и будущее». – Дип. академия. – Бишкек, 13–14 августа, 2008.
[544] *Валиханов Ч.Ч.* Записки о киргизах. – Т. II. – С. 37.
[545] *Huntington E.* The Pulse of Central Asia. – P.119; *Dunmore E.* The Pamirs. –Vol. II. – P. 117.
[546] *Валиханов Ч.Ч* Записки о киргизах. – Т. II. – С. 37.
[547] Там же. – С. 38.

www.bizdin.kg

[548] *Айтбаев М.Т.* Пища киргизов XIX и начала XX веков // Известия АН Кирг. ССР. – 1962. – Вып. I. – С. 18.
[549] *Хафизова К.Ш.* Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV–XIX вв.). – Алматы: Гылым, 1995. – С. 98–99.
[550] *Sykes E.* Through Deserts and Oases of Central Asia. – P. 123.
[551] *Macartney L.* An English Lady in Chinese Turkestan. – P. 145.
[552] *Ibid.* – P. 149.
[553] *Macartney L.* An English Lady in Chinese Turkestan. – P. 159.
[554] *Галицкий В., Плоских В.* Старинный Ош. – Фрунзе: Илим, 1987. – С. 125.
[555] История Киргизской ССР. - Т. II. – С. 162.
[556] *Huntington E.* The Pulse of Central Asia. – P. 119–120.
[557] *Bonvalout G.* Through the Heart of Asia. – Vol. II. – P.105; *Macartney L.* An English Lady in Chinese Turkestan. – P. 140–141.
[558] *Валиханов Ч.Ч.* Кашгарский дневник 1. – Т. III. – С. 31.
[559] *Губаева С.С.* Население Ферганской долины в конце XIX – начале XX вв. (Этнокультурные процессы). – Ташкент: Фан, 1991. – С. 12.
[560] *Macartney L.* An English Lady in Chinese Turkestan. – P.145; *Sykes E.* Through Deserts and Oases of Central Asia. – P. 122–123.
[561] *Абрамзон С.М.* Указ. работа. – С. 153.
[562] *Айтбаев М.Т.* Пища киргизов XIX и начала XX веков. – С. 19.
[563] *Huntington E.* The Pulse of Central Asia. – P. 119–120.
[564] Там же. – С. 156.
[565] *Валиханов Ч.Ч.* Дневник поездки на Иссык-Куль. – Т. I. – С. 332.
[566] *Huntington E.* The Pulse of Central Asia. – P.114–115; *Macartney L.* An English Lady in Chinese Turkestan. – P. 141.
[567] *Sykes E.* Through Deserts and Oases of Central Asia. – P.115; *Hedin S.* Through Asia. – Vol. I. – P. 279, 281, 419; *Bonvalout G.* Through the Heart of Asia. – P. 45, 47, 133, 136, 138, 156, 158, 159, 165, 179.
[568] *Валиханов Ч.Ч.* Записки о киргизах. – Т. II. – С.64; Дневник поездки на Иссык-Куль. – Т. I. – С.321; *Махова Е.И.* Материальная культура киргизов как источник изучения их этногенеза // Тр. Кирг. археол.-этногр. экспедиции. – Т. III. – Фрунзе, 1959. – С. 49.
[569] *Huntington E.* The Pulse of Central Asia. – P. 114–115.
[570] *Смешко Т.Н.* Ткани в одежде киргизов (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Костюм народов Средней Азии / Ред. О.А.Сухарева. – М.: Наука, 1979. – С. 220–222, 211–228.
[571] *Lansdell H.* Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. – Vol. I. – P. 312.
[572] *Huntington E.* The Pulse of Central Asia. – P. 114–115.
[573] Чапан с крупными бордовыми цветами. – ЭФ. – Инв. №46, чапан мужской, серого цвета, вышивка. – ЭФ. – КП №29. – Инв. №70, чапаны женские. – ЭФ. – КП № 55. – Инв. № 67, инв. № 64.
[574] *Sykes E.* Through Deserts and Oases of Central Asia. – P. 118, 164; *Hedin S.* Through Asia. – Vol. II. – P. 659; Vol. I. – P. 171, 195, 278.

[575] *Горелик М.В*. Среднеазиатский мужской костюм на миниатюрах XV–XIX вв. // Костюм народов Средней Азии / Ред. О.А.Сухарева. – М.: Наука, 1979. – С. 49.
[576] *Hedin S.* Through Asia. – Vol. I. – P. 195.
[577] *Валиханов Ч.Ч.* Дневник поездки на Иссык-Куль. – Т. I. – С. 338; коллекция Кырг. истор. музея. – Этногр. фонд. – КП. № 31. – Инв. № 92, инв. № 31/1.
[578] Понятие «Костюм-символ», обозначающий праздничный традиционный костюм, встречается у исследователя теории костюма И.В.Богославской. См.: *Богославская И.В.* Национальный костюм – национальное самососознание. Проблемы науки о костюме // Этнографическая наука и этнокультурные процессы. Способы взаимодействия / Отв. ред. А.С.Мыльников. – СПб.: МАЭ РАН, 1993. – С. 93.
[579] *Huntington E.* The Pulse of Central Asia. – P.111–112; *Sykes E*. Through Deserts and Oases of Central Asia. – P.164; *Гедин С.* В сердце Азии. – Т. I. –С.122; *Bonvalout G.* Through the Heart of Asia. – Vol. II. – P. 45, 47, 133, 136, 138, 156, 158, 159, 165, 179.
[580] Киргизско-русский словарь. – В 2-х кн. / Сост. К.Юдахин. – Кн. I. – С. 76.
[581] *Абрамзон С.М*. Указ. работа. – С.144; *Антипина К.И*. Указ. работа. – С.232–238.
[582] *Bonvalout G.* Through the Heart of Asia. – Vol. II. – P.45–47; *Hedin S.* Through Asia. – Vol. II. – P. 659. – Vol. I. – P. 388, 278, 415.
[583] *Симаков Г.* Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии. Ритуальный и практические советы. – СПб.: Наука, 1998.
[584] *Антипина К.И.* Указ. работа. – С. 251.
[585] *Lansdell H*. Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. – P. 326.
[586] *Потапов Л.* Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник. – М.: Наука, 1972. – С. 265–286; *Акмолдоева Ш.* Древнекыргызская модель мира (на материалах эпоса «Манас»). – Бишкек: Илим, 1996.
[587] *Huntington E.* The Pulse of Central Asia. – P.115; *Macartney L.* An English Lady in Chinese Turkestan. – P. 146.
[588] *Hedin S*. Through Asia. – Vol. I. – P. 278.
[589] *Валиханов Ч.Ч.* Записки о киргизах. – Т. II. – С. 38.
[590] *Macartney L.* An English Lady in Chinese Turkestan. – P. 146.
[591] *Мешкерис В.А.* Женские чалмообразные головные уборы на кушанских статуэтках из Согда // Костюм народов Средней Азии / Ред. О.А.Сухарева. –М.: Наука, 1979. – С.17–18; *Писарчик А.К.* Материалы к истории одежды таджиков Нурата. Старинные женские платья и головные уборы. –С.113–122.
[592] *Мешкерис В.А*. Указ. работа. – С.13–18; *Мокрынин В.М.* По следам прошлого. – Фрунзе: Кыргызстан, 1986.
[593] *Антипина К.И.* Указ. работа. – С. 232–238.
[594] *Валиханов Ч.Ч.* Дневник поездки на Иссык-Куль. – Т. I. – С. 340; Этнографический альбом П.М.Кошарова (1857) // Сб. МАЭ. – Т. XIV. –Л., 1953; *Дудин С.М.* Фотоальбом и отчет о поездке. – ГМЭ, фотоархив, колл. 43, архив № 247.

[595] *Huntington E*. The Pulse of Asia. – P. 115.
[596] *Macartney L*. An English Lady in Chinese Turkestan. – P. 146.
[597] *Антипина К.И*. Указ. работа. – С. 261.
[598] *Sykes E*. Through Deserts and Oases of Central Asia. – P. 118.
[599] *Bonvalout G*. Through the Heart of Asia. – Vol. II. – P. 45–47.
[600] *Борозна Н*. Некоторые материалы об амулетах-украшениях населения Средней Азии // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии / Ред. Н.П.Лобачева. – М., 1975. – С. 293.
[601] По материалам кыргызского этнографа К.Мамбеталиевой. См.: *Асанканов А.А., Алымкулова С.К., Эралиев С.Н.* Оборванная жизнь...// Этносоциальные и этнокультурные процессы в Кыргызстане с древнейших времен до наших дней / Ред. Асанканов А.А. – С. 79.
[602] *Мусаев С.* Эпос «Манас». – Фрунзе: Илим, 1979; *Баялиева Т.Дж.* Религиозные пережитки у киргизов и их преодоление. – Фрунзе: Илим, 1981; *Абдылдаев М*. Из истории религии и атеизма в Кыргызстане. – Бишкек: Илим, 1991; *Басилов В.Н.* Исламизированное шаманство народов Средней Азии и Казахстана (Историко-этнографическое исследование): Дис… д-ра ист. наук. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая. – М., 1991; *Молдобаев И.Б.* Манас – историко-культурный памятник кыргызов. – Бишкек: Кыргызстан, 1995; *Акмолдоева Ш.Б.* Древнекыргызская модель мира (на материалах эпоса «Манас»). – Бишкек: Илим, 1996; *Дыйканбаева А*. Кыргыз уламыштары. – Бишкек, 2005; *Уметалиева-Баялиева Ч.Т.* Этногенез кыргызов: музыковедческий аспект. Историко-культурологическое исследование. – Бишкек, 2008.
[603] *Hedin S.* Through Asia. – Vol. I. – P. 21–22.
[604] *Кривец Е.А*. Ислам в Центральной Азии. – М.: Леном. – С. 81, 94.
[605] *Schuyler U.* Turkestan. – Vol. II. – P. 137–138.
[606] *Macartney L.* An English Lady in Chinese Turkestan. – P.146; *Sykes E.* Through Deserts and Oases of Central Asia. – P. 125.
[607] *Allworth E*. Central Asia. – P. 4.
[608] *Hedin S*. Through Asia. – Vol. II. – P. 277–288.
[609] *Huntington E*. The Pulse of Central Asia. – P. 119–120.
[610] *Dunmore E*. The Pamirs. – P. 114–115.
[611] *Schuyler U.* Turkestan. – Vol. II. – P.138; *Валиханов Ч.Ч.* Записки о киргизах. – Т. II. – С. 46–47.
[612] *Кривец Е.А.* Ислам в Центральной Азии. – С. 75.
[613] *Hedin S.* Through Asia. – Vol. I. – P. 149.
[614] *Дыйканбаева А*. Кыргыз уламыштары. – Бишкек, 2005. – С. 295.
[615] *Waugh D.* Exploring the ‘Kongur Alps’ // The Himalayan Journal / M.Devjani. – Vol. 54. – Deli&London&N-Y: Oxford University Press, 1998. – C. 27.
[616] *Басилов В.Н.* Исламизированное шаманство народов Средней Азии и Казахстана (Историко-этнографическое исследование): Дис… д-ра ист. наук. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая. – М., 1991. – С.42.
[617] *Schuyler U*. Turkestan. – Vol. II. – P. 137–138.

www.bizdin.kg

[618] *Сегизбаев О.* Ч.Ч.Валиханов – исследователь-мыслитель. – Алма-Ата, 1974. – С. 102.
[619] *Валиханов Ч.Ч.* Следы шаманства у киргизов. – Т. IV. – С. 49.
[620] См.: *Сухарева О.А.* Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. – М., 1975. – С. 58.
[621] *Басилов В.Н.* – Указ. работа. – С. 42.
[622] *Валиханов Ч.Ч.* Записки о киргизах. – Т. II. – С. 73.
[623] *Тайлор Э.Б.* Первобытная культура. – М.: Госполитиздат, 1989. – С.500.
[624] *Валиханов Ч.Ч.* Следы шаманства у киргизов. – Т. IV. – С. 55.
[625] *Токарев С.А.* Ранние формы религии. – М.: Политиздат, 1990. – С. 592.
[626] *Бутанаев В.Я.* Культ огня у хакасов // Вестн. Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф.Катанова. – 1997. – Вып. III. – С. 3–4.
[627] *Тургунбаева А.* Вопросы гендерного равенства: уроки истории семье // Государственность и религия в духовном наследии Кыргызстана / Ред. В.М.Плоских. – Бишкек: Илим, 2003. – С. 86–90.
[628] *Hedin S.* Through Asia. – Vol. II. – P. 282.
[629] *Macartney L.* An English Lady in Chinese Turkestan. – P. 145.
[630] *Sykes E.* Through Deserts and Oases of Central Asia. – P. 119.
[631] *Ibid.*– P. 145.
[632] *Ibid.* – P. 150.
[633] See.: *Spradley J., McCurdy W.D.* Conformity and Conflict. Reading in Cultural Anthropology. – P. 20.
[634] Киргизско-русский словарь / Сост. К.К.Юдахин. – Кн. II. – С. 455-456.
[635] *Sykes E.* Through Deserts and Oases of Central Asia. – P. 150.
[636] История Киргизской ССР. – Т. II. – С. 233.
[637] *Sykes E.* Through Deserts and Oases of Central Asia. – P. 150.
[638] *Ibid.* – P. 150, 125.
[639] *Mannergeim C.G.* Across Asia. – P. 34.
[640] *Schuyler U.* Turkestan. – Vol. II. – P. 137–138.
[641] *Sykes E.* Through Deserts and Oases of Central Asia. – P. 165.
[642] *Гедин С.* В сердце Азии. – С. 97–98.
[643] *Уметалиева-Баялиева Ч.Т.* Эногенез кыргызов: музыковедческий аспект. Историко-культурологическое исследование. – Бишкек, 2008. – С. 150–151.
[644] *Виноградов В.* Киргизская народная музыка. – Фрунзе: Киргосиздат, 1958. – С. 69.

www.bizdin.kg

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1.

Сравнительно-сопоставительная таблица кыргызского родоподразделения

Ч.Ч. Валиханов, 1856	Н.А.Аристов, 1850–1880	Ю.Шуйлер, 1873	И. Данмор, 1882	С.А.Аттокуров, 1995

Найман	**Найман**		**Niaman:** Kon, **Busturogas, Mirza**, **Kiak**	**Найман: Кара найман,** Чпкылдак, Туума Тукум, Шыргоо, Кургал Найман, Уркунчу, **Босторгой, Мырза Найман**, Коко Найман, Кожо Найман, Боо Найман, **Кийак Найман**, Кок Найман

Кыпчак	**Кипчак**		**Kipchak**: Sart, Kirghiz **Kipchak**, Kalta-baital	**Кыпчак: Кыпчак** Торуайгыр, Ходжашукур, Кармыш**,** Ормонок, Сакоо кыпчак, Аткачи, Жаманак, Жартыбай, Кызыл-Айак, Шерден, Таз Кыпчак, Алике
			Tai-it:**Kara Ta-it**, Sart Ta-it	**Теит:** Бай Теит, Арык теит, Чал теит, **Кара Теит**, Токум Теит, Сары теит, Уйгур Теит, Чапан Теит, Кынырша

			Kissak: Bostan, Kiddarshah, Khangdeh	**Кесек:** Сиберги, Ата-Тоо, Карамолдо, Вайкесек, Можой, Алтынчи, Сарысан, Мала, Чуулдак, Карасын, Болоксары, Кара кесек, Ешкара
Тагай		**-**	**Taghay**	**Тагай**
Адигине	**Адыгине**	**-**	**Andigina**	**Адигине**
Бугу		**Bogu**	**Boghu**	**Бугу**
Сарыбагыш	**Сарыбагыш**	**Sry-Bagysh**	**Sarighbaghish**	**Сарыбагыш**
Черик		**Tcherik**	**Cherib**	**Черик**
Чонбагыш		**Tchon-bagysh**	**Chungbaghiz**	**Чонбагыш**
Кушчу	**Куши или кучу**	**Kontche (Kutchu)**	**Kochi**	**Кушчу**
Солто	**Султу**	**Sult(Solty)**	**-**	**Солто**
Саяк	**Саяк**	**Sayak**	**-**	**Саяк**
Базис		**Bassyz**	**-**	**Бассыз**
Сару	**Сару**	**Saru**		**Сару**
-	**Мундуз**	**Munduz**		**Мундуз**

Кытай	**Ктай** **Ичкилик** **Монгуш**	**Ktai**		**Кытай**

Таблица 2.

Исчисление среднего возраста российских и путешественников из западных стран

№	Путешественники	Годы рождения
1.	Вамбери Арминиус	1832
2.	Гордон Томас	1832
3.	Шуйлер Юджин	1840
4.	Лансдел Генри	1841
5.	Данмор Чарльз	1841
6.	Ужфальви Мезо де Ковесд	1842
7.	Бонвало Габриел	1853
8.	Штейн Аурел	1862
9.	Янгхазбэнд Фрэнсис	1863
10.	Гедин Свен	1865
11.	Хантингтон Элсуорс	1876
12.	Sykes, Ella	1891
13.	Северцов А.Н.	1827
14.	Семенов-Тян-Шанский П.П.	1827
15.	Валиханов Ч.Ч.	1835
16.	Маев Н.А.	1835
17.	Радлов В.В.	1839
18.	Пржевальский Н. М.	1839
19.	Федченко А.П.	1844
20.	Федченко О.А.	1845
21.	Регель А.Э.	1845
22.	Веселовский Н.И.	1848
23.	Мушкетов И.В.	1850
24.	Грум-Гржмайло Г.Е.	1860

№№ I	Варианты, Xi	Частота Ni	Относительная частотность Q i	В про-центах	Накопленная частотность (в %)
1	44	2	0,0870	8,70	8,70
2	36	1	0, 0435	4,35	13,05
3	35	2	0,0870	8,70	21,75
4	34	1	0, 0435	4,35	26,20
5	23	1	0, 0435	4,35	30,55
6	14	1	0, 0435	4,35	34, 90
7	13	1	0, 0435	4,35	39,25
8	11	1	0, 0435	4,35	43,60
9	0	1	0, 0435	4,35	47,95
10	-15	1	0, 0435	4,35	52,30
11	41	2	0,0870	8,70	61,00
12	37	2	0,0870	8,70	68,70
13	32	1	0, 0435	4,35	73,05
14	31	2	0,0870	8,70	81,75
15	28	1	0, 0435	4,35	86,10
16	26	1	0, 0435	4,35	90,45
17	16	1	0, 0435	4,35	94,80
18	10	1	0, 0435	4,35	99,15

www.bizdin.kg

Таблица 3.

Сравнительно-сопоставительный анализ въезда иностранцев на основе архивного документа «О разрешениях на приезд в Туркестанский край иностранцев – подданных европейских стран – германцев, англичан и др.»[644]

Из Германии	**Из Франции**	**Из Великобритании**	**Из США**	**Из других европейских стран: Австрии, Бельгии, Швейцарии, Дании**
Лист.4 Л.15 Л.19, Л.20 Л.39 Л.45 Л.78 Л.88 Л.116 Л.120 Л.122 Л.138 Л.154 Л.169 Л.171 Л.177 Л.178 Л.199 Л.210 Л.228 Л.249 Л.268 Л.275 Л.279 Л.309	Лист.67 Л.74 Л.78 Л.85 Л.123 Л.169 Л.171 Л.188 Л.210 Л.271 Л.279	Лист.42 Л.19 Л.33 Л.39 Л.55 Л.58 Л.78 Л.84 Л.117 Л.119, Л.138 Л.154 Л.168 Л.178 Л.194 Л.202 Л.208 Л.210/об Л.267 Л.277 Л.299 Л.303/об.	Лист.88 Л.27 Л.154 Л.156 Л.162 Л.169 Л.275 Л.277	Лист.20 Л.27 Л.60 Л.96 Л.123 Л.114 Л.136 Л.138 Л.153 Л.157 Л.160 Л.162 Л.169 Л.171 Л.200 Л.201 Л.204 Л.210/об Л.249 Л.254 Л.279 Л.299
24 листа	10 листов	21 лист	7 листов	21 лист